

Августо КУРИ

*Книга, которая захватит ваше сознание
и покориет ваше сердце*

Продавец грез

Annotation

Современная философская притча от феноменально популярного бразильского писателя, ученого, психотерапевта Августо Кури.

Загадочный персонаж появляется на вашем жизненном пути и заявляет, что все мы живем в огромном сумасшедшем доме, где нормальные люди считаются больными и наоборот. Каждый хочет, чтобы его жизнь была полна необыкновенных чувств, но где их найти в условиях современного общества? Некоторые заплатят за свою мечту слишком дорого, возможно собственной жизнью...

- [Августо Кури](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Знакомство](#)
 - [Представление](#)
 - [Эмоциональная встряска](#)
 - [Потери](#)
 - [Приглашенный](#)
 - [Первый шаг](#)
 - [Раскрепощение ума](#)
 - [Призыв к запутавшимся](#)
 - [Необычная мечта Бартоломеу](#)
 - [Мой дом и весь свет](#)
 - [Шайка ненормальных](#)
 - [Маленькие, но смелые ласточки](#)
 - [Самый тихий уголок социального сумасшедшего дома](#)
 - [Торжественные почести](#)
 - [Чудотворец, влюбленный в собственное «я»](#)
 - [Сложный случай](#)
 - [Одержимый](#)
 - [Богадельня вверх тормашками](#)
 - [Храм информатики](#)
 - [Выявляя источники стрессов](#)
 - [Яд социальной назойливости](#)
 - [Превосходство женщин](#)

- [Храм моды: улыбка в атмосфере хаоса](#)
 - [Призваны манекенщица и революционерка](#)
 - [Бабочка и кокон](#)
 - [Двухдневный поход](#)
 - [Отправляя учеников](#)
 - [Продавец грез в храме финансов](#)
 - [Расшатывая некоторые устои марксистской теории](#)
 - [Дом ужаса](#)
 - [Психопат или мыслитель?](#)
 - [Если бы я мог повернуть время вспять](#)
 - [Выражение благодарности и признательности](#)
-

Августо Кури

Продавец грез

Посвящаю этот роман милым моему сердцу читателям тех стран, в которых публиковались мои книги. В особенности тем, кто так или иначе погружает людей в грезы силой своего ума, глубоко продуманными суждениями, четкостью своих ощущений, добротой и благожелательностью. На людей, приносящих грезы, в современном обществе зачастую смотрят как на нечто инородное, аномальное. Ибо быть нормальным в современном обществе означает погрязнуть в смердящем омуте индивидуализма, эгоцентризма и персонализма. Интеллектуальное наследие тех, кто приносит грезы, будет жить в веках.

Предисловие

Предлагаемая книга — это мое четвертое сочинение в жанре беллетристики и двадцать второе, если считать все, что я написал. В романах «Будущее человечества» и «Диктатура красоты» я не преследовал цель создать сюжеты, которые лишь развлекали бы, забавляли или вызывали какие-то определенные эмоции. Оба романа содержат рассуждения психологического, социологического и философского характера. Их цель — пробудить желание поспорить, уйти в мир Идей, выйти за пределы предвзятых мнений.

Я пишу не переставая уже более двадцати пяти лет, а публикуюсь на протяжении немногим более восьми лет. В ящике моего стола — более трех тысяч еще не видевших свет страниц. Многие читатели никак не могут понять, почему мои книги пользуются таким успехом, несмотря на то что я пренебрегаю услугами рекламных агентств, а в социальном плане, насколько это возможно, веду довольно замкнутую жизнь. Может быть, это каким-то образом связано с моим уходом в загадочный мир человеческого сознания. Откровенно говоря, подобного успеха я отнюдь не заслуживаю. Я не тот писатель, который создает свои произведения с удивительной быстротой. Вместе с тем мне не чужда определенная категоричность. Мне нравится казаться человеком настойчивым и удастся роль своего рода кустаря-одиночки в сфере словесности. Пишу и переписываю каждый параграф, без усталости, день и ночь, как скульптор, стремящийся к полному совершенству. В предлагаемом вашему вниманию романе вы найдете размышления, которые выкристаллизовались, пройдя раз двадцать сквозь горнило моих душевных мук.

Некоторые книги являются детищем одного лишь интеллекта, другие — одних только эмоций. «Продавец грез» — это результат слияния обоих этих источников. На обдумывание книги ушло много лет, прежде чем я позволил себе написать ее. Уже в процессе создания романа у меня возникало великое множество вопросов. Я улыбался и часто размышлял о наших человеческих, а скорее — о собственных глупостях. Роман становился то драмой, то сатирой, то трагедией людей, переживших потерю, по своему простодушию превративших жизнь в некое подобие цирковой арены.

Главный персонаж — невероятно смелый человек. Он хранит множество тайн. Ничему и никому не удается взять под контроль его жесты и речь, они подвластны лишь его собственному разуму. Он не раз взывал к людям, предупреждая их о том, что современное общество превратилось в огромный, глобальных масштабов сумасшедший дом, в котором ненормально быть здоровым, тихим и безмятежным. Он обращается к разуму людей, встречающихся на его пути, — на улицах и предприятиях, в магазинах и школах, — прибегая к методике Сократа, который ставил учеников в тупик бесчисленными вопросами.

Очень надеюсь на то, что эту книгу прочитают не только взрослые, но и молодые люди, поскольку, как мне кажется, многие из них постепенно становятся пассивными прислужниками нынешней социальной системы. Их не прельщают ни грезы, ни рискованные предприятия. В конечном счете они превратились в элементарных потребителей товаров и услуг, но отнюдь не идей. А между тем, сознательно или бессознательно, все люди, за небольшим исключением, стремятся к эмоционально насыщенной жизни. Даже младенцы идут на риск, когда пытаются выползти из своей кроватки. Но где таких эмоций больше всего? Где их можно найти в современном обществе? Некоторые люди платят большие деньги, чтобы обрести их, но в их душах не остается ничего, кроме тревоги. Другие отчаянно ищут славы, стремятся создать хорошую репутацию, но умирают в глубокой тоске. А есть еще такие, которые в погоне за эмоциями ищут приключений, карабкаются на крутые горы, но эти эмоции исчезают, словно туман под жарким солнцем нарождающегося дня. Протест против убийственной рутины современного общества выражают персонажи этого романа. Они будут постоянно ощущать

мощные выбросы адреналина. Однако за пробуждение грез нужно платить, и платить дорого. Так что соберите все свое мужество — я приглашаю вас в рискованное путешествие по штормовому морю.

Знакомство

В самый милый сердцу день недели, пятницу, в пять часов пополудни вечно торопящиеся люди перестали торопиться и, как это часто случается, образовали толпу у главного перекрестка большого города. Они с беспокойством поднимали головы и смотрели вверх у пересечения улицы Америки и проспекта Европы. Резкий звук сирены пожарной машины больно бил по барабанным перепонкам, возвещая о нависшей опасности. Через образовавшуюся пробку удалось пробиться машине «скорой помощи», чтобы подъехать к месту происшествия.

Пожарные быстро огородили прилегающую к высотному зданию «Сан-Пабло» территорию, не давая зрителям подойти поближе. Здание принадлежало группе «Мегасофт», одному из самых крупных предпринимательских объединений в мире. Собравшиеся переглядывались, а на лицах у вновь подходящих горожан появлялось выражение озадаченности. Что происходит? Что это за движение вон там? Люди показывали вверх. На двадцатом этаже, у парапета красивого строения из полированного стекла застыла согбенная фигура самоубийцы.

Еще один представитель рода человеческого собирался сократить свое и так чрезвычайно короткое существование. Еще один человек планировал отказаться от права на жизнь. Времена были невеселые. Самоубийства уносили больше людей, чем войны и преступления. Статистика поражала тех, кто задумывался над этими цифрами. Тяга к наслаждениям была огромной, словно океан, и такой же безмятежной, как водная гладь. Многие привилегированные в финансовом и интеллектуальном отношении люди влачили пустую, скучную жизнь, замкнувшись в своем мирке. Социальная система опустошала души не только бедных, но и вполне обеспеченных.

Самоубийца на «Сан-Пабло» был мужчиной сорока лет, с круглым лицом без морщин, с густыми черными бровями. Волосы его были тронуты сединой и хорошо ухожены. Вся его эрудиция, нажитая за многие годы обучения, теперь исчезла. Из пяти языков, что он знал, не пригодился ни один — ни для того, чтобы поговорить с самим собой,

ни для того, чтобы понять язык иллюзий, роившихся в его сознании. Его душила депрессия. Ничто не радовало.

В описываемый момент все его внимание было сосредоточено только на одном — на этом вызывающем ужас монстре, которого обычно называют смертью... Вместе с тем он же обещал чудесное избавление от свойственных человеку разочарований. Казалось, ничто не может заставить его отказаться от мысли уйти из жизни. Он посмотрел вверх, словно хотел получить прощение за свое последнее в жизни решение, посмотрел вниз и сделал два поспешных шага, совсем не опасаясь сорваться. Толпа в ужасе перешептывалась, думая, что он вот-вот прыгнет.

Некоторые зеваки от сильного волнения кусали себе пальцы, некоторые не сводили с мужчины глаз, боясь пропустить какую-либо деталь происходящего. Отпрыск рода человеческого питает отвращение к боли, хотя и испытывает непреодолимое влечение к ней. Он не приемлет аварий, недугов и нищеты, но эти явления привлекают его внимание. Развязка происходящего сейчас спектакля наверняка принесет зрителям душевные переживания и бессонницу, но уходить с места ужасного происшествия им не хотелось. В отличие от тех, кто находился в партере уличного театра, попавшие в затор автомобилисты проявляли нетерпение и непрерывно сигналили. Кто-то открыл верхнее окно и кричал: «Ну, прыгай же скорее, кончай этот балаган!»

Пожарные и полицейский начальник поднялись на крышу здания и попытались уговорить самоубийцу не прыгать, однако безуспешно. Было решено срочно вызвать известного психиатра и поручить это дело ему. Врач попытался завоевать доверие мужчины, просил его подумать о последствиях своего поступка... но тщетно. Самоубийце надоели эти уловки. Он уже провел четыре бесполезных сеанса у психиатра, поэтому прокричал: «Еще один шаг, и я прыгну!» Единственное, в чем он был уверен, — в том, что «смерть заставит его замолчать», по крайней мере, так ему казалось. Решение было принято — есть в партере зрители или нет. Его ум терзали разочарования, постоянное беспокойство из-за недугов, все сильнее становилась безнадежная тоска.

Пока на крыше высотного здания разворачивались эти события, в толпу незаметно протиснулся мужчина и попросил пропустить его. Можно было подумать, что это прохожий-зевака, такой же, как

остальные, только очень плохо одетый. На нем была расстегнутая синяя рубашка с длинными рукавами, на которой виднелись какие-то черные пятна, и грязно-черный блейзер. Галстука не было. Штаны были тоже черного цвета, с каким-то мутным оттенком. Казалось, что незнакомец целую неделю не умывался. Волосы — с сединой на висках, длинноватые и непричесанные. Бороду он тоже давно не подстригал. Кожа — сухая, с неожиданными морщинками у глаз и помятостями на лице, явным признаком того, что порой ему приходится ночевать под открытым небом. Ему было лет тридцать-сорок, но на вид гораздо больше. Он не был похож ни на важного политика, ни на духовного лидера, а еще меньше — на интеллектуала. Сразу можно было сказать, что он скорее относится к числу изгоев общества, чем к числу его избранных.

Его непривлекательность резко контрастировала с его деликатной жестикуляцией. Он мягко касался плеч людей, улыбался и продолжал продвигаться вперед. Люди, до которых он дотрагивался, никак не могли бы описать чувства, овладевавшие ими в момент прикосновения его руки, но безропотно пропускали мужчину.

Незнакомец подошел к ограждению, установленному пожарными. Дальше его не пустили. Он внимательно посмотрел в глаза тем, кто преградил ему путь, и тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Мне необходимо пройти. Он меня ждет.

Пожарные оглядели его с головы до ног и пожали плечами. Незнакомец не был похож на человека, который мог бы помочь кому-то в столь серьезной ситуации, а скорее сам нуждался в помощи.

— Назовите свое имя, — потребовали они, не моргнув глазом.

— Сейчас это не имеет значения, — твердо заявил загадочный человек.

— Кто вас пригласил? — продолжали спрашивать пожарные.

— Потом узнаете! И если будете задерживать меня здесь своими вопросами, можете заранее готовиться к очередным похоронам, — сказал мужчина, поднимая глаза.

Пожарные начали потеть. Один явно находился в смятении, другой страдал от бессонницы. Последние слова незнакомца смутили их, и он решительно прошел дальше. В конце концов, подумали они, мужчина может быть эксцентричным психиатром или каким-нибудь родственником самоубийцы.

На крыше ему снова преградили путь.

— Стоять на месте! Сюда не положено, — грубо заговорил полицейский начальник и потребовал, чтобы незнакомец немедленно спустился вниз. Однако загадочный человек посмотрел ему прямо в глаза и заявил:

— Почему же не положено, раз меня позвали?

Полицейский начальник посмотрел на психиатра, психиатр посмотрел на начальника пожарных. Они бросали друг на друга вопросительные взгляды, как бы спрашивая, кто мог его позвать. На несколько секунд их внимание было отвлечено. Этого незнакомцу хватило, чтобы проскользнуть через охрану и опасно близко подойти к человеку, готовому сделать последний вдох.

Когда блюстители порядка это увидели, у них уже не было времени, чтобы остановить его. Теперь любые угрозы в адрес незнакомца только приблизили бы трагическую развязку, и полицейские предпочли наблюдать за тем, что будет дальше.

Незнакомец пришел без разрешения и беспокоился из-за того, что самоубийца может вот-вот броситься вниз. Он застал самоубийцу врасплох и остановился в трех метрах от него. Заметив непрошеного гостя, самоубийца тут же закричал:

— Уходите прочь, иначе я убью себя!

Незнакомец пропустил угрозу мимо ушей. Он самым естественным образом сел на парапет, извлек из кармана пиджака бутерброд и начал с огромным удовольствием уминать его, то и дело насвистывая веселый, жизнерадостный мотивчик.

Самоубийца был потрясен. Он почувствовал себя дискредитированным, оскорбленным, осмеянным в эмоциях, целиком владевших им сейчас, и процедил сквозь зубы:

— Прекратите эту музыку. Сейчас брошусь вниз!

Станный человек безмятежно ответил:

— Не откажите в любезности, позвольте мне спокойно поужинать. — И с удовольствием откусил от бутерброда еще пару кусков. Затем он посмотрел на самоубийцу и, протянув к нему руку, предложил часть бутерброда.

Увидев этот жест, полицейский начальник задвигал губами, психиатр стыдливо опустил глаза, а начальник пожарных сморщил от удивления лоб.

Самоубийца никак не реагировал, думая: «Это просто невероятно! Нашелся человек еще более сумасшедший, чем я сам».

Представление

Эта сцена — человек, с явным наслаждением поедающий бутерброд, рядом с другим человеком, собирающимся покончить с собой, — казалась сюрреалистической, словно позаимствованной из какого-то фильма. Самоубийца слегка прищурился. У него участилось дыхание и еще больше напряглись мышцы лица. Он не знал, что делать: то ли прыгать, то ли кричать, то ли поругаться с незнакомцем, и, задыхаясь от нахлынувших чувств, он истошно завопил.

— Время пришло! Я прыгаю! — визжал он, встав на самый край парапета.

Казалось, что на этот раз он действительно осуществит свою угрозу и бросится на землю. Толпа в ужасе перешептывалась, а полицейский начальник закрыл глаза руками, чтобы не видеть жуткую картину.

Все ожидали, что странный человек, дабы избежать трагедии, немедленно уйдет. Он, как психиатр и полицейский, мог бы сказать: «Не делайте этого! Я уйду», или дать совет — что-то вроде: «Жизнь прекрасна, вы способны решить свои проблемы. У вас еще много лет впереди». Но вместо этого он вдруг быстро встал и, к вящему удивлению собравшихся и в первую очередь самоубийцы, громким голосом прочитал стихотворение философского содержания. Он декламировал стихотворение небесам, протянув руки в сторону того, кто решил свести счеты с жизнью.

Пусть будет вычеркнут из анналов истории день,
когда родился этот человек!

Пусть утром того дня высохнет роса,
что окропляет траву!

Пусть затуманится погожий день,
несущий радость путнику!

Пусть ночь, в которую был зачат этот человек,
будет беспокойной!

Пусть на небе этой ночью исчезнут звезды,
украшавшие его своим блеском!

Пусть забудутся улыбки и страхи его детских лет!
Пусть уйдут из его памяти все перипетии и происшествия!
Пусть будут вычеркнуты из летописи его зрелого возраста
мечты и ночные кошмары, обретения ума и глупости!

Прочитав стихотворение во весь голос, незнакомец принял опечаленный вид и, понизив тон, поклонился, сказав: «Номер один». Ошеломленные свидетели случившегося спрашивали друг друга, уж не представление ли это какое-нибудь из тех, что даются на открытом воздухе. Полицейский начальник тоже не знал, как ему реагировать на происходящее. Что было бы лучше — вмешаться или продолжать наблюдать? Начальник пожарных вопросительно посмотрел на психиатра.

— Мне ничего не известно из литературы ни об аннулировании того, что существовало в прошлом, ни о забвении улыбок. И я ничего не понимаю в поэзии... Это, должно быть, еще один сумасшедший!

Самоубийца был удивлен, почти шокирован. Слова, произнесенные незнакомцем, отдавались эхом в его сознании, хотя и без участия его воли. Возмутившись, он отреагировал резко:

— Кто вы такой, чтобы ликвидировать мое прошлое?! Какое право вы имеете на то, чтобы разрушать мое детство? Как это вы осмеливаетесь?

Обрушив на голову незнакомца злые вопросы, самоубийца ушел в себя и подумал: «А может быть, я сам и являюсь ликвидатором собственного прошлого?» Но тут же попытался отогнать возникшие мысли.

Заметив у самоубийцы эти признаки благоразумия, незнакомец осмелился спровоцировать его еще больше:

— Осторожно! Для человека, вознамерившегося покончить с собой, размышления опасны. Если вы собираетесь умереть, перестаньте думать.

Самоубийца смутился. Незнакомец издевался над ним. «Этот тип пытается подтолкнуть меня к самоубийству или еще к чему-то? Может быть, это какой-нибудь садист, жаждущий крови?» Он покачал головой, будто таким способом можно было развеять эти мысли, но размышления всегда несут с собой импульсивные желания.

Незнакомец, почувствовав некоторую путаницу в сознании самоубийцы, заговорил мягким голосом, но не менее убедительно:

— Не раздумывайте! Ибо если вы будете думать, то быстро поймете, что человек, замысливший самоубийство, собирается совершить несколько убийств: первым делом он убивает себя, а потом тех немногих, которые еще остаются. Если будете думать, то поймете, что вина, ошибки, заблуждения и несчастья суть привилегии сознательной жизни. Смерть таких привилегий не имеет!

Тут незнакомец вышел из состояния полной уверенности и вошел в состояние сильной озабоченности. Он сказал: «Номер четыре» — и укоризненно покачал головой.

Воля самоубийцы была парализована. Ему хотелось игнорировать мысли, высказанные незнакомцем, но они, словно вирус, проникали в его сознание. Что это за слова? Пребывая в полном смятении и пытаясь подавить в себе размышления, он снова набросился на возмутителя спокойствия.

— Кто вы такой, почему не щадите моих чувств, а наоборот, нападаете на меня? Почему вы не относитесь ко мне как к бедному душевнобольному человеку, достойному сострадания? — проговорил он и, повышая голос, изрек: — Убирайтесь! Я совершенно конченный тип.

Вместо того чтобы испугаться, странный человек потерял терпение и снова стал нападать на своего окончательно запутавшегося собеседника:

— Кто вам сказал, что вы слабый, что вы забитый бедняга, потерявший способность радоваться жизни? Или человек, лишенный привилегий... человек отчаявшийся? Или человек, который умирает из-за неспособности вынести тяжесть обрушившихся на него невзгод? Как по мне, то вы отнюдь не такой. Я считаю вас всего лишь человеком гордым, запершимся в темнице собственных эмоций и отгородившимся от несчастий куда больших, чем ваши собственные.

Самоубийца заложил руки за спину и, испугавшись, отодвинулся от самой опасной линии. После чего злым, срывающимся голосом спросил:

— Кто вы такой, что позволяете себе называть меня гордецом, погрязшим в темнице собственных эмоций? Позволяете себе

утверждать, что я отгородился от еще больших страданий, чем мои собственные?

Самоубийца чувствовал, что незнакомец задел его самую болезненную струну, попал в самое сердце. Его слова, словно луч солнца, проникали в темные уголки сознания. В этот момент погрузневший самоубийца вспомнил о своем отце, который в детстве буквально угнетал его, заставлял много страдать, будучи человеком далеко не эмоциональным и замкнутым. Однако самоубийца никогда не касался этой темы. Ему было чрезвычайно трудно обращаться к душевным травмам прошлого. Под влиянием этих печальных воспоминаний он со слезами на глазах сказал более спокойным голосом:

— Помолчите. Не говорите больше ничего. Дайте мне умереть.

Поняв, что затронута какая-то глубокая рана, человек, задававший ему вопросы, тоже сменил тон:

— Я с уважением отношусь к вашей боли и не могу сказать ничего существенного о ней. Ваша боль уникальная и единственная, которую лишь вы способны по настоящему чувствовать. Она принадлежит только вам и больше никому.

Эти слова в точности повторяли размышления самоубийцы в форме, напоминающей причитания. Он понимал, что никто не может рассуждать о душевных травмах других. Понимал, что душевные муки его отца были уникальными и, следовательно, никто другой не мог их чувствовать и давать им оценку помимо него самого. Он всегда горячо порицал своего отца, теперь же впервые в жизни увидел его в ином свете. В этот момент незнакомец, к удивлению самоубийцы, вкрадчиво сказал ему нечто такое, что можно было принять как за похвалу, так и за порицание:

— Я вижу в вас также человека храброго, поскольку вы готовы отдать свое тело в обмен на долгую ночь сновидений в закрытой со всех сторон могиле! Это, несомненно, прекрасное заблуждение. — Тут незнакомец прервал свою речь, давая самоубийце время на то, чтобы тот осмыслил, с какими неожиданностями ему придется столкнуться в результате своих действий.

И несчастный еще раз спросил себя, откуда взялся этот странный тип, вознамерившийся сорвать его планы. Что это за человек? Что за слова он произносит! Бесконечная ночь сновидений в темной

могиле... подобная перспектива казалась ему отвратительной. Однако, не желая отказываться от задуманного, он ответил резко.

— Не вижу причин, по которым я должен оставаться во всем этом дерьме, называемом жизнью! — процедил он сквозь зубы и сморщил лоб, раздражаясь оттого, что высказанные незнакомцем мысли беспардонно лезли ему в голову.

Незнакомец понизил голос и снова уверенно заговорил.

— Дерьмо, которое называют жизнью? Какая неблагодарность! Ваше сердце в эту минуту, надо думать, колотится в груди с особой силой, никак не желая расставаться с этой самой жизнью! — произнес он и, с величайшим мастерством изменив тональность, попытался высказать словами то, что говорило сердце самоубийцы: — Ну же! Ну! посочувствуйте мне! Я неустанно работало, проделав миллионы ударов, перекачивая вашу кровь, обслуживало ваши потребности... было вашим слугой, не прося ничего взамен. А теперь вы намерены остановить меня, не давая мне права на защиту? Послушайте, я было вашим самым верным рабом. И каково же мое вознаграждение? Какова плата за услуги? Глупая смерть! Вам хочется остановить мое биение только для того, чтобы прекратить ваши страдания. О! Да вы нечто большее, чем простой эгоист! Если бы меня попросили, я могло бы начать перекачивать еще и мужество! Не отворачивайтесь от жизни, ваше эгоцентричество!

И, подталкивая самоубийцу, незнакомец попросил его прислушаться к тому, что происходит в его груди, и убедиться в том, что его сердце трепещет в отчаянии.

Самоубийца почувствовал, как колышется его сорочка. Он не замечал, что его сердце может вот-вот разорваться. Было такое ощущение, что оно буквально кричало в груди. Самоубийца охладил свой пыл. Его взволновало воздействие, которое слова незнакомца оказали на его размышления. Однако, когда самоубийца, казалось, был окончательно побежден, он проявил тот минимум решительности, который у него еще оставался.

— Я уже приговорил себя к смерти. Это окончательно.

Тогда оборванец нанес ему последний удар.

— Вы себя уже приговорили? А вам известно, что самоубийство — это приговор самый что ни на есть несправедливый? Ибо тот, кто налагает на себя руки, исполняет приговор в условиях, когда

приговоренный даже не имеет права на защиту. Почему вы сами себя приговорили, не дав себе же права на защиту? Почему вы не даете себе права поспорить с собственными иллюзиями, понять, какие потери вы понесете, побороть свои мысли, полные пессимизма? Легче всего сказать, что в жизни нет смысла... На самом деле вы просто несправедливы по отношению к себе самому!

Было видно: незнакомец очень хорошо знает, что люди, думающие о самоубийстве, не понимают, что означает конец их существования. Он знал, что если бы самоубийцы сознавали, в какое отчаяние впадут их близкие и какими ужасными будут последствия самоубийства, то вернулись бы к жизни и стали бы защищать себя. Он понимал, что никакое письмо, никакая предсмертная записка оправдательными документами быть не могут. Человек, который сейчас стоял на крыше здания «Сан-Пабло», оставил своему единственному сыну записку, пытаясь объяснить то, что никакому объяснению не поддается.

Он также разговаривал с психиатрами и психологами о своих взглядах на самоубийство. Его мысли анализировали, интерпретировали, ему ставили диагноз. Ему неоднократно объясняли, в чем заключаются изъяны его мыслительного процесса. Несмотря на то что ему не раз советовали преодолеть свои душевные недуги и посмотреть на них с иных точек зрения, достучаться до сознания этого упорного интеллектуала никак не удавалось. Ни одно из этих психиатрических вмешательств, ни одно из объяснений не могло вывести его из эмоционального тупика, в который он попал.

Человек был недоступен. Однако теперь он впервые был ошеломлен явившимся на крышу незнакомцем. Одежда и более чем скромный облик делали этого человека похожим на нищего, просящего милостыню. Но мысли, которые он высказывал, и действия, которые совершал, выдавали в нем специалиста, способного достучаться до ума, недоступного другим. Его слова скорее вызывали беспокойство, чем спокойствие. Похоже, ему было известно, что без волнения нет дискуссии, а без дискуссии не удастся найти альтернативное решение, не открывается весь диапазон возможностей. Беспокойство самоубийцы возросло настолько, что он наконец решил задать пришельцу вопрос. Он долго сопротивлялся этому желанию, поскольку, как он мог судить по тому, что происходило ранее, таким

образом он бы сделал шаг на минное поле. И все-таки он сделал этот шаг.

— Кто вы такой?

Самоубийца надеялся получить ответ короткий и ясный. Но такого ответа не последовало. Вместо него прозвучала пулеметная очередь встречных вопросов.

— Кто я такой? Как только вы осмеливаетесь спрашивать, кто я такой, если не знаете, кто вы? Кто вы такой, человек, решивший умереть на глазах у изумленных зрителей?

Пытаясь унижить докучливого незнакомца, самоубийца решил использовать его же приемы, сдобрив свою речь порцией сарказма.

— Я? Кто я такой? Я человек, который через несколько мгновений перестанет существовать и уже не будет знать, кто он сейчас и кем был раньше.

— Хорошо. Я не такой, как вы. Ибо вы перестали исследовать самого себя. Превратились в бога. А я каждый день спрашиваю себя: «Кто я такой?» — И тут же, проявив проницательность, он задал очередной вопрос: — А хотите знать, какой ответ я нашел?

Почувствовав некое неудобство, самоубийца согласно кивнул головой. Пришелец продолжал:

— Я вам отвечу, если сначала вы ответите мне. Из каких философских, религиозных или научных источников вы почерпнули ставшую вашей мысль о том, что смерть — это конец существования? Являемся ли мы чем-то вроде живых атомов, которые распадаются и уже никогда больше не восстановят свою прежнюю структуру? Являемся ли мы всего-навсего неким организованным мозгом или обладаем душой, которая сосуществует с мозгом и превосходит его возможности? Какому смертному это известно? Вам? Какой религиозный человек способен защитить свои мысли, не прибегая при этом к фактору веры? Какой специалист в области неврологии способен подкрепить свои аргументы, если при этом не будет использовать определенные умозрительные построения? Какой атеист или агностик способен защитить свои аргументы, не обращаясь к неточным или извращенным понятиям?

Незнакомец, казалось, хорошо изучил и усовершенствовал метод Сократа. Он постоянно искал ответы. У самоубийцы от его вопросов кружилась голова. Он был атеистом, но понял, что его атеизм — это

всего лишь источник умозрительных построений. Подобно многим другим «нормальным» людям, он рассуждал об этих явлениях с ничем не подкрепленной убежденностью и никогда не обсуждал их в отрыве от бурных эмоций и предвзятости.

Неопрятно одетый незнакомец, производивший впечатление человека серьезного, задавал свои вопросы и самому себе. И еще не получив от своего собеседника какого-либо определенного или не совсем определенного ответа, в конце концов заявил:

— Мы оба невежды. Разница между нами состоит в том, что я это признаю.

Эмоциональная встряска

Пока на крыше обсуждались жизненно важные идеи, некоторые люди, толпившиеся внизу, ушли, так и не поняв того, что происходит. Они не стали дожидаться развязки трагедии, которая лично их не касалась. Однако большинство проявило решимость. Им хотелось посмотреть, как будут развиваться события.

Неожиданно в толпу протиснулся человек по имени Бартоломеу, с виду — большой почитатель водки и виски. Это был еще один потомок Адама с невидимыми миру душевными травмами, хотя и постоянно пребывающий в чрезвычайно хорошем настроении, а порой нагловатый. Волосы у него были черные, растрепанные, относительно короткие, вот уже несколько недель не видевшие ни расчески, ни, похоже, и воды. Ему было более тридцати лет. Кожа — чистая, брови густые, лицо слегка припухшее, что скрывало признаки нелегкого существования. Он был довольно пьян, и у него заплетались ноги. Говорил он мягким голосом, растягивая слова, а когда заваливался на кого-нибудь, то вместо благодарности за поддержку ругался.

— Эй, вы меня толкнули, не видите, что ли, что я нахожусь слева? — говорил он одним, а у других просил разрешения: — Позвольте, дружок, я очень тороплюсь.

Бартоломеу сделал еще несколько шагов и остановился перед кюветом. Чтобы не упасть на землю, он попытался ухватиться за первое, что попало под руку. Этой опорой оказалась старушка, на которую он и упал. У бедняжки чуть не сломался позвоночник. Пытаясь освободиться, старушка ударила упавшего палкой по голове и испуганно закричала:

— Слезай с меня, ты, дефективный!

У мужчины не хватало сил, чтобы сдвинуться с места. Слыша, что старушка кричит не останавливаясь, он, что-бы как-то выйти из досадного положения, закричал еще сильнее, чем она:

— Помогите! Люди, скорее! Эта старушка меня не отпускает!

Люди, стоявшие поблизости, перевели свои взгляды с неба на землю. Они обратили внимание на пьяного человека, поняли, что он хитрит, сняли его со старухи, дали пару тумачков и сказали:

— Проваливай отсюда, бродяга.

Однако бродяга, не желая оставаться в долгу, торопливо заговорил:

— Спасибо, люди, за этот тол... тол... — Он был так пьян, что никак не мог выговорить слово «толчок».

Потом начал стряхивать пыль с брюк и чуть не упал опять.

— Вы спасли меня от этой...

Старушка, приготовившись услышать оскорбления в свой адрес, угрожающе подняла трость, чтобы еще раз обрушить ее на голову пьянчужки, но большой специалист в этих делах своевременно исправился.

— ...от этой симпатичной сеньоры, — сказал он и вышел из боя без особых потерь.

Продолжая пробираться сквозь толпу, он заинтересовался, почему все так пристально смотрят наверх, и решил, что люди увидели там инопланетянина. Он с трудом поднял взгляд и, снова возбуждая толпу, начал кричать:

— Я вижу! Я вижу инопланетянина! Осторожно, люди! Он желтый, с рогами и вооружен!

Вообще-то Бартоломеу галлюцинировал. Его рассудок был настолько затуманен, что создавал ирреальные образы. Он не был просто любителем выпить, он был возмутителем спокойствия. Он не только выпивал все, что оказывалось под рукой, ему еще очень нравилось, когда окружающие обращали на него внимание. Отсюда и его прозвище — Краснобай. Ему нравилось пить, а еще больше — говорить. Его близкие приятели говорили, что у него синдром неконтролируемой говорливости.

Он хватал за руки стоящих поблизости людей, призывая их увидеть то, что видел сам. Люди пытались вырваться — били его и обзывали.

— Что за темный народ! — возмущался он, едва ворочая языком. — Только потому, что я первый увидел инопланетянина, они умирают от зависти!

А в это время на крыше «Сан-Пабло» у человека, собиравшегося расстаться с жизнью, становилась все отчетливее мысль о том, что то, с чем он собирался расстаться, на самом деле было продуктом предвзятости его собственных суждений, поскольку его мозг был

полон пустопорожних идей и поверхностных понятий о жизни и смерти. Он боготворил свою образованность, а теперь ему нужно было всерьез задуматься над своим невежеством — поведение маловероятное (даже болезненное) для человека, который всегда считал себя блестящим эрудитом. В сфере наук, как ему казалось, он обладал широкими знаниями, которые с гордостью выставлял напоказ, но какими же долгими показались минуты, понадобившиеся, чтобы убедиться в полном отсутствии у себя ума!

Он почувствовал, что принимает душ, несущий ясность мышления. И этим душем его безостановочно поливал человек, пропитанный неизвестными величинами и лишенный социального блеска. И, словно этого было мало, незнакомец продолжал терзать самоубийцу. Он прошелся по биографии одного великого мыслителя.

— Почему Дарвин в последние минуты своей жизни, когда его ужасно тошнило и рвало, кричал: «Боже мой!»? Проявлял ли он малодушие, обращаясь к Богу, когда жизненные силы покидали его? Оказался ли он трусом, у которого путались мысли оттого, что он испытывал сильнейшую боль и по мере приближения конца стал считать смерть чем-то противоестественным, — вопреки тому, что в основе его теории происхождения видов лежала именно идея о естественном отборе? Почему возникло такое огромное противоречие между его существованием и его собственной теорией? Смерть — это конец или начало? Мы исчезаем в ней или появляемся? А может быть, когда мы умираем, мы превращаемся в отрывку Истории, подобно актерам, неспособным изобразить на лице чувства, которые вызывают у них слова партнера?

На лице самоубийцы не отразилось ничего, кроме удивления, и он проглотил слюну. Он никогда об этом не думал, никогда так, от всего сердца, не размышлял над предположением о том, что младенец, отрывая молоко матери, сам, пожелав умереть, отрывал бы свою историю из Истории Всеобщей. Хотя он и разделял дарвиновскую теорию эволюции, о самом Дарвине ничего не знал, не знал ничего о конфликтах, связанных с этой фигурой. Но был ли Дарвин непоследовательным, боязливым? Нет... Нет, не мог быть. «Дарвин не отказывался от жизни. Конечно же, он любил жизнь значительно сильнее, чем я», — думал самоубийца.

Чувство, которое он сейчас испытывал, было вызвано тем, что этот человек, задающий бесчисленные вопросы, снял с него одежды кичливого превосходства, не спросив на это разрешения. Пока успокаивалось сердце, он успел перевести дух, как будто получил рубашку обратно, прямо из воздуха, который он вдыхал, дабы набраться сил и пройти по тем тайникам собственного сознания, куда раньше никогда не заглядывал. Его ответ был чистосердечным.

— Нет, не знаю. Я никогда об этом не думал.

А пришелец добавил:

— Мы работаем, делаем покупки, торгуем, строим общественные отношения. Мы рассуждаем о политике, экономике и науках, но по сути дела являемся младенцами, играющими в театре жизни, неспособными понять всю ее сложность. Мы пишем миллионы книг и складываем их в огромных библиотеках, но остаемся всего лишь детьми. Нам почти ничего не известно о том, кто мы такие. Мы суть миллиарды детей, которые играют, привязанные к этой изумительной планете.

Самоубийца замедлил дыхание. Он начал вспоминать свою жизнь. Жулио Сезар Ламберт, так его звали, был человек тонкого ума, энергичный и принадлежал к привилегированному сословию. Делая многообещающую карьеру в науке, он блестяще защитил диссертации магистра и доктора. Работал во многих учреждениях оценщиком работ других людей. Не задумываясь, вкладывал в острые критические замечания свои знания магистра и доктора, оставаясь влюбленным в себя человеком, и постоянно требовал, чтобы прочие люди полностью подчинялись его интеллекту. В настоящее время он работал в банке под началом какого-то недостойного человека и ощущал себя беззащитным ребенком перед лицом собственных страхов и недостаточной подготовленности. Но его впервые публично назвали младенцем, и он не почувствовал озлобления, а получил удовольствие от признания того, что он по сути еще совсем дитя. Он уже чувствовал себя не мужчиной, стоящим перед лицом собственной смерти, но простым человеком, переживающим кризис.

Потери

Глупость можно излечить, только отбросив прочь все маски, которыми она прикрывается. А Жулио Сезар прятался за такими масками, как велеречивость, образование и ученые степени. Сейчас он начинал снимать этот камуфляж. И ему предстояло пройти еще долгий-долгий путь.

Солнце уже опустилось до самого горизонта. Самоубийца зря тратил время на крыше «Сан-Пабло». В этот момент человек, спасавший его от смерти, произнес: «Номер двадцать», показывая при этом всем своим видом, что чрезвычайно опечален.

— Почему вы все время называете какие-то номера? — спросил заинтригованный Жулио Сезар.

Незнакомец ответил не сразу. Он посмотрел на горизонт, увидел, как одни огни зажигаются, а другие гаснут. Стоял и спокойно дышал, словно ему хотелось быть во всех местах одновременно, чтобы снова зажечь потухшие огоньки. Потом он повернулся лицом к Жулио Сезару, пристально посмотрел ему в глаза и мягко заговорил, напрягаясь, чтобы выдерживать взятый тон:

— Почему я считаю номера? За тот короткий промежуток времени, пока мы стоим на этой крыше, двадцать человек навсегда закрыли глаза. Двадцать человек решили свести счеты с жизнью. Двадцать представителей рода человеческого отказали самим себе в праве на защиту, подобно тому, как это пытались сделать вы. От людей, которые шутили, любили, ссорились, мирились... теперь остался лишь болезненный рубец в памяти тех, кто продолжает жить.

Жулио Сезар не понимал утонченной чувствительности этого человека. Кто он такой? Почему его слова оказывают столь мощное воздействие? Проницательный преподаватель пытался дать непрошеному гостю определение, но безуспешно. И, мельком взглянув на него, вдруг увидел, что незнакомец плачет. Подобная реакция такой сильной личности была совершенно неожиданной. Казалось, незнакомец ощущал неопишемую боль детей, потерявших своих отцов и выросших, постоянно задавая себе вопрос: «Почему он не вынес свою боль ради меня?» Казалось также, что он понимал размышления

отцов, потерявших детей и чувствовавших свою вину, несмотря на то, что зачастую многое для них они все же делали. И это чувство вины подогревалось мыслью: «Что я мог сделать для своего сына, но так и не сделал?» А еще казалось, что вторгшийся в его жизнь человек плачет, потому что таким образом искупает собственную вину за неведомые миру утраты.

Как бы там ни было, факт оставался фактом: как речь незнакомца, так и его слезы полностью «разоружили» Жулио Сезара. Этот интеллеktуал пошел по дорогам своего детства, что оказалось выше его сил, и тоже зарыдал. Никогда раньше он не плакал, не обращая внимания на людей, ставших тому свидетелями. Это был человек с многочисленными и глубокими душевными травмами.

— Мой отец играл со мной, целовал меня и говорил: «Мой любимый сынок».

И самоубийца, сделав глубокий вдох, заговорил на тему, обсуждать которую всегда считал предосудительным, о том, чего не знали даже его самые близкие коллеги. О том, что было похоронено, но продолжало жить и влияло на то, как он оценивал собственную жизнь.

— Он меня покинул, когда я был еще ребенком, — сказал он, сделал паузу и добавил: — Я смотрел мультфильм в гостиной, когда услышал громкий хлопок в комнате отца. Когда я вошел в эту комнату, чтобы посмотреть, что случилось, то увидел отца, лежащего на полу в луже крови. Мне было всего шесть лет. Я без конца кричал, моля о помощи. Матери дома не было. Я побежал к соседям, но мое отчаяние было таким огромным, что очень долго никто не мог понять, в чем дело. Жизнь началась с плохого, и годы невинного детства оказались для меня фактически потерянными. Мой духовный мир рухнул. Я возненавидел мультипликационные фильмы. Братьев и сестер у меня не было. Моей матери, бедной вдове, пришлось много работать. Она храбро боролась за то, чтобы вырастить меня, но заболела раком и умерла, когда мне было двенадцать лет. Воспитывали меня мамыны братья. Я переходил из дома в дом, чувствуя себя посторонним у домашних очагов, которые никогда не были моими. Будучи подростком, я часто раздражался. Семейные праздники меня мало привлекали. Случалось так, что меня неоднократно использовали как слугу, и я должен был это терпеть.

У Жулио Сезара появилась склонность к агрессии. Он стал малообщительным, застенчивым и нетерпимым, чувствовал себя никому не нужным и никем не любимым. Чтобы окончательно не погубить себя, он компенсировал свои личные проблемы прилежным учением. Хотя и с трудом, но ему удалось поступить в университет и стать блестящим студентом. Днем он работал, в университет ходил по вечерам, изучал необходимый материал по утрам и по выходным, в конечном счете развив в себе злость, которую так и не смог побороть.

— Но я превзошел всех тех, — продолжал он, — кто смеялся надо мной. Я стал более культурным и более удачливым в делах, чем они. Я стал примерным студентом, а потом весьма уважаемым преподавателем. Одни завидовали мне, другие ненавидели. Многие мной восхищались. Я женился, у меня родился сын Жоао Маркос. Но думаю, что мне не удалось стать хорошим любовником и хорошим отцом. Шло время, и год назад я влюбился в студентку, которая была на пятнадцать лет моложе меня. Я был в отчаянии, пытался соблазнить ее, купить ее любовь, влез в долги. Потерял кредитоспособность, страховку и... наконец она меня бросила. Земля разверзлась у меня под ногами. Жена узнала об этом увлечении и тоже покинула меня. Когда она ушла, я понял, что все еще люблю ее, я просто не мог ее потерять! Я пытался вновь завоевать ее, но она устала от жизни с интеллектуалом, который всегда оставался бесчувственным, был пессимистом, постоянно находился в подавленном состоянии, а теперь еще, кроме всего прочего, обанкротился. Так и она оставила меня.

Тут он дал волю слезам, чего не делал с тех пор, как умерла его мать. Плача, он вытирал слезы правой рукой. Люди, знавшие его как властного преподавателя, не имели ни малейшего представления о его душевных ранах.

— Жоао Маркос, — продолжал он, — мой сын, превратился в наркомана. Он стал агрессивен, часто упрекал меня в том, что я никогда не играл с ним, никогда не был с ним добр, никогда не был для него ни другом, ни товарищем. Он уже несколько раз попадал в наркологическую лечебницу. Сейчас он живет в другом штате и не желает со мной общаться. Короче говоря, с пятилетнего возраста я только и делаю, что коллекционирую бесчисленные потери. Одни произошли по вине других, но многие — по моей собственной, —

откровенно признался самоубийца. Он начинал понимать, что ему необходимо сбросить с себя камуфляж.

Когда он закончил речь, в его сознании быстро промелькнуло нечто вроде фильма. Он вспомнил, как выглядел отец в последние минуты перед смертью. Вспомнил и о том, как звал его днем и ночью в течение долгих недель после смерти; вспомнил о том, как вырос в постоянной обиде на отца, полагая, что тот закрылся в своей эмоциональной клетке, страдая от болезней, от которых он, Жулио, потом будет страдать сам.

Сейчас он повторял тот же путь. Прошрое оказывало на его психику более мощное влияние, чем проблемы научной карьеры. Образование не помогало ему легче приспособиваться к жизни, не снимало нервное напряжение. Он стал сухим, импульсивным и постоянно испытывал стресс. Ни психиатры, ни психологи так и не смогли его излечить. В разговоре с интеллектуалами своего уровня он неоднократно сетовал на инфантилизм и некомпетентность этих специалистов. Переубедить его было чрезвычайно трудно.

Безжалостно раскрыв свои тайны, интеллектуал снова ушел в себя, ибо боялся, что стоящий рядом с ним человек сейчас же обрушит на него град советов относительно самопомощи, данных без указания источников, и других голословных утверждений. Однако незнакомец не сделал ничего подобного. Он пошутил в момент, когда шутки были почти неуместны.

— Друг мой, — мягко сказал он, — в ваших мыслях сплошная путаница.

Жулио Сезар слегка улыбнулся. Такой реакции он не ожидал. Советов не последовало. Незнакомец тут же продемонстрировал, что, хотя ему и не удалось почувствовать душевную боль самоубийцы, он понимал, что значит боль утрат.

— Я очень хорошо знаю, что значит терять! Бывают моменты, когда все к нам относятся скверно и никто не может понять нас!

Произнося эти слова, он прикоснулся указательным пальцем к правому, а потом к левому глазу и тоже вытер слезы. Возможно, его душевные раны были еще глубже тех, о которых он только что услышал.

— Скажите мне, кто вы такой, — попросил Жулио Сезар, снова расслабившись.

В ответ — доброжелательная тишина.

— Вы психиатр или психолог? — продолжал спрашивать несчастный, полагая, что перед ним стоит какой-то необычный специалист.

— Нет, я ни то, ни другое, — уверенно ответил незнакомец.

— Философ?

— Я высоко ценю мир идей, но философом не являюсь.

— Религиозный проповедник? — продолжал Жулио Сезар, думая, что перед ним духовный пастырь — католик, протестант, мусульманин или буддист.

— Нет! — твердо заявил незнакомец.

— Может быть, вы сумасшедший? — нетерпеливо осведомился заинтригованный Жулио Сезар.

— Возможно, — ответил его собеседник, слегка улыбнувшись.

Жулио Сезар был совершенно озадачен.

— Кто же вы такой? Скажите, наконец, — настаивал главный герой, за которым наблюдала толпа, не слышавшая диалога, происходившего на крыше. Психиатр, шеф пожарных и старший полицейский начальник пытались разобрать содержание разговора, но он не всегда доносился до их ушей. При той настойчивости, которую проявлял Жулио Сезар, поведение незнакомца не могло не вызывать у зрителей полного замешательства. Он развел руки, поднял их и сказал:

— Когда я раздумываю над коротким сроком жизни человеческой и размышляю обо всем, что существует вне меня и будет существовать после того, как я умру, я начинаю понимать, насколько я по сути незначительная величина. Когда я думаю о том, что однажды окажусь в безмолвии могилы, измученный бесконечным разнообразием существования, я начинаю понимать, какой огромный груз разного рода ограничений лежит на моих плечах; тогда я перестаю быть богом и обретаю свободу, для того чтобы стать простым человеком. Я перестаю быть центром мироздания, чтобы стать всего лишь путником на неизвестных мне дорогах...

Его слова отнюдь не сообразовывались с исследованиями самого Жулио Сезара, но он упивался ими. «Этот человек либо душевнобольной, либо мыслитель. А может быть, и то и другое вместе?» Жулио Сезар пытался вникнуть в нюансы размышлений незнакомца, но задача была не из легких.

Отважный незнакомец снова посмотрел на небо и изменил тональность своих речей. Он начал задавать вопросы Богу, да в такой манере, с которой Жулио Сезар никогда раньше не сталкивался.

— Боже, кто Ты такой? Почему Ты обходишь молчанием великие глупости верующих и не вносишь спокойствие в море сомнений скептиков? Почему Ты маскируешь свои порывы законами физики и скрываешь свои дела за явлениями, которые происходят случайно? Твое молчание тревожит меня!

Интеллектуал был специалистом в религиозной социологии, изучал христианство, ислам, буддизм и другие религии, однако эти сведения не помогали ему следить за ходом мыслей незнакомца. Он не понимал, был ли этот человек непочтительным атеистом или человеком, имевшим тесные неформальные связи с Творцом. И известный преподаватель снова и снова спрашивал себя: «Что это за человек? Откуда явился? Каково его происхождение?»

Приглашенный

Люди в современном обществе, в том числе лидеры различных групп населения, чрезвычайно предсказуемы. Их поступки не выходят за пределы тривиального. Эти поступки не вызывают необычных эмоций и не будоражат воображение. Тем, чего так не хватает людям «нормальным», несомненно, обладал незнакомец, стоявший напротив Жулио Сезара. Его желание узнать, кто перед ним стоит, разыгралось настолько, что он снова об этом спросил, но на сей раз в несколько иной форме. Сначала он признался себе, что знает о самом себе очень мало.

— Я не знаю, кто я такой, и хочу узнать. Но, пожалуйста, я настаиваю, ответьте на вопрос: кто вы такой?

Незнакомец широко улыбнулся. Жулио Сезар начинал разговаривать на его языке. Это вдохновило незнакомца, и он раскрылся. Стоя во весь рост и всматриваясь в горизонт, за который садилось солнце, он слегка расставил ноги, поднял руки и с чувством ответил:

— Я продаю грезы!

Рассудок интеллектуала помутнел еще больше. Ему казалось, что этот странный человек вышел за пределы здравомыслия и погрузился в состояние какого-то бреда, для Жулио Сезара эти слова ничего не значили и только вызывали удивление, однако для незнакомца они обладали глубоким смыслом.

А между тем внизу Бартоломеу продолжал кричать и досаждать собравшимся:

— Посмотрите на главного инопланетянина! У него открылись объятия и изменился цвет!

Теперь это не было галлюцинацией, это была ошибка толкования. Или нет! Понять было трудно. Представившись, продавец грез посмотрел вниз на толпу. Его реакция на увиденное была неожиданной. Он проникся к толпе сочувствием.

Жулио Сезар потер лицо. Он не верил в то, что сейчас услышал.

— Продавец грез? Как это? Что это такое? — спрашивал он, полностью запутавшись в своих мыслях.

Незнакомец казался таким интеллигентным! Демонстрировал зрелость ума, разбивал на мелкие осколки парадигмы интеллектуала, помогал ему привести в порядок спутавшиеся мысли, а когда небо совершенно очистилось, нежданно-негаданно вызвал целую бурю. Никогда раньше Жулио Сезар не слышал, чтобы человек говорил о себе подобным образом.

Психиатр, стоявший в двадцати пяти метрах, услышав такие слова, быстро проанализировал их и самоуверенно сообщил шефу пожарных и старшему полицейскому начальнику:

— Я так и знал. Они одного поля ягоды.

И, как будто странных слов было мало, незнакомец, назвавшись продавцом грез, посмотрел направо и увидел в пятидесяти метрах от себя, на крыше соседнего здания, человека, целившегося в него из оружия, снабженного глушителем. Незнакомец ловким движением повалил Жулио Сезара и сам упал вместе с ним. Жулио Сезар не понял, что произошло, но был ошеломлен. Чтобы не пугать его еще больше, продавец грез сказал:

— Если это падение привело вас в замешательство, то подумайте, что с вами случилось бы, если б вы упали с крыши этого здания на землю.

Толпа решила, что незнакомец удержал самоубийцу. Никто не понимал, что произошло на самом деле. Мужчины встали. Продавец грез посмотрел на горизонт и понял, что стрелок покинул свою позицию. Может быть, у него были свои галлюцинации? Кто бы захотел убивать столь незначительного человека? Вскоре оба собеседника встали на парапет.

Жулио Сезар взглянул на незнакомца, и тот ничтоже сумняшеся повторил:

— Да, я торгую грезами.

Смутившемуся Жулио Сезару некоторое время казалось, что перед ним стоит какой-то продавец биржевых акций. Но, если учесть мысли, которые тот высказывал, это было невозможно. Заинтригованный, он снова спросил:

— Как это? Чем торгуете?

— Я продаю решительность неуверенным в себе, смелость трусливым, веселье тем, кто не способен радоваться прелестям жизни, благоразумие неосторожным и скептицизм людям мыслящим.

Жулио Сезар возмутился, вспомнив время, когда считал себя неким богом, поскольку имел обширные научные знания, и подумал: «Это невозможно! Мне снятся кошмары. Я, наверное, уже умер и не заметил этого. В какой-то момент мне хотелось умереть, потому что я запутался в паутине собственных проблем. Теперь мои мысли спутались еще больше, потому что человек, спасший меня из этого плена, говорит, что торгует тем, чем торговать невозможно. Торгует тем, что всякий может обрести, но не на базаре». И к его вящему удивлению, незнакомец закончил эту мысль:

— А тем, кто вознамерился свести счеты с жизнью, я продаю запятую.

— Запятую? — переспросил социолог в недоумении.

— Именно так — запятую. Маленькую запятую для того, чтобы поставить ее в своей биографии, получить возможность продолжить ее писать.

Жулио Сезар начал потеть. И вдруг, под воздействием какого-то внутреннего озарения, опомнился. Непочтительный незнакомец только что продал запятую, а он купил ее, не понимая, что делает. Не было ни цены, ни давления, ни шантажа, ни заклинаний. Он купил ее для того, чтобы возродить основу человеческого существования, продлить это существование. Интеллектуал превратился в ученика оборванца. Этому способствовало деликатное проявление солидарности. Он потрогал свою голову, чтобы убедиться в том, что все происходит наяву.

У просвещенного преподавателя социологии проснулась способность к проникновению в суть происходящего. Он посмотрел вниз и увидел толпу, ожидающую его решения. В сущности, эти люди были такими же растерянными, как и он сам. Они могли идти и видеть, но чувствовали себя неуклюжими, согбенными под гнетом некой власти. Им не хватало внутренней свободы для того, чтобы вволю надыхаться свежим воздухом.

Преподаватель словно проникал в смысл какого-то фильма, сцены которого были сюрреалистичны и в то же время конкретны. «Этот тип реален, или то, что я вижу, является всего-навсего западней для моего сознания?» — задавал он себе вопрос, испытывая легкое головокружение от очарования собеседника и чувства

незащищенности. Никто и никогда не завораживал его так, как этот загадочный пилигрим.

Тут же таинственный незнакомец сделал ему предложение, которое окончательно сразило его.

— Пойдемте со мной, и я сделаю вас продавцом грез.

Это приглашение лишило покоя миллионы нейронов интеллектуала. Он даже не смог никак отреагировать, не мог выговорить ни слова. Он был парализован физически, но способность мыслить не потерял. «Что это за предложение? — думал он. — Как можно следовать за человеком, с которым познакомился всего час назад?» Вместе с тем им овладело непреодолимое желание ответить согласием на это странное приглашение.

Академические дискуссии наскучили ему. Он был одним из наиболее бойких на язык интеллектуалов среди других полемистов, но многие коллеги, включая и его самого, барахтались в грязной луже зависти и тщеславия. Преподаватель сожалел, что в период, когда он получал знания в университете, ему не хватало терпения, не было стимула к бунтарству в области мышления и некоторой дозы сумасшествия, которая раскрепостила бы его способность созидать. Отдельные храмы науки ввели у себя такие строгости, которым позавидовали бы самые суровые конфессии. У преподавателей, научных работников и других мыслящих людей свободы не было. Они должны были следовать правилам, установленным в соответствующих ведомствах.

Сейчас Жулио Сезар стоял перед плохо одетым мужчиной с растрепанными волосами, лишенным социального блеска, который в то же самое время был ищущим приключений подстрекателем, бунтарем против превалирующей ныне идеологии, перед человеком критически мыслящим, обаятельным, наконец, перед человеком, который только что сделал ему самое безумное предложение — продавать грезы. «Как? Кому? С какой целью? Стану ли я объектом насмешек или аплодисментов?» — размышлял интеллектуал. Потрясенный, он вдруг подумал, что каждый мыслящий человек должен пройти совершенно новыми для себя путями.

Несмотря на то что в голове Жулио Сезара царил эмоциональный хаос, а сам он был в какой-то мере спесив, он слыл человеком рассудительным и никогда не устраивал сцен на публике. На крыше

«Сан-Пабло» это случилось впервые. Он понимал, что в этот раз стал причиной грандиозного скандала. Он не собирался устраивать представление, а всего лишь хотел покончить с собой. На крышу высотного здания поднялся потому, что дрожал от страха при одной мысли об использовании оружия или яда.

Приглашение отозвалось в его сознании грохотом гранаты, которая разорвалась на сотни осколков, поражающих его парадигмы. Долгая минута подходила к концу. В этой конфликтной ситуации он размышлял: «Я пробовал жить в радости и строить свою жизнь на прочном фундаменте, но потерпел неудачу; попытался заставить своих студентов думать, но воспитал множество зубрил, способных повторять только то, что им было сказано. Я старался дать что-то обществу, но оно отгородилось от меня стеной высокомерия. Если мне удастся продать кому-то пару-другую грез, подобно тому, как этот странный человек продал их мне, то, возможно, моя жизнь окажется не такой бесполезной, какой была до сих пор».

И тогда я решил идти за ним. Я, человек, излагающий эту историю, и есть Жулио Сезар, первый из учеников этого экстраординарного, порождающего смятение человека.

Он стал моим учителем. Я был первым, кто рискнул последовать за ним в путешествие, не имеющее ни цели, ни расписания, полностью непредсказуемое. Безумие? Возможно. Но не большее, чем то, которым я руководствовался до сих пор.

Первый шаг

Едва мы сошли со «сцены», как нам преградил путь один из тех, кто наблюдал за нашим представлением, находясь поблизости, на крыше здания — полицейский начальник. Это был мужчина около двух метров ростом, слегка полноватый, одетый в безупречно подогнанную форму, с волосами, подернутыми сединой, а гладкое, без морщин лицо выдавало его властолюбие.

Он задержал нас, не обращая никакого внимания на меня, так как привык иметь дело с самоубийцами и считал их людьми немощными и бесхитростными. Я для него был всего лишь очередной цифрой в статистике происшествий. Мне это не понравилось, и я почувствовал горький привкус предвзятости. В конце концов, я был значительно культурнее, чем этот вооруженный человек. Моим же оружием являются идеи, более мощные, наносящие более глубокие раны. Но сил защитить себя у меня не было. Да и необходимости в этом — тоже. Рядом со мной стоял настоящий человек-торпеда, который мог меня выручить.

Именно этот человек и вызывал интерес у полицейского. Полицейский хотел знать, кто он такой, этот возмутитель спокойствия, чье поведение никак не укладывалось в рамки полицейской статистики. Полицейский многое не расслышал из того, о чем мы говорили, однако то, что ему удалось разобрать, сильно его удивило. Он осмотрел продавца грез с головы до ног, обратил внимание на его облик и не поверил в то, что увидел. Незнакомец, казалось, был вне социального контекста. Обеспокоенный этим обстоятельством, полицейский начал допрос. Я заранее почувствовал, что, как я недавно, полицейский сейчас попадет в затруднительное положение. Так и случилось.

— Назовите ваше имя, — высокомерно потребовал он.

Человек, который стоял рядом со мной, скромно опустил глаза и ловко перевел разговор на другую тему, поставив вопрос, который сбил полицейского с толку:

— Вы недовольны тем, что этот человек избрал иной путь? Не возрадовались тому, что он спас себе жизнь?

После чего незнакомец внимательно посмотрел на меня. Показную холодность полицейского как рукой сняло, он остолбенел. Он никак не ожидал, что его толстокожесть обнаружится так быстро, застеснялся и категорически возразил:

— Да, разумеется, я рад за него.

Все, кто отвечал глупостью на вопросы учителя, быстро понимали, что совершили ошибку. Им приходилось признать поверхностность своих суждений и прочувствовать всю их нелепость. Учитель продолжал забрасывать полицейского вопросами:

— Если вы рады, то почему не проявите свою радость? Почему не спросите, как его зовут и не поздравите его? Правда ли это, что жизнь человеческая стоит не больше, чем здание, на котором мы стоим?

Полицейский начальник, образно говоря, был раздет догола еще быстрее, чем я. Мне это доставило удовольствие. Мне удалось избавиться от чувства стыда и ощутить самоуважение. Человек, с которым он столкнулся, был остроумным и находчивым, способным побуждать людей мыслить. Пока он занимался тем, что вводил полицейского в краску, моя способность проникать в суть явлений снова ожила. Я понял, что невозможно следовать за лидером, не восторгаясь им. Восторг — это более сильное чувство, нежели ощущение власти. Харизма более эффективна, чем примитивное давление. И я начинал все сильнее восторгаться харизматическим человеком, позвавшим меня с собой.

Размышляя над этим, я мысленно пересмотрел свои отношения со студентами. Я был для них чем-то вроде легкодоступной базы данных. Мне никогда не приходило в голову, что харизма — это основной фактор, обеспечивающий усвоение нового материала. Сначала студенты видят харизму преподавателя, потом усваивают материал, который он преподает. У меня был недуг, которым поражены многие интеллектуалы, — посредственность. Я был человеком бесхарактерным, злоречивым потребителем, противным самому себе.

Смущенный неожиданными словами незнакомца, полицейский быстро взглянул на меня и сказал, еще более смутившись, словно ребенок, только что выслушавший наставления старшего:

— Мои поздравления, сеньор. — А потом более мягким тоном попросил продавца грез показать документы.

— У меня нет документов, — ответил тот ничтоже сумняшеся.

— Как это так? Все члены общества имеют документы! Без документов вы, сеньор, не являетесь личностью.

— Моя личность — это то, чем я являюсь.

— Мы можем вас задержать для установления личности. Вас могут посчитать террористом, нарушителем спокойствия, психопатом. Кто вы, сеньор? — спросил наконец полицейский, вновь переходя на надменный тон.

Я сморщил лоб. Появилось предчувствие, что полицейский вот-вот схватится за пистолет. Человек, который будоражил мою душу, возразил:

— Я отвечу вам, если вы ответите мне первым. По какому праву вы хотите проникнуть в наиболее интимные сферы моего существа? Какие такие верительные грамоты позволяют вам лезть мне в душу?

Полицейский принял вызов. Он заговорил очень жестко. Ему было невдомек, что он сейчас попадет в ловушку собственной хитрости.

— Я Педро Алькантара, начальник районного отдела полиции этого города, — ответил он высокомерно и самоуверенно, все более раздражаясь.

Мой учитель с возмущением в голосе сказал:

— Я не спрашивал вас о вашей профессии, о вашем общественном положении, о вашей деятельности. Мне хочется понять вашу сущность. Что за человек скрывается за этой формой?

У полицейского начался нервный тик, он быстро почесал брови правой рукой, не зная, что ответить. Снова сменив тон, учитель спросил:

— У вас есть заветная мечта?

— Заветная мечта? Ну, я, я... — пробормотал полицейский, опять не зная, что ответить.

Еще никто и никогда не вступал в спор с властным полицейским, используя так мало слов. У полицейского был револьвер, но он не принимал никаких мер. Я имел возможность посмотреть в глаза своему спасителю и в какой-то степени понять, о чем он думает. Полицейский начальник должен был заботиться о безопасности людей «нормальных», но уверенности ему не хватало. Он занимался делами общественной безопасности, а вот собственной эмоциональной безопасности он обеспечить не мог.

Оценивая полицейского с этой точки зрения, я неожиданно разглядел в этом страже порядка себя самого. И то, что я увидел, меня раздражало. Как человек, не имеющий мечты, мог защищать общество, если только он не был примитивным роботом или машиной для задержания людей? Как преподаватель, не имеющий мечты, может воспитывать граждан, которые мечтают стать свободными и нести солидарную ответственность за то, как живет общество?

Вскоре загадочный учитель добавил:

— Осторожно! Вы обеспечиваете безопасность общества, однако страх и одиночество — это грабители, которые расхищают чувства похлеще, чем опасные уголовники. Вашему сыну не нужен полицейский, ему нужна грудь, на которой он мог бы выплакаться, человек, которому он мог бы поведать о том, что чувствует, и который научил бы его мыслить. И да здравствует эта мечта!

Полицейский начальник был огорошен. Его обучили работать с маргиналами, задерживать их, но он ничего не слышал о расхитителях, вторгающихся в душу. Он не знал, что делать без своего оружия и без знаков различия. Подобно большинству «нормальных», включая и меня, он был суровым профессионалом и, входя в дверь своего дома, не становился отцом, оставаясь все тем же профессионалом, неспособным разделить эти роли. Его награждали медалями за отличия по службе, но как человек он умирал.

Когда я услышал, как учитель сбил с полицейского спесь, мне страшно захотелось спросить, действительно ли у стража порядка был сын, или учитель просто выдумал его. Но тут я увидел, что полисмена проняло, что он оказался в плену у собственного интеллекта и пытается выйти из многолетнего плена, в котором пребывал.

Психиатр не выдержал. Поняв, что полицейский начальник совершенно растерялся, он попытался поставить в неудобное положение незнакомца. Он, конечно же, полагал, что его мысли собьют учителя с толку и обнаружат его несостоятельность. С коварством, присущим психиатрам, он произнес:

— Тот, кто скрывает данные о своей личности, не хочет признаваться в своих слабостях.

— Вы считаете, что я слаб? — потребовал ответа учитель.

— Не знаю, — задумчиво произнес психиатр.

— Да, вы правы. Я слаб. Я давно понял, что никто не достоин авторитета, в том числе научного, если он не признаёт пределов своих возможностей и слабостей. А у вас есть слабости? — открыл учитель ответный огонь.

— Ну...

Заметив его колебания, учитель продолжил допрос:

— Какую терапию вы применяете в своей лечебной практике?

Человек, перед которым я преклонялся, этим вопросом меня удивил. С какой целью он был задан? Казалось, что вопрос не имеет никакого отношения к происходящему. Однако же психиатр, который был также и психотерапевтом, высокомерно ответил:

— Я последователь Фрейда.

— Прекрасно. В таком случае скажите мне, что сложнее: теория из области психологии, какой бы она ни была, или человеческий разум?

Психиатр, боясь попасть в ловушку, некоторое время молчал, после чего ответил, но не прямо:

— Мы пользуемся различными теориями для того, чтобы понять, что происходит в сознании человека.

— Пожалуйста, позвольте мне задать еще один вопрос: вы можете принять любую теорию, перечитать все книги, но можете ли вы вполне разобраться в человеческом сознании?

— Нет. Но я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши вопросы, тем более что я являюсь специалистом в области человеческого сознания, — с презрением проговорил психолог, не понимая, куда клонит незнакомец.

Услышав столь высокомерный тон, незнакомец нанес ему смертельный удар:

— Профессионалы в области психического здоровья — это поэты человеческой жизни, их цели превосходны, но им никогда не удастся поместить своего пациента в прокрустово ложе какой-либо теории и, разумеется, в прокрустово ложе самого больного. Не слишком старайтесь помещать своих клиентов в ограниченное пространство избранной вами теории, иначе придется уменьшать их размеры. Любой недуг случается с каким-то конкретным человеком. У каждого человека имеется собственное сознание. Но любое сознание — это бесконечная вселенная.

Я понял мысль, которую учитель пытался донести до сознания психиатра, чувствовал всем своим существом, что он хотел сказать. Когда психиатр занимался мной, он использовал свои приемы и интерпретации. Я сразу же отверг их. Он говорил о самоубийстве, но не конкретного человека с истерзанной душой, который сидел во мне. Его теория могла бы пригодиться в прогнозируемых ситуациях, в особенности в тех случаях, когда пациент желает немедленной помощи, но не в ситуациях, когда он оказывает сопротивление или потерял надежду. Я сопротивлялся. В первую очередь мне был необходим психиатр-человек, а уж потом психиатр-профессионал. Поскольку он подходил ко мне напрямую, я увидел в нем человека, вмешивающегося в мою судьбу, отчего я замкнулся, ушел в себя.

Продавец грез избрал другой путь. Он начал с бутерброда: наводнил мой духовный мир берущими за живое вопросами, подобными питательному веществу, которое проникает в кровеносные сосуды и стимулирует жизнедеятельность клеток. Потом он заговорил об акте самоубийства. Он понял, что я был упрямо сопротивляющимся, и перебил становой хребет моей самодостаточности.

Психиатру, хотя его и называли поэтом человеческой жизни, не понравилось, что его подвергает настоящему допросу никому не известный оборванец без ученых степеней и званий. Не видно было и его радости по поводу того, что я отказался от мысли о самоубийстве. Вот к чему приводит зависть! Когда я понял это, меня охватила злость, но я тут же вспомнил, что в университетские годы сам неоднократно совершал подобное преступление.

В это время учитель прикоснулся левой рукой к правому плечу молодого начальника пожарных и сказал:

— Мои поздравления, сынок, — вы рисковали ради незнакомых вам людей. Вы — продавец грез.

Произнеся эти слова, он сделал несколько шагов в сторону дверей, к лифту. И я пошел вслед за этим загадочным человеком. Но сюрпризы на этом не кончились. Психиатр посмотрел на полицейского начальника и что-то сказал, но так, разумеется, чтобы мы не слышали. Однако, к моему удивлению, человек, которого я сопровождал, повернулся к ним и одновременно с психиатром произнес ту же фразу:

— Ненормальные. Два сапога пара!

Психиатр, услышав эти слова, покраснел. Как и я, он, наверное, подумал: «Как этому странному человеку удалось произнести одновременно со мной эту фразу?»

Увидев на лице психиатра изумление, незнакомец преподнес нам еще один, последний и незабываемый урок. Он заговорил с психиатром:

— У некоторых безумие очевидно, у других оно протекает в скрытой форме. Какой тип безумия характерен для вас?

— Нет у меня никакого безумия. Я нормальный! — эмоционально отреагировал профессионал в области психического здоровья.

На что продавец грез ответил:

— Ну так вот, а мое безумие у всех на виду.

Вслед за этим он повернулся к ним спиной и пошел, положив руки на мои плечи. Сделав три шага, он посмотрел вверх и произнес:

— Боже, упаси нас от «нормальных»!

Раскрепощение ума

В лифте мы спустились молча. Я — задумавшись, продавец грез — сохраняя спокойствие. Он посвистывал, уставившись в одну точку, и полностью ушел в себя. Можно было подумать, что он с удовольствием пробежал по извилистым путям своего сознания. Потом мы прошли через огромный вестибюль, богато украшенный люстрами, старинной мебелью, а еще — громадным столом черного мрамора, за которым восседал дежурный администратор гостиницы. Только сейчас я понял, что это красиво. Раньше все это казалось мне ужасным, поскольку я смотрел на мир через непробиваемый туман собственных мне ощущений.

На улице горели фонари, освещавшие толпу, жаждавшую услышать новости, сообщать которые мне никак не хотелось. Честно говоря, я предпочел бы спрятаться, забыть о скандальном происшествии, перевернуть страницу и больше ни секунды не думать о своей боли. Понимая, что привлек к себе внимание из-за решения свести счеты с жизнью, я испытывал неприятное чувство глубочайшего стыда. Но возможности каким-то чудом перенестись в иное место у меня не было, и я должен был предстать перед публикой. В какой-то момент я разозлился на самого себя. Подумалось: «Ведь были же иные пути решения моих проблем; почему я не выбрал их?» Однако боль слепит нас, а неудача притупляет ум.

Когда мы вышли из здания «Сан-Пабло» и прорвали кордон, изолировавший нас от публики, мне захотелось закрыть лицо и быстро выйти на свободу, но это оказалось невозможным, ибо людей собралось так много, что бежать было просто некуда. Представители прессы хотели знать, что случилось. Я нес свой крест, низко опустив голову. Продавец грез, дабы не смущать меня, от ответов на вопросы уклонился. Никто не знал, что произошло на крыше высотного здания. Мощный нажим, который я испытал со стороны загадочного человека, остался лишь в моей памяти.

По мере того как мы, уйдя от вопросов представителей СМИ, пробирались сквозь толпу, мной овладевал страх. К нам относились

как к знаменитостям. Я обрел известность по причине, которая меня отнюдь не радовала.

Для человека, за которым я следовал, культ знаменитости являлся одним из наиболее очевидных симптомов того, что мы создали огромный всемирный сумасшедший дом. Пока мы шли, он задавал нам обоим вопросы:

— Кто, в конечном итоге, заслуживает больше аплодисментов — неизвестный мусорщик или актер из Голливуда? У кого более сложная психика? Чья история менее всего понятна? Никакой разницы. И того, и другого. А вот «нормальные» считают это ересью.

Увидев, что меня смущает любопытная толпа, желавшая узнать, что произошло на крыше здания, умный учитель решил отвлечь внимание собравшихся. Вместо того чтобы незаметно выйти из затруднительного положения, он поднял руки в этом шуме и гаме и попросил тишины, которая наступила не сразу.

Мелькнула мысль: «Вот сейчас прозвучит еще одна возмущающая спокойствие речь». Но незнакомец оказался еще более эксцентричным, чем я мог себе представить. Не давая никаких пояснений, он попросил всех встать в большой круг, хотя сделать это было трудно, поскольку люди стояли тесной толпой. После чего, к всеобщему удивлению, он вступил в середину круга и начал танцевать ирландский танец. Он присаживался на корточки, выбрасывая ноги вверх, и понемногу поднимался, исполняя все те же движения. Свой танец он сопровождал радостными криками.

Меня неотступно преследовало сомнение: «Такая реакция не свойственна интеллектуалам, и если бы мне захотелось сделать то же самое, мне просто не хватило бы смелости». Проклятое предубеждение! Совсем недавно я чуть не убил себя, а предубеждения мои никуда не делись. Я был всего-навсего затаившимся «нормальным». Никто как следует не понимал реакции продавца грез, и тем более я, но некоторые тоже принялись танцевать. Люди были крайне удивлены, поскольку только что ушли со спектакля ужасов и тут же попали на спектакль радости. Веселье заразительно. «Зрители» подхватили примитивную эйфорию незнакомца.

Круг расширился еще больше. Некоторые знали, как исполняется этот танец, а те, кто рискнул плясать, не зная правил, взялись за руки и начали водить хоровод. Люди, образовавшие круг, тоже поддались

воцарившемуся веселью и прихлопывали в ладоши в ритме танца. Однако многие оставались в стороне. Среди них выделялись хорошими костюмами важные чиновники. Они не желали приближаться к сборищу каких-то полоумных. Как и я, собственное безумие они предпочитали скрывать.

Среди тех, кто танцевал в центре, был человек, который то выходил из круга, то возвращался, показывая, как нужно танцевать. Каждый раз он выходил под аплодисменты. Пока я стоял поодаль, все было хорошо, я чувствовал себя защищенным, но продавец грез внезапно схватил меня за руки и в радостном возбуждении втолкнул в круг.

Я не знал, куда спрятать лицо. Стоял на месте. Я умел вести теоретические занятия, но отнюдь не обладал необходимой гибкостью, не умел ходить развязной покачивающейся походкой. Я мастерски цитировал наизусть «Капитал» Маркса студентам и преподавателям, был горячим сторонником свободы слова, свободы, которой было не так много в тайниках моей души. Люди продолжали танцевать вокруг меня и приглашали присоединиться, но я стоял как вкопанный. Всего несколько минут назад я находился в центре внимания толпы, а теперь делал все возможное, чтобы меня не узнали. Прятал лицо и надеялся, что здесь нет студентов и преподавателей из моего университета. Мне не было страшно умереть, но мысль о возможном позоре крайне беспокоила. Ну что за идиот! Стало ясно, что моя болезнь значительно серьезнее, чем я подозревал.

Я был сдержан, спокоен, выдержан, говорил ровным голосом, по крайней мере, когда мне не противоречили. Не показывал радости на публике. Не умел импровизировать и был инфицирован вирусом интеллектуалов — следовал строго определенным, устоявшимся правилам. Все расписано по нотам, и все поганая вонь. Толпа смотрела на меня, ожидая, когда я запрыгаю, но меня сковала моя стеснительность. И тут на меня обрушилась еще одна неожиданность. Появился жалкий пьянчужка, воздевавший руки. Он схватил меня за запястье и потащил в круг.

Кроме того что от него невыносимо несло перегаром, он еще и танцевал плохо, чуть не упал, и мне пришлось удерживать его. Почувствовав мою скованность в возникшей шумихе, он остановился, оглядел меня, поцеловал в левую щеку и забормотал:

— Очнись, приятель! Главный инопланетянин тебя спас. Этот праздник в твою честь!

Удар был нанесен прямо по самому больному месту — по моей гордыне. Мне редко приходилось ощущать такое изобилие жизненных сил и искренности в столь коротких фразах. В этот миг на меня снизошло великое прозрение. Я вспомнил притчу Христа о заблудшей овце. Я ее читал и интерпретировал как социолог, находя абсурдным то, что Он оставил девяносто девять овец и пошел за одной. Социалисты пожертвовали миллионами людей в борьбе за единственный идеал, а Христос чуть не лишился рассудка из-за одного ничтожного человека, пока не нашел его.

Я подвергал критике этот утрированный романтизм, но сейчас продавец грез выказывал такую же радость. Только после того как бродяга-алкоголик поцеловал меня, я понял, что он за меня радовался. Пьяный был трезвее меня. Я был поражен. Мне никогда не приходило в голову, что совершенно посторонний человек может придавать такое большое значение тому, что происходит с неизвестным ему человеком. Я был потерян и найден, был «мертв» и возвращен к жизни. Чего большего можно еще желать? Не следовало ли отметить такое? Я послал к чертовой матери свою приверженность формализму, выбросил на свалку свой статус интеллектуала.

Я был «нормальным», и, как у многих других «нормальных» людей, мое безумие было скрыто, замаскировано; мне необходимо было стать искренним. Я прыгнул. Учитель подчеркивал, что сердце не нуждается ни в каких мотивах для того, чтобы пульсировать. Главный повод продолжать жить — это сама жизнь и непостижимое существование. В университете я забыл о том, что великие философы размышляли о смысле жизни, умении радоваться и о чувстве прекрасного. Я считал подобные размышления постыдными разглагольствованиями ради помощи самим себе. Мной владела предвзятость. Теперь я понял, что должен сам испить эту чашу. Впервые я танцевал без винных паров в голове. Мне нужно было протестовать, чтобы продолжать дышать. Я редко чувствовал себя настолько хорошо.

«Нормальные» так соскучились по веселью, что, встретившись с сумасшедшим, раскрепостившим их сознание, отдыхали и резвились,

как дети. Мужчины в галстуках танцевали, как и женщины в длинных платьях и мини-юбках. В веселый пляс пустились и дети, и взрослые.

В этот момент появилась старушка, которая лихо отплясывала, опираясь на свою палочку. Это была та самая сеньора, на которую упал Бартоломеу. Звали ее Журема. У нее за плечами было восемьдесят хорошо прожитых лет. Если бы кто-нибудь подумал, что она проходила все эти годы с палочкой, то ошибся бы. Она была в лучшей форме, чем я. Здоровье отличное, если не считать незначительных симптомов болезни Паркинсона. Танцевать умела как мало кто другой. Продавец грез был очарован ею. Они потанцевали вместе. Я потер глаза, дабы убедиться в том, что все это происходит наяву.

Старушка вдруг вырвалась из рук учителя и в центре круга неожиданно столкнулась с Бартоломеу. Ударила его своей палкой по голове, но не сильно, и снова произнесла:

— Ты, дефективный!

Это было невероятно! Я чуть не умер от смеха. Она сделала то, чего не посмел я, когда он облобызал меня и обдал перегаром.

Учитель повернулся к старушке и, вместо того чтобы пожурить ее, воскликнул:

— Вы прекрасны!

После этого обнял ее за талию и закружился в танце. Старушка получила такую дозу адреналина, что почувствовала себя двадцатилетней.

В какой-то момент мне показалось, что продавец грез слегка лукавит. Но потом подумал: а кто способен сказать, что она не прекрасна? И что значит «быть красивой»? Пока я размышлял, любитель выпить, заметив, что похвала подействовала, подошел поближе к своей обидчице и начал выкрикивать разные преувеличения:

— Красавица! Чудесница! Безумно мила! Восхитительна!

Решив, что он уже выдыхается, старушка нанесла ему еще один удар палкой.

— Хронически дефективный! Дешевый соблазнитель! Щенок! — кричала она, притворяясь, что рассердилась.

Бартоломеу, этот расходившийся щенок, сразу поджал хвост, но тут же понял, что она шутит. Старушка успокоилась. Вот уже пятьдесят лет никто не называл ее красавицей и не употреблял по

отношению к ней прилагательных в превосходной степени. В приподнятом настроении она взяла пьяного за руки и пошла с ним танцевать, радуясь жизни. Все это произвело на меня глубокое впечатление. Я был знаком с силой порицания, но ничего не знал о силе похвалы. Может быть, те, кто пользуется этой последней, лучше помогают людям и живут дольше и лучше. Я растерялся. Никогда раньше за один день я не сталкивался с таким обилием сумасшествия.

Во время наших странствий человек, за которым я шел, поучал, что незначительные на первый взгляд действия могут иметь такое же значение, а то и большее, нежели длинные речи. На уроках, которые он давал на открытом воздухе, я понял, что его реакции и его молчание воздействовали на людей сильнее, чем все приемы средств массовой информации вместе взятые. Мы интуитивно понимали, что учитель хранит важные секреты. Мы не осмеливались спрашивать, поскольку он обезоруживал нас сократовским подходом. Он превратился в специалиста по превращению жизни в праздник, даже в тех случаях, когда у тебя возникали поводы для злобы или когда хотелось как следует наказать себя.

Он постоянно напоминал нам:

— Блажен, кто вызывает смех своими глупостями, ибо он есть орудие снятия стресса.

Я презирал глупых людей, дававших поверхностные ответы, однако в сущности сам был человеком, перенасыщенным глупостями. Мне предстояло еще многое постичь для того, чтобы научиться вызывать смех собственными глупостями. Предстояло многое постичь в искусстве «проветривания» мозгов — неизвестного в храме науки.

Университет, в становлении которого я принял участие, воспитывал студентов, неспособных заглянуть в самих себя, заметить собственную глупость, освободиться, плакать, любить, рисковать, бежать из застенков, в которых царит косность, а еще меньше — мечтать. Меня боялись больше всех других преподавателей. Я был чем-то вроде критикующей машины. Я забивал головы своих учеников мусором критики, а еще больше критики социальной, но так и не научил никого из них тому, как нужно относиться к жизни. Конечно! Никто не может дать того, чего не имеет сам. Моя жизнь была чем-то вроде наркотика.

Я гордился своими морально-этическими нормами, своей честностью, но начал понимать, что я аморален и нечестен по отношению к самому себе. К счастью, я начинал понимать и то, как нужно изгонять «демонов», закрепощавших мой разум и превращавших меня в несносного субъекта.

Призыв к запутавшимся

Протанцевав минут двадцать у здания «Сан-Пабло», продавец грез снова попросил внимания тех, кто еще здесь оставался. Люди, впавшие в эйфорию, постепенно успокоились. И тогда он, к всеобщему удивлению, громким голосом, словно стоял на горе, прочитал стихотворение:

Многие танцуют на земле,
но не на подмостках самопознания.
Они боги, не признающие ограничений.
Как они могут найти себя, раз не терялись?
Как им стать людьми,
коль они не способны познать себя?
Кто вы такие? Да, скажите мне, кто вы такие?

Люди смотрели на него широко раскрытыми глазами. Они только что танцевали на импровизированных подмостках, а теперь человек, затеявший эти танцы, предлагал им иные подмости и спрашивал: люди они или боги? Некоторые хорошо одетые господа, в особенности те, что не танцевали, а лишь критиковали танцующих, были поражены. Они ежедневно содрогались, следя за котировками доллара на фондовой бирже, руководя предприятиями, сидя в машинах, поселяясь в гостиницах, но многие из них никогда не поднимались на подмости самопознания, никогда не путешествовали в области духовной.

Их жизни были пустыми, скучными, тревожными, а сами они в избытке поглощали транквилизаторы. Но человечнее от этого не становились. Они были божествами, которые каждую секунду умирали, божествами, избегавшими конфликтных ситуаций.

Увидев, что толпа успокоилась, незнакомец продолжил свою речь:

— Не оценивая жизнь философски, вы будете скользить по поверхности. Вы не поймете, что существование подобно солнечным лучам, которые во всем великолепии появляются на прекрасной утренней заре и неотвратно уходят на закате.

Некоторые заплодировали, не уловив глубокого смысла его умозаключений и не поняв, что это они сами находятся на закате дня.

Некоторое время спустя, к моему удивлению, он начал обходить людей, приветствовать их и задавать вопросы.

— Кто вы такой? Какова ваша заветная мечта?

По началу многие стеснялись. Они не знали, как ответить на вопрос «Кто вы такой?» и на вопрос о заветной мечте. Другие, более раскрепощенные и откровенные, отвечали: «Нет у меня никакой мечты», добавляя в оправдание: «Жизнь моя — сплошное дерьмо». А некоторые поясняли: «Я погряз в долгах. Какие тут еще могут быть мечты?» А были и такие, которые говорили: «Моя работа — это сплошной источник стрессов. Болит все тело. Я не помню, кто я такой, умею только работать». Эти ответы произвели на меня огромное впечатление. До моего сознания дошло, что аудитория, наблюдавшая мое «самоубийство», была не так уж и далека от моей собственной духовной нищеты. И зрители, и актеры переживали одну и ту же драму.

У учителя не было чудесного решения этих проблем, он лишь хотел подтолкнуть людей к исследованию собственной души, к раздумьям. Увидев, в какой духовной пустыне они живут, он воскликнул:

— Без мечты монстры, которые нас осаждают, будь они в нашем сознании или в социальной среде начнут нами управлять! Основная цель мечты — не успех, а освобождение от химеры конформизма.

Слова учителя тронули одну полную девушку, весом килограммов эдак под сто тридцать и ростом сто восемьдесят сантиметров. Она считала себя обреченной на пренебрежение со стороны молодых людей, отчего чувствовала себя несчастной. Ее одолевала химера конформизма. Вот уже несколько лет она принимала антидепрессанты, была пессимисткой и слишком негативно относилась к себе самой. Она постоянно умаляла свои достоинства, сравнивая себя с другими женщинами. Смущенная девушка подошла к продавцу грез и осмелилась излить душу так тихо, что лишь некоторым из нас было слышно, что она говорит.

— Я настоящий кладезь тоски и одиночества. Может ли кто-нибудь однажды полюбить непривлекательного человека? Может ли

человек, за которым никто и никогда не ухаживал, встретить однажды большую любовь?

Она мечтала о том, чтобы ее целовали, обнимали, ласкали и восхищались ею. Однако же ее поведение свидетельствовало о том, что над ней якобы только смеялись, отталкивали, давали прозвища, достойные лишь животных. Самоуважение девушки было заморожено еще в детские годы, подобно моему.

Ее слова услышал Бартоломеу. Жаждающий общения и пышущий алкогольным перегаром, он громко заговорил:

— Аппетитная! Прекраснейшая! Чудесная! Если вам нужен принц, то вот он, перед вами. Хотите, я за вами поухаживаю? — Он раскрыл объятия.

Мне пришлось поддерживать бедолагу, чтобы не упал. Девушка улыбнулась, но, увы, нахальный пьянчужка был далеко не тем мужчиной, с которым ей хотелось бы связать свою судьбу.

Учитель посмотрел ей в глаза. И, преисполнившись сочувствия, сказал:

— Встретить большую любовь можно. Только никогда не забывайте, что, даже имея рядом с собой самого лучшего партнера, вы никогда не станете счастливой, если не будете любить собственную жизнь. — И добавил наставительно: — Однако для того чтобы добиться этого, вам нужно перестать быть рабой.

— Рабой чего? — удивилась девушка.

— Эталонов красоты общества, в котором мы живем, — пояснил учитель.

Некоторые люди, слышавшие его слова, оживились и начали рассказывать о том, что мечтали преодолеть свои робость, стремление к уединению и страхи. Другие страстно желали найти друзей, сменить место работы, поскольку зарплата, которую они на этой работе получали, никак не позволяла им свести концы с концами. Были и такие, которые мечтали о высшем образовании, но не имели для этого достаточно денег.

Они ожидали чуда, но продавец грез был продавцом идей, торговцем знаниями. Он верил в то, что знания дороже серебра и золота, что они опутывают чарами сильнее, чем жемчуг и бриллианты. Поэтому он не побуждал к достижению успеха ради успеха. Для него

не было жизненных путей без препятствий, не было океанов без бурь. И он, пристально глядя на людей, уверенным голосом заговорил:

— Если бы ваши мечты оставались желаниями, а не превращались в конкретные жизненные планы, то вы, конечно же, мучились бы со своими проблемами до самой могилы. Мечты без проектов порождают людей отчаявшихся, полностью зависимых от существующей системы.

Он не стал разъяснять свои высказывания, поскольку ему хотелось, чтобы люди танцевали на подмостках идей. Я задумался. Мы жили в обществе потребления, в обществе желаний, но не проектов образа жизни. Никто не планирует иметь друзей, никто не планирует быть терпимым, преодолеть страхи, обрести большую любовь.

— Если бы случай был нашим божеством, а злключения нашей нечистой силой, то мы оставались бы младенцами.

Оглядевшись вокруг, я был поражен, поняв, что социальная система нанесла непоправимый ущерб почти всем. Немалое число людей много потребляли, но были автоматами, роботами, жили без планов, без смысла, без целей; их специальностью стало бездумное подчинение приказам. Именно по этой причине росло число психических расстройств.

Будучи сам преподавателем, я задумался над тем, кого я в сущности подготовил в университете? Послушных слуг или лидеров? Людей-автоматов или мыслителей. Однако, прежде чем ответить на эти вопросы, я с тревогой взглянул на собственное положение и задал себе вопрос: «Освобождает ли меня от прислужничества то, что я отношусь ко всему критически?» Вывод — нет! Я был рабом собственного пессимизма и своей псевдонезависимости. Свои проблемы я нес к могиле. Мои размышления прервал учитель, обратившись к своей восторженной аудитории с такими словами:

— Завоевания без риска — суть мечты без достоинств. Никто не достоин мечты, если он не использует свои поражения для того, чтобы вынашивать ее.

Поскольку я изучал историю обретения богатств различными нациями, то сразу понял социологическое значение этой последней мысли. Понял, что многие из тех, кто получал в наследство или в подарок целые состояния, становились богачами без достоинств, не ценили борьбы своих отцов и растранили свои богатства так,

словно они были неисчерпаемы. Наследство становилось западней, а жизнь его обладателей — беспутной и несерьезной. Эти люди хотели получить все сейчас же, извлечь максимум удовольствия из сегодняшнего дня, не думая о возможных будущих бурях.

В то время как я критиковал людей за то, что они являются жертвами системы, а не творцами собственной истории, что-то подтолкнуло меня взглянуть на себя самого, и я осознал, что ничем от них не отличаюсь. Мне было непонятно, почему такие простые мысли так легко берут за живое. Я изучал сложные социалистические идеи, но они не западали так глубоко в потаенные уголки моей души. Мне казалось, что я счастлив, но выяснилось, что я глубоко несчастен. Мне казалось, что я живу лучше, чем жил мой отец, но фактически я повторил то, что мне больше всего в отце не нравилось. Мне казалось, что я общительнее моей матери, но я копировал ее рассудительность и горечь.

Я не использовал свои неудачи для того, чтобы пробуждать мечты, и не был достоин их. Я замечал опасности, хотел контролировать все, что происходило вокруг меня, поскольку боялся испортить свою блестящую карьеру ученого. Внутренне я стал стерилен, новые идеи меня не интересовали. Забыл, что великие мыслители были безумцами, шедшими на риск под собственную ответственность. Немалое их число было осмеяно, причислено к душевнобольным, к ним относились как к еретикам, олицетворяющим социальный стыд. Иными словами, они служили свежим мясом для хищных птиц, только и ждущих, чтобы это мясо склевать. Думаю, что я был одним из хищников.

Даже при защите диссертаций на степени магистра и доктора риски были сведены до минимума. Некоторые из моих коллег боролись с подобным формализмом. Но я загнал их в угол. И только после того, как я пошел за этим непредсказуемым продавцом грез, до моего сознания начало доходить, что великие научные открытия делаются в молодые годы, в период бунтарства, но не взрослыми учеными. Формалисты получают дипломы и аплодисменты, помешанные выдвигают идеи, которые используют пожилые ученые.

Необычная мечта Бартоломеу

Белый человек с хорошо уложенными черными волосами, примерно тридцати пяти лет от роду, в рубашке бежевого цвета и с выражением замкнутости на лице, нарушил царившую гармонию и развязно заговорил, обращаясь к учителю:

— Моя самая большая мечта — задушить жену. — И он не шутил. Желание совершить убийство казалось вполне реальным. Учитель ничего не ответил, ожидая дальнейших объяснений страстного желания нахала, который продолжал: — Чего заслуживает женщина, изменяющая мужу?

Вместо того чтобы уменьшить гнев наглеца, учитель, похоже, добавил еще больше масла в огонь бушевавшего пожара.

— Вы тоже изменник?

Наглец не колебался ни минуты. Он ударил учителя кулаком в лицо, сбив его с ног. У того из губы с левой стороны потекла кровь. Когда многие попытались тут же линчевать наглеца, учитель утихомирил толпу:

— Нет, нет, не бейте его.

Потом он поднялся, приблизился к мужчине и объяснил:

— Мы способны изменять не только половыми органами, но своими мыслями, своими намерениями. Даже если мы не изменяем тем, кого любим, то изменяем самим себе. Изменяем своему здоровью, своим мечтам, своему спокойствию. Вы никогда не изменяли чему-либо, кому-либо или самому себе?

Наглец молчал, он лишь покачал головой, подтверждая тем самым, что тоже был изменником. Он ежедневно изменял самому себе с нездоровыми мыслями. Его агрессивность была лишь верхушкой айсберга измены. Когда мужчина ослабил бдительность, учитель забросал его целой серией вопросов:

— Ваша супруга, она что, является вашей собственностью? Если она таковой не является, то по какому праву вы желаете уничтожить ее или уничтожить себя из-за нее? Кто сказал, что, изменив вам, она перестала быть человеком с собственным жизненным путем, человеком, который плакал, любил, сердился, разочаровывался? Если

вы неспособны простить и снова завоевать ее, почему просто не сказать ей: «Очень сожалею, но ты меня потеряла»?

Мужчина покинул «сцену» совершенно ошеломленный. Трудно было предугадать, завоюет ли он эту женщину снова или позволит ей завоевать себя, но убивать ее он уже не станет. На меня произвела большое впечатление реакция учителя на происходящее. Может быть, он специально спровоцировал мужчину на рукоприкладство, чтобы отвернуть его мышление от убийства и направить в сторону поиска альтернатив? Это невозможно! Люди, стоявшие поблизости, воспринимали случившееся так, словно смотрели фильм типа «ЭКШН».

После этого инцидента учитель обратился к Бартоломеу с вопросом о его большой мечте. Думаю, что момент для этого был выбран не самый подходящий. Краснобай имел непреодолимую тягу к непочтительности.

Он выслушал учителя и с энтузиазмом заговорил, чуть не упав при этом:

— Моя большая мечта, шеф? Русская водка! И... и... и... помыться...

Поскольку купание, надо думать, нравилось всем, он для ясности добавил:

— Мечтаю помыться в бочке с шотландским виски.

Сказав это, Бартоломеу упал на мягкое место. Жизнь у него была нелегкая, и он приходил в экстаз от одной мысли о такой весьма необычной ванне.

Это было невыносимо. Я расхохотался над несчастным и над выражением лица мудреца, за которым пошел. Но тут же сам удивился своему веселому настроению. Мне никогда не приходило в голову, что в моем подсознании таилась способность получать удовольствие от неудач других. Подумалось: «На этот раз он сел в лодку, которая шла на дно».

Учитель еще не успел ответить, как появилась донна Журема, угрожавшая еще раз ударить Бартоломеу клюкой по голове. Она услышала, что у него за мечта, и пришла в негодование. На этот раз донна Журема не стала называть его дефективным, а употребила иные эпитеты:

— Тоже мне, всемогущий! Самонадеянный! Хронический алкоголик! Социальная язва!

Краснобаю, явно не имевшему за плечами ученых степеней, эти определения понравились, и он ответил:

— Спасибо за похвалы. Но мне подошла бы также бочка бразильской кашасы или мексиканской текилы.

Этот субъект был неисправим. Он пил бесконтрольно, накачивал себя алкоголем вот уже более двадцати лет. Последние десять он блуждал в хмельном тумане по улицам, переходя из одного бара в другой. Я был уверен, что продавцу грез никогда не удастся преподать урок несчастному вонючке. Этого не могло произойти хотя бы потому, что ни одна ясная мысль не могла пробиться в его сознание, рождающее галлюцинации. Возможно, мой учитель ответит какой-нибудь шуткой, не претендующей на назидательность, но имеющей целью высказать свое полное неодобрение, или отправит его в какую-нибудь группу анонимных алкоголиков, дабы избавиться от него раз и навсегда. Однако, к моему изумлению, он похвалил чистосердечность уходящего из жизни человека.

— Очень хорошо! Спасибо за честный ответ.

Я потрогал уши, пытаюсь убедиться в том, что не ослышался. Было просто невозможно, чтобы учитель подыгрывал пьяному человеку. Изрядная доля спиртного в крови и похвала, которую он только что получил, подстегнула эйфорию бедолаги. Почувствовав прилив самоуважения, которого не испытывал вот уже много лет, он горделиво посмотрел на людей, совсем недавно толкавших его. Пронзительно прокричал победное «Ура!» и, набравшись храбрости, проговорил:

— Сохраняю природу. Мой организм работает на алкоголе. — Он почесал правым пальцем за левым ухом и закончил мысль: — Так отношусь я и к этому человеку. Это инопланетянин. Могу я прогуляться на вашем воздушном корабле, шеф?

Напросившись на межпланетную прогулку, алкоголик столкнулся с двумя людьми и чуть не упал.

Поскольку я всегда был человеком непримиримым, то, естественно, подумал: «Отправьте этого типа в сумасшедший дом». Учитель посмотрел на меня. Мне показалось, что он прочитал мои мысли и решил последовать моей рекомендации. Но, к моему

удивлению, сказал такое, от чего я чуть не упал в обморок. Он тронул агонизирующего человека за плечо и твердо сказал ему:

— Следуйте за мной! И я напою вас таким напитком, о существовании которого вы и понятия не имеете.

Я был ошеломлен и потряс головой, чтобы убедиться в том, что правильно понял услышанное. Пьяный мужчина, ослабевший от пляски и оттого, что много лет подряд накачивал себя алкоголем, нырнул в свою бочку виски и, не выпив ни глотка, возразил:

— Напиток, которого я не знаю? Сомневаюсь! Это что, вишневка?

Мне стало стыдно за простодушную непочтительность алкоголика. Однако продавец грез не рассердился, а улыбнулся. Ему удавалось сохранять спокойствие в напряженных ситуациях. Потом он посмотрел на меня, словно хотел сказать: «Не переживайте. Люди с проблемами — моя профессия».

Мои нейроны пришли в состояние шока. Захотелось убежать. Следовать за эксцентричным человеком — это еще куда ни шло, но идти бок о бок с жизнерадостным пьянчужой — это уж слишком. Дело слишком рискованное.

Мой дом и весь свет

Учитель, я и Бартоломеу покинули толпу. Когда мы уходили, люди аплодировали. Некоторые фотографировали нас. Я отворачивался, пытаясь избежать огласки, но несчастный Краснобай с удовольствием позировал. Поскольку учитель никак на это не реагировал, я попытался толкнуть алкоголика, чтобы тот не высывался. Последнее, чего мне сейчас хотелось бы, — это превратиться в няньку при пьяном Краснобае. Здесь же присутствовали несколько журналистов, которые взяли себе на заметку то, что происходило.

После того как мы прошли три квартала, начали возникать проблемы. Меня стали мучить вопросы: «Что я здесь делаю? Куда мы идем?» Однако мой товарищ не раздумывал. Он был счастлив из-за того, что стал членом небольшой группы, у меня же это обстоятельство вызывало озабоченность.

Я смотрел вверх и пытался расслабиться. Учитель поглядывал на меня, слегка улыбаясь. Казалось, что он слышит мои сомнения. Я думал, что мы направимся в его скромное обиталище. Судя по одежде, он был очень беден, но должен же он хотя бы снимать дом или квартиру. По всей видимости, много комнат его жилье не имело, однако, учитывая ту страстность, с которой учитель приглашал к себе, он был хорошим хозяином и, по крайней мере, мог предоставить по комнате мне и Бартоломеу. Ибо спать в одном помещении с этим пьянчугой было вызовом здравому смыслу.

Возможно, комната, в которой он меня расположит, будет простой, но матрас на кровати наверняка окажется, хотя и без пружин, но с пенопластом достаточной толщины, чтобы не болела спина. Может быть, его холодильник не ломится от дорогих съестных припасов, но в нем найдется простая, здоровая пища. В конце концов, я был голоден и изнурен. Но все это были одни предположения.

Пока мы шли, учитель махал детям рукой, здоровался с взрослыми, некоторым помогал поднять тяжелые котомки. Бартоломеу только лишь приветствовал всех. Он махал руками всем подряд, включая деревья и столбы. Я противился этому, но, чтобы не быть

белой вороной, пожимал руки тем, кто здоровался со мной, не преувеличивая при этом своей радости.

Большинство встречавшихся нам прохожих улыбались в ответ на наши приветствия. Я пытался предположить, как получилось, что продавец грез знаком с таким множеством людей. Но он их не знал. Просто он таким был. Любой незнакомец являлся для него человеком, любой же человек был подобен ему самому, а любой подобный ему не мог быть неизвестным. Он приветствовал их из-за удовольствия приветствовать. Никогда я не видел человека столь живого, в таком хорошем настроении и такого общительного. В сущности, он не продавал грезы, он жил ими.

Мы миновали несколько кварталов, прошли несколько километров, но до места, где он жил, так и не дошли. Много времени спустя, когда у меня уже стали подкашиваться ноги, учитель остановился у перекрестка. Я перевел дух. Ну! Наконец-то пришли, подумал я. К моей радости, учитель подтвердил, что мы действительно на месте.

Я посмотрел налево, увидел целый ряд одинаковых белых домов с миниатюрными верандами для небогатых людей и почесал голову. Мелькнула мысль: «Дома маленькие. Трех комнат в них, надо думать, нет».

Но человек, который меня позвал, к счастью, посмотрел на правую сторону улицы и слегка приподнял голову, а я, взглянув в ту сторону, увидел за виадукром огромный домище. В таком доме на каждом этаже должно быть по восемь квартир. Настоящий муравейник. Ясно, что квартиры в нем меньших размеров, чем те, что в маленьких народных домах. И люди сидят в них, как голуби в голубятне.

Вспомнив о своих студентах, я сказал себе: «Это испытание мне не выдержать. Ночь обещает быть очень трудной».

— Не тревожьтесь. Места там много.

— На каком этаже находится ваша квартира? — осторожно спросил я, пытаясь как-то замаскировать свое подавленное настроение.

— Моя квартира? Моя квартира — это весь мир, — спокойно ответил учитель.

— Very good. Мне эта квартира по душе, — изрек Бартоломеу, которому нравилось разбавлять свою речь не совсем понятными ему английскими словами.

— Что это значит, учитель? — осведомился я, испугавшись.

Учитель пояснил:

— У лисиц есть норы, птицы небесные вьют гнезда, а продавец грез постоянного места жительства, где он мог бы преклонить голову, не имеет.

Я не поверил в услышанное. Я буквально остолбенел. Учитель процитировал известное изречение Христа. Неужели этот человек считает себя Христом? Нет, это невозможно! Неужели у него большое воображение? Или это состояние вот-вот придет к нему? Но он похож на умного, весьма одаренного в интеллектуальном плане человека. Он говорит о Боге как атеист. Кто же он, этот человек? С кем я связываю свою жизнь? Но еще до того, как тлеющие сомнения в моей голове превратились в пожар, он вылил на начинающее разгораться пламя ушат холодной воды и прекратил эти сомнения, по крайней мере, на время.

— Не беспокойтесь. Я не Он. Мне лишь удастся понять Его.

— Не Он? — переспросил я, не понимая, о ком идет речь.

— Я не Учитель Учителей. Я всего лишь самый младший из тех, кто пытается понять Его, — спокойно пояснил он.

На некоторое время я почувствовал облегчение.

— Но все же — кто вы такой? — настаивал я, желая получить более подробные объяснения, которых так и не последовало.

— Я вам уже сказал, кто я такой. Неужели вы мне не верите? — спросил он напыщенным тоном.

Бартоломеу к тому времени мог бы и успокоиться, но заставить его замолчать было невозможно.

— Вы не верите, что он начальник инопланетян, — попытался он наставить меня на путь истинный.

Этого я уже стерпеть не смог и обошелся с ним довольно безжалостно.

— Да замолчи ты, Краснобай! — рявкнул я.

— Краснобай — нет, сладкоречив — да. Не умаляйте моих достоинств, я интеллектуал второй очереди, — возразил он и встал в

позу человека, приготовившегося к драке, изображая мастера боевых искусств.

Это была одна из первых перебранок между последователями учителя.

Учитель обратился ко мне и сделал деликатное замечание. Он не вмешивался грубо в нашу личную жизнь. Вскрывал недостатки, не наказывая при этом. Его манера обращения ранила больше, чем любое наказание.

— Жулио Сезар, вы очень умны и знаете, что ни один художник не является хозяином своей работы, но лишь ее интерпретатором. Тот, кто интерпретирует, придает ей цвета и оттенки. Если Бартоломеу думает, что я начальник инопланетян, почему вас это печалит? Мне хочется доброты, а не подчинения. Будьте добры по отношению к себе самому!

Когда он меня поправлял, мне подумалось, что его последняя фраза — «Будьте добры по отношению к себе самому!» — была не совсем точной. Она, как мне казалось, должна была звучать так: «Будьте добры к Бартоломеу». Однако во время долгой прогулки пешком я сделал для себя открытие: тот, кто недобр по отношению к себе, не может быть добрым и по отношению к другим. Тот, кто очень плохо относится к себе, бывает жесток и по отношению к другим.

Его самой большой мечтой было распространение доброты в великом социальном приюте. «Нормальные» жили в своих домах-загонах, замкнувшись в собственном мирке. Они потеряли неподвластное уму желание дарить, заключать в объятия, давать еще один шанс. Доброта являлась словом; которое можно было найти в словарях, но редко в человеческих душах. Я умел конкурировать, но не умел быть добрым. Знал, как указать своим коллегам на их ошибки и невежество, но не знал, как давать убежище нуждающимся. Провалы других возбуждали меня больше, чем их успехи. Я ничем не отличался от политиков — членов оппозиционных партий, которые лезли из кожи вон, чтобы привести правящие партии к самоуничтожению.

После деликатного урока я успокоился. Но где же квартира и дом, в котором мы найдем приют? Вдруг учитель показал под виадук, находившийся прямо перед нами, и сказал:

— Вот наш дом и очаг.

Я чуть не упал в обморок. Захотелось вернуться на «Сан-Пабло». Домом он назвал несколько старых порванных матрасов. Простыней не было, вместо них — не менее старое и рваное тряпье, которым можно было накрыться. Имелся графин с водой на случай, если нам захочется пить. Пить нужно было прямо из горлышка. Никогда раньше мне не приходилось видеть такой бедности, «Неужели этот человек спас меня от самоубийства?» — подумал я.

Все это выглядело настолько скверно, что от такого «жилья» отказался даже Бартоломеу. Мне этот тип начинал нравиться. Он покачал головой и протер глаза, дабы убедиться, нет ли у него снова галлюцинаций.

— Шеф, вы уверены, что это ваш дом? — спросил он.

Бартоломеу начинал возвращаться в реальный мир. Начинал понимать, что поднялся на борт не того воздушного корабля. Сам он спал в лучших условиях — в домиках друзей, на полу пивных и даже в муниципальных домах призрения, а вот ночевать под виадуком ему предстояло впервые.

— Да, Бартоломеу, это и есть мой дом! И нас ожидает долгая ночь.

Поскольку все, что говорил учитель, имело свой скрытый смысл, то, назвав ночь долгой, он не имел в виду, что мы будем плохо спать и что у нас будут болеть спины из-за неудобных матрасов, а атмосферу страха, которую эта ночь обещала.

На ужин нам достались черствые хлебцы и несколько галет, срок хранения которых истек, но есть их еще было можно. Меня тошнило от гамбургеров, но сейчас, глядя на то, что лежало перед нами, я считал их пищей богов. Немного пожевав галету, я решил лечь спать. Кто знает, может быть, завтра я проснусь и увижу, что весь этот кошмар закончился. Я лег на матрас, свернул и подложил под голову вместо подушки кусок картона и дал отдохнуть голове, но не рассудку. Рассудок работал и нагонял мучительную тоску.

Пытаясь расслабиться, я говорил себе: «Успокойся. Отдохни душой. Тебе не нравится изучать эксцентричных людей? Теперь ты сам стал одним из них. Это поможет твоей научной карьере. Ты соберешь интересный социологический материал. Помни, мечты без риска порождают успехи без достоинств».

Я и представить себе не мог, куда меня занесло. Знал лишь, что вышел из микрокосма университетской аудитории и вошел в

макрокосм человеческого дна, то есть в совершенно неизвестный мне мир. Я был социологом-теоретиком. Заснуть мне так и не удалось.

Некоторое время спустя я применил другой метод — начал вспоминать полученные уроки и то, что осознал на опыте. Попытался думать о том, что произошло несколько часов тому назад. Впечатление от пребывания в обществе этого странного человека было настолько велико, что я думал меньше о крыше высотного дома, чем о «доме» под виадуком, меньше о самоубийстве, чем о продолжительной пешеходной прогулке.

Потом пришло еще одно озарение. Возникла мысль о том, что все люди могли бы прийти сюда и просто побродить, хотя бы один день, чтобы найти потерянное звено внутри себя. Такие размышления помогли мне избавиться от напряжения. Беспокойство и раздражение слегка приутихли, что в конечном счете позволило понизить уровень тревожного возбуждения.

Наступило расслабление, и я начал засыпать. Стало понятно, что степень мягкости постели определяется силой нашего душевного волнения. Хорошо спится лишь тому, кто научился умело управлять состоянием собственной души. Я начинал философствовать, словно учитель. Мне было и невдомек, какой ужас ожидал меня впереди. Тюфячок, на котором я лежал, оказался самым лучшим в мире матрасом.

Шайка ненормальных

Было четыре часа утра. Дул сильный и холодный ветер. Я проснулся внезапно, разбуженный истошным криком.

— Мост сейчас упадет! Упадет! — кричал Бартоломеу.

Он был страшно испуган и тяжело дышал. У меня сильно забилося сердце. Никогда раньше я не испытывал такого ужаса. Я быстро вскочил, желая убежать как можно дальше от огромного виадукса.

Учитель удержал меня за руку и попросил успокоиться.

— Какое тут спокойствие?! Мы можем погибнуть! — сказал я, посмотрел на нависающую над нами конструкцию и в полутьме разглядел в ней старые щели, которые поначалу показались новыми.

Учитель спокойно пояснил:

— У Бартоломеу синдром алкогольной абстиненции.

Во мне ожил инстинкт самосохранения, хотя всего несколько часов назад я хотел покончить с собой. Мой пьяный и вконец запутавшийся товарищ подвел меня к самому большому в мире открытию: самоубийцы, в том числе и те, которые тщательно планируют задуманное, убивать себя не хотят, они хотят убить неприятности, которые их преследуют. Я делал глубокие вдохи, но сердце продолжало биться часто, мной овладела тревога. Бартоломеу продолжал вопить. У него была белая горячка. Поскольку он находился в состоянии алкогольной зависимости, отсутствие спиртного в кровеносной системе довело состояние его организма до критического — повысилась частота сердцебиения, он сильно потел и испытывал другие страдания. Самое худшее было то, что его сознание, которое и так было затуманено, теперь находилось в коллапсе. У него появились галлюцинации, появились устрашающие зрительные образы, которые, как он клятвенно утверждал, были вполне реальными.

Придя в отчаяние от возможного падения моста, он начал видеть другие галлюцинации. Ему чудились колоссальные пауки и крысы величиной с автомобиль. Они ползали вокруг и собирались съесть его. Лицо у него было залито потом, руки дрожали, тело стало горячим,

казалось, что у него поднялась температура. Учитель не уставал повторять: от монстров, находящихся вне тебя, можно бежать, от тех, что внутри тебя, убежать невозможно. Просто не верится, что человеческий разум способен создавать иллюзии, чтобы затем бояться их. Наступила эпоха цифровой техники, а примитивные ощущения продолжают жить.

Бартоломеу был намерен бороться с хищниками, собиравшимися его сожрать.

— Шеф, помогите мне! Спасите! — кричал он в агонии.

Мы пытались успокоить его и усадить в деревянный ящик, в котором когда-то хранились помидоры. Но он тут же вскакивал, и у него начинались новые галлюцинации. Один раз он вскочил и начал бегать по улице. В стране тогда было пять миллионов подобных алкоголиков. Я никогда не думал, что алкоголь может причинить такие страдания. Пьяницы казались мне счастливыми. Опасаясь, что он попадет под машину, учитель предложил отвести его в общественную больницу, которая находилась в трех кварталах от виадука. Он боялся подмочить свою репутацию. Так мы и сделали.

Вот так я и начал тратить немного своей энергии на помощь другим, не прося ничего взамен. Понятно, что в наших действиях всегда есть определенная заинтересованность. Однако, как говорил учитель, есть интересы легитимные, рассчитанные на получение определенных финансовых преимуществ, на публичное признание, и те, которые связаны с удовольствием оказывать помощь другим путем повышения их материального благосостояния или лечения. Вторая система обмена не действует ни при капитализме, ни при социализме. Она существует в мире, чуждом высшей школе.

Ко мне начало приходить понимание того, что эгоисты пребывают в каменном мешке собственных страхов, а те, которые помогают другим людям избавиться от их бед, облегчают беды собственные. Не знаю, придется ли мне когда-либо раскаяться в том, что я встал на этот путь, не знаю, что меня ждет, но торговля грезами, несмотря на то что это рискованно, может быть, станет отличной сделкой на рынке эмоций. Беспокойство моего товарища было так велико, что оно сделало, по крайней мере, на время, более спокойным мое восприятие своей духовной нищеты и многочисленных жизненных проблем, которые так и остались неразрешенными.

Я представил себе, каких трудов стоило продавцу грез выволить меня из плена заблуждений. Он не просил у меня ни денег, ни признания, ни аплодисментов, но получил многое. Он получил немалую дозу удовольствия. Он был настолько счастлив, что принялся плясать на публике. Какой фантастический «рынок»! Единственное, о чем он попросил меня, — сделать то же самое.

Помогая Бартоломеу, я впервые бескорыстно помогал постороннему человеку, что было весьма трудной задачей для эгоцентричного интеллектуала, для того чтобы положить его в больницу, мы были вынуждены вступить в настоящую битву. Нам пришлось убеждать дежурную смену в том, что наш друг может умереть. Страшных истерик, которые закатывал Бартоломеу, им было мало. Персонал больницы общего профиля не был готов к чрезвычайным происшествиям, связанным с человеческим сознанием. Они знали, как лечить тело, но не знали, как обращаться с душой, которую нельзя потрогать руками, либо скрывали, что знают. Это была каста людей, которые, казалось, закрылись непробиваемой броней. Когда нам удалось поместить Бартоломеу в больницу, он уже немного приутих. Ему дали большую дозу снотворного и уже сонного отвели в палату.

Мы пошли проведать его во второй половине дня. Бартоломеу чувствовал себя значительно лучше. Галлюцинации прекратились. Его уже выписывали. Он попросил нас рассказать обо всем, что случилось, и о том, как мы с ним познакомились. Его память помутилась. Учитель передал бразды правления мне. Я должен был объяснить то, что объяснению не подлежит. Когда я начал разговор, учитель вышел. Ему не нравилась излишняя экзальтация.

Я повел речь о том, кто такой продавец грез, как он мне помог, как позвал меня за собой, как мы увидели Бартоломеу у высотного здания. Рассказал про пляску, про вопрос о большой мечте, про то, как учитель и его позвал с собой, о виадукке, о ночном кошмаре. Иными словами, рассказал обо всем. Бартоломеу слушал с величайшим вниманием, качал головой и, запинаясь, бормотал: «Ну и ну!» Все казалось настолько нереальным, что я чувствовал себя сумасшедшим, который объясняет то, чего сам не понимает. Бедняга, как и учитель, пребывал в хорошем настроении и, пытаясь помочь мне расслабиться, заговорил:

— Вы не знаете ни имени его, ни рода занятий. Ну и ну! Вот тип! Надо разобраться во всей этой путанице.

Но когда мне почудилось, что он собирается отказаться от приглашения, Бартоломеу добавил:

— Мне всегда хотелось идти за кем-нибудь, кто трезвее меня.

Итак, я пошел вместе с этими двумя сумасшедшими людьми. Социологический эксперимент начал наполняться конкретным содержанием. Единственное, чего я опасался, это повстречать на улице кого-нибудь из знакомых. Пусть лучше преподаватели и студенты думают, что я умер или покинул страну. Бартоломеу беспечно посвистывал. Учитель шагал рядом с нами, преисполненный радости. Потом он вдруг запел красивую призывную песню, которую сам и сочинил. Ее слова отражали его главные жизненные принципы. Эта песня понемногу превратилась в главную тему нашей истории.

Я всего лишь простой путник,
потерявший страх потеряться.
Я уверен, что далек от совершенства.
Можете назвать меня безумцем,
можете смеяться над моими идеями,
неважно!
Важно то, что я просто путник.
Мечты продаю всем встречным.
Нет у меня ни компаса, ни плана,
нет ничего, и есть все.
Я всего лишь простой путник —
в поисках самого себя.

По дороге к нашему дому, точнее сказать, к виадуку, мы повстречались еще с одним весьма странным субъектом. Звали его Димас де Мело по прозвищу Рука Ангела. Но правильнее было бы его назвать Рука Дьявола. Впрочем, прозвище не всегда является синонимом человека. Если принять во внимание его жизненные принципы, то прозвище скорее было антонимом его поведения. Он был просто жуликом двадцати восьми лет от роду, с белокурыми волосами, нос — длинный, приплюснутый, черты лица — тонкие.

Руку Ангела поймали в универмаге, когда он пытался украсть портативный DVD-проигрыватель. До того он уже похитил много других вещей, еще более дорогих, и ни разу не был пойман. Но в этот день на месте преступления его засекла видеокамера. Конечно, пройдоха учитывал наличие камер наблюдения, когда отправлял аппарат в свой огромный карман, но не заметил еще одну, скрытую. Его арестовали.

В полицейском участке он потребовал адвоката. Когда инспектор приступил к дознанию, воришка отвел адвоката в сторону и сообщил, что денег на оплату услуг у него нет. Адвокат пояснил ему: «Без денег увидишь небо в клеточку. Тебя посадят». Когда адвокат начал давить на мошенника, тот принялся коверкать слова, заикаться и запричитал: «Осторожней на поворотах... по... тому... что... я выкручусь, не заплатив вааще ни... ничего. Только идите за мной...». Адвокат не знал, что его ожидает. Оба вошли в кабинет, в котором сидел властный и нетерпеливый инспектор.

Инспектор спросил имя злоумышленника. Димас с пустым взглядом поднес, посвистывая, указательный палец к губам, после чего трижды постучал себя по лбу. Инспектор грубо оборвал его и опять потребовал назвать себя. Жулик повторил тот же жест.

— Шутки шутить со мной вздумал, парень! Посидишь ты у меня за неуважение к власти.

Потом он спросил его адрес и профессию, но Рука Ангела с величайшей естественностью повторял все тот же жест — прикладывал, посвистывая, палец к губам и трижды стучал себя по лбу. Ему пришло в голову создать образ умственно отсталого психопата, не понимающего, где находится, не понимающего, что происходит, и никакого понятия не имеющего о краже, которую совершил. Всего ему было задано десять вопросов, ответов на которые так и не последовало. Полицейский нецензурно ругался, бил кулаком по столу, угрожал, но безрезультатно. Этот тип был артистом в худшем смысле этого слова. Адвокат поддержал пронырливого клиента.

— Черт его знает, что происходит! Этот тип сумасшедший! — кричал полицейский.

Адвокат вышел вперед и заявил:

— Сеньор, я не сказал, что мой клиент умственно отсталый, поскольку вы не поверили бы мне. Сейчас вы сами видите: он не

ведает, что творит.

Не желая больше терять времени, инспектор отпустил негодяя. На улице адвокат поздравил Руку Ангела и похвалил его ловкость.

— Ты ужасен. Будь здоров! Никогда не видел такого изворотливого жулика, — сказал он и потребовал свой гонорар, поскольку его ожидали другие дела.

Рука Ангела внимательно посмотрел прямо в глаза адвокату, с величайшей естественностью поднес пальцы ко рту, свистнул и три раза постучал себя по лбу. Адвокат улыбнулся, но заметил, что на шутки у него нет времени. Димас повторил свою пантомиму. Мы в это время находились на другой стороне тротуара, наблюдая за разыгравшейся сценой.

— Давай покончим с этим! — взревел адвокат.

Рука Ангела снова повторил свой прием. Адвокат занервничал. Увидев его раздражение, Димас еще раз проделал то же самое. Негодяя ничто не трогало. Адвокат всячески угрожал ему. В том числе тем, что снова сдаст его в полицию. Но как он мог это сделать? Ведь он уже сказал инспектору, что его клиент психически нездоров. Если он откажется от своих слов, то может навредить самому себе. Впервые в истории права какому-то пройдохе за пятнадцать минут удалось сбить с толку инспектора полиции и адвоката.

После того как разъяренный адвокат ушел, Рука Ангела произнес во всеуслышание:

— Еще один растяпа.

Учитель внимательно присматривался к жулику. Поначалу его интерес к мошеннику был мне непонятен. Потом я подумал: может быть, он хочет продать ему мечту стать честным человеком; сделать ему нагоняй, прочитать нотацию. А может быть, хотел порекомендовать нам не общаться с этим субъектом, поскольку тот мог бы сорвать наши планы.

Он пересек тротуар и подошел к Димасу. Мы настороженно последовали за ним, опасаясь, что мошенник может быть вооружен. Димас заинтересовался тем, что учитель подглядывал за ним. К нашему удивлению, учитель уверенно заговорил с ним:

— У вас есть мечта разбогатеть любым способом.

Мне понравилось то, что я услышал, и первая фраза учителя показалась мне весьма смелой. Но он сразу же снова удивил меня и

даже Бартоломеу, который к этому времени уже окончательно протрезвел.

— Воры, — продолжил он, — не очень-то преуспевают. Они бегут от нищеты, но она постоянно догоняет их.

Мошенник испугался. Ему было трудно продать то, что он крал. Жизнь у него была тяжелая. Он ненавидел нищету. Молил Бога, чтобы она ушла, но она, словно верная подруга, настойчиво преследовала его. Несколько мгновений спустя мир нарушителя спокойствия окончательно рухнул.

— Хуже всех дела идут не у того, кто обманывает других, а у того, кто обманывает себя.

Мошенник сделал два шага назад. Высказанная мысль не была сложной, но то, что он услышал, смутило его. Он начал спрашивать себя: «Получается, я не очень-то преуспеваю? Я мастак охмурять других, но, возможно, все это время обманывал себя? Что это за тип, из-за которого я так нервничаю?»

После этого учитель вызвал настоящее землетрясение на том месте, где мы стояли.

— Пойдемте со мной, ибо я помогу вам найти сокровище, которое называется «знание» и которое дороже серебра и золота.

Идеи учителя резали как нож, были четкими и соблазнительными. Субъект осмотрел с головы до ног человека, разбередившего его душу, внимательно изучил его одежду, увидел его пустые карманы и сделал глубокий вдох через нос. Обдумал вопрос с сокровищем в виде знаний, но ничего не понял.

— Что... это еще... за сокровище? — начал он с недоверием и заикаясь. — Где оно закопано?

Ничего не растолковывая, учитель лишь твердо сказал:

— Потом узнаете!

И пошел прочь, не давая никаких пояснений. Мошенник последовал за нами. Сначала он шел за учителем из любопытства. Может быть, думал, что учитель — это какой-то эксцентричный миллионер. Дело в том, что продавец идей обладал волшебным магнетизмом, он вел за собой самых редких представителей нашего общества, даже если у этих людей поначалу были какие-то тайные намерения.

Бартоломеу много лет назад, когда у него еще водились деньжата, прошел несколько психотерапевтических сеансов, но ни один из них не дал результата. Наоборот, результат был прямо противоположным. Он свел с ума некоторых из своих докторов, и они были вынуждены сами лечиться сразу же после того, как начали лечить Бартоломеу. Этот тип был неисправим, но вовсе не так уж глуп. Он решил, что моей специальностью является высокомерие. Когда мы, потанцевав у «Сан-Пабло», направились к виадуку, он прозвал меня Суперэго, поскольку понял, что я представлял собой буквально кладезь надменности и спеси, а мое собственное «я» было огромным и болезненным. Малограмотный специалист по ошибке использовал термин Фрейда. Наблюдая за тем, как приглашают плута, он отозвал меня в сторону и прошептал на ухо:

— Суперэго, с вами очень трудно иметь дело, а с этим мошенником будет вообще невозможно.

— Посмотрим, что он выкинет, этот... — начал я возражать, но, еще не успев выругаться, подумал, что, может быть, он и прав. Новый член семейства наверняка опасен. Мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я стану общаться с уголовником, с надувалой.

Бартоломеу я отомстил, тихонько сказав:

— Иметь дело с таким алкоголиком, как вы, сложно, но с этим жуликом вообще невозможно. Я вне игры!

Я еще раз подумал о том, чтобы отказаться от этого практического изучения социологии. Но неожиданно в моем сознании возник образ. Я вспомнил, что был потерян и снова найден; посмотрел на спокойное лицо учителя и решил продержаться еще некоторое время. На руку мне сыграло и любопытство: что мне может дать этот опыт? Само собой разумеется, этот опыт даст богатейший материал для написания нескольких диссертаций.

Новый ученик имел мягкий голос, но был мастером обманывать других и из любой ситуации извлекать выгоду. Ему нравилось потешаться над людьми, продавать им лотерейные билеты, на которые якобы выпал выигрыш. Он воровал кредитные карточки у женщин, рыскал по сумочкам старух, помогая им перейти улицу, словно заправский джентльмен. Проблема в том, что любой мастер своего дела страдает преувеличенной самоуверенностью. Он считал, что никогда не попадет в ловушку, до тех пор пока не встретился с кем-то,

кто являлся еще большим мастером, чем он. Ему и невдомек было, что пойдя вслед за учителем, он попал в самую большую в своей жизни западню.

Мы присели на площади, чтобы отдохнуть. Учитель предложил нам с Бартоломеу объяснить Димасу суть нашего плана. Задача не из легких! Этот тип был настоящий неуч. Но, может, нам удастся заставить его покинуть нас? Бартоломеу описывал все, что с нами происходило, с большими преувеличениями.

— Послушай, шеф — гений! Думаю, что он из другого мира. Он гипнотизирует людей. Он позвал нас для того, чтобы окрылить человечество мечтами.

Пьяный Бартоломеу видел монстров, трезвый — впадал в манию величия. Однако, к сожалению, Димасу нравилось слушать его, поскольку общались они на одном языке. Люди не в своем уме умеют понимать друг друга. Что же касается меня, я размышлял так: «Я безумец одиночка и вел такую жизнь, которая была хуже жизни этих бедолаг».

Я понимал, что любые объяснения, которые мы давали Димасу, не удовлетворили бы его, ибо в наших головах была такая же путаница, как и в его собственной. Вместе с тем тому, кто попал в беду в пустыне, прохладу дарит даже фата-моргана оазиса. Так была создана наша эксцентричная группа.

Маленькие, но смелые ласточки

Некоторое время спустя мы проходили мимо газетного киоска на площади и увидели свои портреты на первой странице большой газеты с подписью: «Небольшая шайка ненормальных возмущает спокойствие в центре города». На переднем плане был мой учитель, а мы с Бартоломеу стояли поодаль. Я купил газету, потратив те немногие монетки, которые оставались в кармане.

Все это потрясло меня. Я понимал, что послужил причиной скандала, когда собирался покончить с собой, но мне казалось, что я скрылся; мне хотелось забыть об этом событии, вернуться к своему незаметному существованию университетского преподавателя. А теперь я был у всех на виду. В репортаже сообщалось, что я собирался покончить с собой и был спасен каким-то незнакомцем, имени которого никто не знает.

Прочитав статью в газете, Димас и Бартоломеу поняли, что рядом с ними находится безутешный интеллеktуал, неспособный сдержать свои чувства. Они привыкли к диффамации, я — нет. Мой общественный имидж тщательно оберегался. «Теперь мои университетские оппоненты будут публично надо мной глумиться. Эти зубоскалы уж постараются», — думал я.

Какой глупец! Хотел умереть, не привлекая к себе внимания, но сделал все не так, как нужно. Прославился! Глубоко оскорбленный, я хотел скупить все газеты и сжечь их. Хотел протестовать по поводу публикации моей фотографии без разрешения. Хотел подать в суд на журналиста за клеветнический репортаж. Статья унижала мое достоинство, в ней утверждалось, что я был деспотичен и жаждал сенсаций. Там же говорилось, что человек, который спас меня на крыше высотного здания, по мнению присутствовавшего там психиатра, является опасным психопатом, представляющим угрозу для общества. Так что спас меня отнюдь не герой. Это было что-то вроде голливудского фильма, только наоборот.

Учитель сел на скамейку рядом со своими последователями. Уважая мою боль, он просто смотрел на меня. Он ожидал, что градус моей печали понизится, после чего он сможет вмешаться. Но тот не

понижался. Мое сознание выходило из-под контроля, и я представил себе всех коллег-преподавателей и студентов, читающих эту статью. Я заведовал кафедрой социологии и никогда не склонял головы ни перед преподавателями, ни перед студентами; чувствовал себя непогрешимым, презирал глупых, но никогда не обращал внимания на глупость собственную. Мне легко удавалось обретать врагов и с трудом — друзей.

«Что же они теперь будут обо мне думать? Что подумают о самоубийце, спасенном каким-то вызывающе эксцентричным субъектом? И хуже, что они подумают о самоубийце, который после своего спасения весело отплясывал в кругу незнакомых ему людей? Конечно, они скажут, что я стал идиотом в квадрате, и, вполне возможно, добавят, что я защитил диссертацию по идиотизму».

Это было все, о чем только могли мечтать Марио Варгас, Антонио Фрейтас и другие мои неприятели. Теперь они с удовольствием похоронят мой имидж. Сам того не понимая, я кончил тем, что продал мечту, которую они больше всего лелеяли, мечту растоптать существующее обо мне представление. В полном отчаянии я решил, что для ученого мира я умер. Кончилась и моя университетская карьера. Никогда больше не наступит тишина, когда я начну говорить о социальной критике, не будет уважительного ко мне отношения, когда я стану оспаривать чьи-то идеи или поправлять кого-то. Отрицательная сторона цивилизации начала проникать в мое сознание.

Меня охватила ненависть к журналисту, разместившему этот материал. В одном из приступов ярости пришла мысль: «Почему при подготовке журналистов не проводятся специальные эксперименты, имитирующие ситуации, когда публично порочат твое имя? В этом случае они, возможно, старались бы поставить себя на место другого человека и потрудились бы исследовать больше фактов, прежде чем втоптывать в грязь его имя».

Для журналиста это был всего-навсего очередной материал, а для меня — вся моя жизнь, все, что у меня есть, и все, чем я являюсь; хотя эта жизнь и была нездоровой, запутанной и полной досадных неожиданностей. Бывает, что течение жизни меняется всего за несколько минут. Как мне вернуться к своей прошлой деятельности? Если вернусь, то для других я уже буду не таким, как раньше! А сейчас рядом со мной находится только один человек, предложивший

революционный проект, не дав при этом никаких гарантий — интеллектуальных, финансовых или социальных; к тому же он пригласил участвовать в этом проекте людей, которые никогда не прошли бы сквозь фильтр моего интеллекта, — пройдох, которых я лично никогда бы не выбрал для совместного решения какой бы то ни было задачи.

Много лет я прожил под защитой университета, и стоило только отказаться от прикрытия, которое обеспечивали мне почетные титулы, как я тотчас же превратился в простого смертного и начал получать удары судьбы. Мною владело возмущение. Однако, до того как я окончательно увяз в тяжелых раздумьях, мое сознание начало проясняться, и я вновь стал проникать в суть явлений.

Заметив быстрый взгляд учителя, я понял, что «запятая», которую он мне продал, остается в силе, хотя плата за то, чтобы быть его последователем, оказалась далеко не малой. Стало ясно, что печальные мысли, порожденные газетным материалом, несли с собой нечто весьма полезное. Живые чувствуют крушение надежд, мертвые — вряд ли. Я был жив.

Я едва не разбился в лепешку, упав с крыши. Мне следовало радоваться жизни, поскольку конфликты в моем подсознании были хотя и болезненными, но отнюдь не мертвыми. Мне хотелось стать простым смертным, жить тихой, спокойной жизнью, сбросить с себя оковы паранойи социального имиджа, но я был тяжелым человеком, непреклонным, одолеваемым мучительной тревогой.

Теперь я понимаю, почему характер отца одного из преподавателей не изменился после пребывания в течение шести месяцев в руках похитителей. Ему было семьдесят лет, он отличался высокомерием, агрессивностью и склонностью к умалению достоинства других людей. Когда его освободили, все решили, что он станет покорным и добрым альтруистом, но после освобождения старик стал еще нетерпимее.

Мой авторитаризм всегда скрывался под маской интеллектуальности. Я остался цел и невредим даже после ураганного ветра, принесшего мне идею самоубийства. Озабоченный, я чувствовал, что эта история с торговлей мечтами никак не изменит такого эгоцентрика, как я. Не страдания нас меняют, как мы думали сотни лет, а осознание этих страданий, которое приносит нам пользу

на протяжении жизни. Стало понятно, что если я не увижу их пользу, то останусь мучеником, — гигантом в культуре и ребенком в эмоциональном плане.

Рассуждая подобным образом, я ощутил рядом с собой присутствие учителя. Он, казалось, чувствовал, какой ураган мыслей бушует в моей голове. Его лицо выражало беспокойство. Создавалось впечатление, что ему дано видеть невидимое. Пытаясь унять этот ураган, он заговорил:

— Не бойтесь внешней диффамации. Бойтесь собственных размышлений, ибо только они способны проникнуть в вашу сущность и разрушить ее.

Я задумался, а он продолжал:

— Кто-то может, не спросив вашего разрешения, нанести вам поверхностную рану, но ему никогда не удастся вторгнуться в ваше сознание без вашего позволения. Вторжение непозволительно. Мы те, кем являемся, — сказал учитель и тотчас же ошарашил меня, продолжив: — Цена торговли грезами высока, но вы отнюдь не обязаны платить ее. Вы вольны уйти.

Я оказался на распутье. У меня появилась возможность изменить все и идти куда угодно. Уйти? Я всегда был боязлив, но настойчив, и боролся за то, чего хотел. В этот момент мое сознание было до отказа забито вопросами, над которыми я никогда не задумывался, и я начал вспоминать собственное социологическое исследование на примере взаимоотношений Иисуса и его учеников, оказавших большое влияние на западное общество. Стало возникать понимание духовных и социальных феноменов, о которых я раньше никогда не задумывался.

А теперь я начал размышлять о непостижимой силе слов и жестов Иисуса, убеждавших молодых иудеев в расцвете сил, безумно жаждущих приключений, имеющих свое дело, свои семьи, бросить все и идти за ним. Какое безрассудство! Они пошли вслепую за человеком, очевидно не обладающим политической властью, ничего не зная о его личности. Они покинули семьи, друзей, дома и последовали за ним, не зная, куда их поведут. Он не давал им ни денег, ни удобств, не обещал и царствия земного. Какое рискованное предприятие! Какие проблемы! Какие обиды! Какие потрясения им пришлось перенести!

Они потеряли все, в конечном счете потеряли и человека, научившего их любить, распятого на деревянном кресте. Умер он не

как герой, умер безмолвно, перестал дышать с любовью к людям, ушел, прощая. После его смерти ученики могли отступить от учителя, но ими овладела непостижимая сила. После хаоса они стали еще сильнее и разнесли по всему свету весть, которую услышали.

Они принесли на алтарь человечества горести, здоровье, свое время, иначе говоря, все, что имели сами. Они любили неизвестных им людей и шли ради них на смерть. Послания, переданные людям этими неотесанными, малокультурными учениками, легли в основу как европейских сообществ, так и многих других — в обеих Америках, в Африке и Азии. Появились основные принципы прав человека и социальных ценностей.

Прошли сотни лет, и все превратилось в косный порядок. Церкви стали неисчерпаемым источником конформизма. Сейчас сотни миллионов людей в комфортных условиях отмечают в своих храмах рождество, Страсти Господни и прочие даты, совершенно не задумываясь над тем, что это значит — провести ночь под открытым небом, получить оплеуху от безумца и почувствовать, чем пахнет полное разрушение твоего общественного имиджа. Ныне исчезла способность чувствовать, нет понятия о колоссальном стрессе, который испытывали эти молодые люди, следовавшие за загадочным Учителем Учителей.

Мне вспомнились ужасные соломенные постели, на которых они спали, не имея пристанища. Я размышлял о печали, которую они чувствовали, пытаюсь объяснить необъяснимое своим отцам и друзьям из Галилеи. Они не могли говорить о том, что любят одного человека, потому что их забросали бы камнями. Не могли они рассказать и о том, что принимают участие в некоем большом проекте, потому что этот проект был неосязаем. Не могли сказать, что следовали за могущественным человеком, за Мессией, потому что он не хотел раскрывать своего имени. Каким храбрым нужно быть, чтобы позвать за собой, и какая храбрость нужна, чтобы на этот призыв откликнуться!

После этих раздумий Бартоломеу быстро вернул меня в реальный мир. Он спровоцировал меня, не знаю, похвалив или обидев:

— Суперэго, если бы вы оказались размазней и ушли, мы бы перестали вас уважать. Но вы нужны нашей команде.

Я глубоко задышал и стал думать о человеке, который не позволил мне покончить с собой и увел спать под виадук. Он не Христос, у него нет призвания к мессианству. Он не творит чудес. Не обещает царствия небесного или земного, а также социального обеспечения. У него нет жилища, он беден, у него нет машины, нет карточки медицинского страхования. Но он притягивает нас к себе как магнит. Он живет под лозунгом солидарности, мечтает найти путь к сознанию людей, чтобы бороться с системным вирусом, противостоя эгоцентризму.

Но не опасно ли противостояние обществу, этой своеобразной фабрике безумия? Не лучше ли уйти от толпы погрязших в индивидуализме, не легче ли оставить их людьми тупоголовыми, не интересующимися таинствами существования, а лишь несерьезными загадками, связанными с покупками, компьютерами, модой? Мы слишком незначительны для того, чтобы хоть как-нибудь противостоять могучей системе. Нас могут арестовать, нанести нам увечья, а еще хуже — оклеветать.

Пока во мне шумела буря эмоций, учитель пребывал на сцене: он дал изумительное представление. Терпение было его главной добродетелью. Заметив мою удрученность, он подозвал Краснобая и Руку Ангела и, после долгой паузы, рассказал нам одну простенькую, почти наивную аллегория, которая, однако, взяла меня за живое.

— Однажды в большом лесу случилось наводнение. Огромные дождевые облака, которые должны были нести жизнь, на этот раз принесли смерть. Крупные животные побежали прочь, боясь утонуть, бросив даже своих детенышей. Они уничтожали все, что встречалось на их пути. Более мелкие животные побежали вслед за ними. И вдруг навстречу им вылетела маленькая, совершенно промокшая ласточка, которая искала, кого еще можно спасти. Гиены были потрясены поведением ласточки. Они запричитали: «Глупая! Ну что ты можешь сделать, такая маленькая?» Стервятники кричали: «Утопистка, ты только посмотри на себя — какая ты маленькая». И куда бы пичужка ни полетела, везде над ней смеялись. Но ласточка была внимательна и нашла того, кого можно было спасти. Она с трудом махала промокшими крыльями, когда увидела птенчика колибри, отчаянно барахтавшегося в воде и уже почти утонувшего. И хотя ласточка никогда не училась нырять, она бросилась в воду и схватила маленького птенчика за левое крылышко. После чего улетела, унося в

клюве спасенного птенца. Вернувшись, она увидела других гиен, которые не смогли удержаться, чтобы не сказать: «Глупая! Хочешь стать героиней?» Но ласточка не стала там останавливаться, а присела только для того, чтобы отдохнуть, после того как отнесла малышку колибри в безопасное место. Много времени спустя она встретила гиен, устроившихся в укрытии. И посмотрев им пристально в глаза, наконец ответила: «Я горжусь своими крыльями хотя бы потому, что они позволяют мне вернуть способность летать другим».

Закончив свой рассказ, внушивший нам трепетное вдохновение, продавец грез сказал мне и моим друзьям:

— В обществе полно гиен и стервятников. Не ожидайте многого от больших животных. Но ждите от них недопонимания, отказов, клеветы и болезненной жажды власти. Я не призываю вас стать великими героями, не хочу, чтобы ваши дела были занесены в анналы истории, а призываю стать маленькими ласточками, летающими над обществом, любящими неизвестных им людей и творящими для них то, что в их силах. Гордитесь своими крыльями. Гордитесь делами незначительными, но имеющими великое значение, а также и своим невысоким положением, позволяющим совершать возвышенные поступки.

Эта история, возбуждая мои эмоции, ранила в то же время мой интеллект. И я подумал: «Должен признаться, что во многих жизненных ситуациях я действовал как гиена и как стервятник; отныне я должен научиться действовать как маленькая, ничего не значащая ласточка».

Самый тихий уголок социального сумасшедшего дома

«Нормальные» всегда действовали по заведенной раз и навсегда привычке; предъявляли претензии в одной и той же манере, одинаково возмущались, выражались нецензурно одними и теми же словами. Одинаково здоровались со своими ближними. Одинаково решали одни и те же проблемы. Пребывали в одинаковом настроении, как дома, так и на работе. Одинаково реагировали на одинаковые ситуации. Дарили подарки по календарю. Иными словами, следовали удушающей, предсказуемой рутине, которая превращалась в неисчерпаемый источник подавленных настроений, тревог, духовной пустоты и раздражения.

Система засорила воображение людей и привела к потере их творческих проявлений. Они редко удивляли себе подобных, редко дарили подарки не в праздничный день, редко реагировали на напряженные ситуации не так, как обычно. Редко задействовали свой интеллект для того, чтобы оценить какое-либо общественное событие с иной точки зрения. Они были пленниками и не знали этого.

«Нормальных» отцов, пытавшихся сделать замечание своим детям или посоветовать им что-то, те обрывали на полуслове. Детям надоело слушать одни и те же аргументы. Они отвечали: «Я уже знаю...» И они действительно знали. «Нормальные» не умели очаровывать. Не умели рассказывать о собственном опыте для того, чтобы стимулировать мыслительный процесс других.

Общаясь со своими студентами, я всегда был предсказуем, но узнал об этом только тогда, когда пошел за учителем. Я читал лекции в одной и той же тональности. Порицал и отпускал грубые шуточки в одной и той же манере. Я выбирал иные глаголы и существительные, но никогда не менял форму и содержание. Мои студенты в особе преподавателя имели мешковатую фигуру, которая была больше похожа на египетскую мумию, чем на живого раба Божьего. Им до чертиков надоело слушать, что они ничего не достигнут в жизни, если не будут учиться.

Продавец грез неустанно продавал грезы очарования. Удивительно, что человек с подобной невзрачной внешностью умел так опутывать чарами, что человек без педагогического образования так пленял воображение! Пойти за ним означало ответить на приглашение к чему-то новому. Мы плыли по воле волн без четко обозначенного курса. Учитель видел обычные ситуации под иными углами зрения. Мы не знали, каков будет ответ в данном конкретном случае. Однако же он очень хорошо знал, куда мы идем и какого результата он хочет при этом добиться. Он постоянно тренировал нас в поиске невысказанной свободы. Каждый день становился кладезем сюрпризов, одних — весьма сладких, других — вызывающих оскормину.

На следующее утро, потратив некоторое время на молчаливое подавление собственных тревог, учитель встал, несколько раз глубоко вдохнул пропитанный миазмами воздух виадукка и поблагодарил Бога необычным способом:

— Боже, Ты идешь во времени, которое возвращается на круги своя по восходящей спирали, Ты бесконечно далек и бесконечно близок, но я знаю, что глаза Твои следят за мной. Позволь мне понять Твои чувства. Спасибо за очередное шоу в этом удивительном бытии.

Краснобай, который в настоящих шоу мало что смыслил, спросил:

— Какое шоу мы увидим сегодня, шеф? — При этом он проявил настоящий энтузиазм, что случалось с ним по утрам крайне редко.

— Какое шоу? Шоу бывает каждый день, каждый день — это очередной спектакль. И не видит его только человек, который смертельно ранен скукой. Драма и комедия существуют в нашем сознании. Нужно лишь пробудить их.

Бартоломеу нужно было опохмелиться, чтобы избавиться от тоски, освободить организм от скуки. Сейчас и он, и мы с Димасом открывали для себя новый мир, новый театр. Учитель двинулся прочь, и мы пошли следом. Пройдя три квартала, мы свернули направо, потом прошли еще четыре квартала и свернули налево. Мы переглядывались, спрашивали друг друга, желая понять, куда он нас ведет.

Через сорок минут Димас, который еще не был удивлен до крайности и которому одних слов учителя еще не было достаточно, спросил:

— Куда идем?

Учитель остановился, пристально посмотрел на него и сказал:

— Торгующие мечтами подобны ветру: вы слышите свой голос, но не знаете, откуда он пришел и куда направляется. Важен не маршрут, важно движение вперед.

Димас почти ничего не понял, но задумался, дав работу своим покрывшимся ржавчиной мозгам. Мы же продолжили свой путь. Пятнадцать минут спустя учитель остановился, заметив большую толпу, и направился к ней. Мы замедлили движение, и он ушел от нас на несколько метров вперед. Димас посмотрел на меня и настороженно сказал:

— Это место — настоящая дыра. Никуда не годится.

— Согласен, — подтвердил я. — Думаю, что учитель не знает, куда идет.

Это было здание для ночных бдений у гроба умершего. Единственное место, куда незнакомцам путь заказан. Однако беспардонный Краснобай встал в позу и начал меня провоцировать:

— Суперэго, спуститесь с небес. Пойдем на бдение.

Очень хотелось дать ему по шее. Не знаю, то ли он заискивал перед учителем, то ли действовал по велению сердца. Но поскольку мы были рядом с местом для ночных бдений, требовавшим к себе уважительного отношения, от оплеухи я воздержался. Бдение протекало в атмосфере душевной боли. На этот раз люди собрались у гроба человека, умершего от чрезвычайно скоротечного рака и оставившего после себя единственного двенадцатилетнего сына. Траурный зал был оформлен очень пышно. Его украшали округлые арки, облицованные мрамором в виде арабесок. Помещение освещалось десятками люстр. Это место можно было бы назвать красивым, если бы не его печальное предназначение. Желая избежать скандала там, где царила тишина, мы еще больше замедлили наши шаги, в то время как учитель ушел далеко вперед. И мы оказались от него метрах в двенадцати. Оглянувшись, учитель понял наше беспокойство и вернулся к своим неуверенным ученикам.

— В каком уголке общенационального сумасшедшего дома спокойнее всего? Может, на форумах? Или в редакциях газет? Или на трибунах политиков? В университетах? — спросил он нас.

Мне хотелось заткнуть огромную пасть Краснобая, но я не успел.

— В пивнушках, шеф, — сказал Краснобай, но тут же поправился: — Шутка.

Ответа на вопрос учителя мы, конечно же, не знали.

— Это места для бдений у гроба покойного, — четко произнес он. — Они наиболее светлые и ясные. Здесь мы разоружаемся, отбрасываем в сторону тщеславие и чванство, снимаем макияж. В таком месте мы становимся теми, кем являемся на самом деле. Если бы этого не случилось, то мы оказались бы людьми еще более нездоровыми, чем можно предположить. Для меньшинства — людей наиболее близких — траурный зал становится местом скорби. У большинства — людей, не связанных с покойным узами родства и дружбы, — оно порождает размышления. И для тех, и для других это жестокая реальность. Мы молча склоняем головы у гроба не как доктора, интеллектуалы, политические лидеры или знаменитости, а как недолговечные смертные.

Эти слова заставили меня понять, что именно в траурных залах мы перестаем быть богами и вступаем в контакт с нашей человеческой сущью, оставляем в стороне наши глупости, начинаем чувствовать, что мы далеко не герои. В траурных залах мы, люди «нормальные», проводим сеанс социальной терапии, сами того не сознавая.

Одни говорят: «Бедняга! Умер таким молодым». Эти люди ставят себя на место умершего и начинают чувствовать некоторое сострадание по отношению к себе самим и считать, что надо меньше волноваться. Другие говорят: «Жизнь полна неожиданностей. Достаточно того, что жизнь кончается смертью». Эти понимают, что необходимо срочно расслабиться, остановить свой бег. А есть и такие, которые говорят: «Он так много боролся, а когда пришло время насладиться своими победами — умер!» Эти люди делают для себя открытие, заключающееся в том, что жизнь проходит, словно тень, что они понапрасну беспокоились обо всем и сколачивали состояния. А среди них есть и такие, которые этих состояний вообще не заслуживали, но вполне наслаждаются ими. Этим стоило бы в корне поменять нездоровый образ жизни.

Участники бдений отчаянно пытались обрести грезы, однако тяжелый каток системы давил их за считанные часы или дни. Все возвращалось к «нормальному» состоянию. Они не понимали, что мечты могли бы стать долговечными и пронзительными, если бы их

аккуратно ткали в потаенных уголках сознания, как ткут тонкое льняное полотно. Я, например, всегда увязал в отвратительной жижее своей незаменимости. Несчастья других были для меня лишь фильмом, художественным вымыслом, который настойчиво пытался пустить корни в моей психике, но психика оставалась для них неплодородной почвой.

Поговорив о спокойствии мест для ночных бдений, учитель добавил:

— Не ждите цветов там, где еще живы семена. Не тревожьтесь, пойдемте, — закончил он с улыбкой.

Для него эти слова рассеивали сомнения; для нас они вдвое умилили мучительное беспокойство, которое мы испытывали. Смерть — это нарушитель спокойствия, но не в меньшей степени это свойственно и самой жизни. Первая останавливает дыхание человека, вторая может просто взять и придушить его. Что он мог сказать там, где и мертвые, и живые молчат? О чем можно рассуждать в таком месте, где любые речи теряют смысл? Что мог он сказать в момент, когда люди не склонны слушать, а лишь хотят испытать фиал печали из-за постигшей их утраты? Какие слова пробудят их внимание? Тем более слова, произнесенные незнакомцем.

Мы понимали, что учитель не поведет себя среди собравшихся как подобный им. В этом и заключалась проблема. Мы знали, что он не будет отмалчиваться. А это была еще более серьезная проблема.

Торжественные почести

Меня подобное несчастье коснулось, когда умерла мать. Моих страданий не облегчали соболезнования и в еще меньшей степени — стандартные советы. Любые утешения лишь оставляли небольшие царапины на стальных прутьях, теснивших мою душу. Я предпочел бы молчаливые объятия или слезы людей, которые поплакали бы вместе со мной.

Учитель продвигался сквозь толпу, прося разрешения. Мы следовали за ним. Чем ближе к гробу стояли люди, тем сильнее они страдали. Наконец мы увидели в гробу мужчину примерно сорока лет. Волосы у него были черные, хотя и редкие, лицо — изнуренное болезнью.

Вдова была безутешна. Ближайшие друзья тоже вытирали слезы. Сын пребывал в отчаянии. Я увидел в нем себя и понимал его мучения лучше, чем мои спутники. Жизнь мальчика начиналась скверно, с большой потерей. Я плохо разбирался в жизни, а мой отец сам покончил со своей. Позже ушла в могилу и мать. Я жил в одиночестве, замкнувшись в своем полном сомнений мире, и на свои вопросы так и не нашел ответов. Мне казалось, что Бог не обращал на меня внимания. В отрочестве меня это печалило. В конце концов он превратился в некий мираж, и я стал атеистом. Мне впору бы бездельничать, но я превратился в специалиста по высказыванию пессимистических идей. Почувствовав возникшую пустоту в жизни мальчика, я не мог сдержать слез.

Учитель, заметив отчаяние паренька, обнял его, спросил, как его зовут и как звали отца. Потом, к нашему ужасу, он обвел взглядом собравшихся и серьезным тоном произнес несколько слов, заставивших их прислушаться, — слов, которые вполне могли бы спровоцировать беспорядок.

— Почему вы пребываете в таком отчаянии? Сеньор Марк Аврелий не мертв.

Мы с Бартоломеу и Димасом сразу же отошли подальше. Нам не хотелось, чтобы люди, собравшиеся у гроба, поняли, что мы — его ученики. Они отреагировали на дерзкую речь учителя по-разному.

Некоторые перестали плакать и настроились дать отпор, хотя и сдержанный. Одни изобразили на своих лицах улыбки, напоминающие улыбку безумца. Другим хотелось узнать, что будет дальше. Они решили, что имеют дело с эксцентричным духовным лидером, приглашенным на похороны. Третьим очень хотелось прогнать его прочь с церемонии и хорошенько наподдать за вмешательство в чужие дела и за неуважение к чувствам других. Среди этой группы оказались и люди, которые начали хватать его за руки, желая избежать скандала.

Но учитель был непреклонен и начал свою речь твердо и громко:

— Я не призываю вас смягчить свою боль, я призываю вас смягчить свое отчаяние. Я не ожидаю, что вы сдержите свои слезы, но ожидаю, что вы сдержите приступы печали. Тоска никогда не проходит, а вот отчаяние можно и нужно преодолеть, так как оно не делает чести усопшему.

Люди опустили руки и начали понимать, что странно одетый бородатый человек хотя и чудаковат, но далеко не глуп. Антонио, сын умершего, и София, его вдова, пристально посмотрели на учителя.

Вскоре учитель с выражением странного покоя на лице добавил:

— Марк Аврелий пережил в своей жизни удивительные моменты — он плакал, любил, восхищался, нес потери, одерживал победы. Вы стоите здесь и печалитесь по поводу его отсутствия, поддавшись чувству пустоты, потому что позволили ему умереть в единственном месте, в котором он должен был остаться жить. Среди вас.

Увидев, что люди заинтересовались еще больше, учитель вновь обратился к излюбленному методу Сократа, позволяющему проникать в суть явлений.

— Какие заметки оставил в ваших душах Марк Аврелий? Какое влияние он оказал на ваши жизненные пути? Какие слова и жесты отражали его интеллект? Этот безмолвный человек все еще кричит в тайниках ваших биографий?

Задав последовательно эти вопросы, продавец идей просветил всех, кто его слушал, включая и нас, следующих за ним. Нам в очередной раз стало стыдно за нашу бесчувственность и невежество. И наконец он задал вопрос, который потряс слушателей:

— Так как, этот человек жив или мертв в ваших сердцах?

Люди ответили, что жив. Учитель тут же сказал слова, которые вывели людей из отчаяния, ободрили их:

— Незадолго до смерти Иисуса женщина по имени Мария, любившая Его, подошла к Нему и возлила на Него самое дорогое миро, вылила все, что имела. Окропив Его этим благовонием, она тем самым хотела восхвалить Его за все — за то, что Он жил, и за то, что совершил. Иисус был взволнован, Он похвалил ее за столь великодушный поступок, в то время как ученики упрекнули женщину в том, что она попусту потратила драгоценное благовоние, которое следовало использовать для других целей. Осуждая учеников, Иисус сказал им, что готовит их к Своей смерти и что куда бы Его послание ни пришло, эти слова будут считаться вечным памятником Ему.

Люди внимательно слушали его речь. Те, кому не удалось ее расслышать, спрашивали, что он сказал, у тех, кто стоял поближе. Вскоре продавец грез закончил:

— Учитель Учителей хотел показать, что бдение может вызвать слезы, но прежде всего оно должно стать поводом для похвал и трогательных воспоминаний. Атмосфера траурных церемоний должна быть пропитана благовониями, почестями тому, кто ушел. Во время траурных церемоний следует вспомнить о делах усопшего, о том, как он решал свои проблемы, что говорил. О большинстве представителей рода человеческого обязательно можно что-то сказать. Пожалуйста, расскажите мне о делах этого человека! Поведайте о том, какое влияние он оказал на ваши жизни. Его молчание — это предложение заговорить нам.

Сначала люди только переглядывались между собой. Потом произошло нечто невообразимое. Многие вдруг стали описывать события, которые пережили вместе с покойным. Говорили о наказе, который он дал перед смертью. Некоторые рассказали о его благородстве. Другие — о его повышенной эмоциональности. Были и такие, которые вспомнили о его доброте и чувстве товарищества, о его верности.

Кое-кто похвалил его за способность бороться с трудностями. Люди, чувствовавшие себя более свободно, говорили о его манерах. Один из его друзей даже рассказал о том, что покойный очень любил природу. А другой произнес:

— Я никогда не видел человека более упрямого и настойчивого, чем он.

Люди, включая Антонио и вдову, смеялись в обстановке, в которой никто и никогда не улыбался, ибо все знали, что в действительности он был большим трусишкой.

— Но он научил меня, — продолжал друг, — что мы никогда не должны отречься от того, что любим.

Двадцать минут люди оказывали эти невероятные почести. Они не могли как следует описать пленительных эмоций, пережитых ими. Марк Аврелий был жив, по крайней мере, в сердцах тех людей, которые провели ночь у его гроба. В этот момент учитель посмотрел на нас, своих учеников, и то ли пошутил, то ли сказал правду. Не знаю.

— Когда я умру, не отчаивайтесь. Окажите мне почести. Расскажите о моих мечтах, расскажите о глупостях, которые я совершал.

Некоторые люди улыбались, глядя на странного и жизнерадостного человека, который вывел их из долины отчаяния и привел на безоблачную вершину спокойствия. Как ни странно, улыбался даже маленький Антонио. Вскоре в атмосфере, насыщенной благовониями торжественных почестей умершему, учитель продал еще одну мечту мальчику, потерявшему отца. Это был интереснейший социологический феномен. Я и подумать не мог, что когда-нибудь стану свидетелем подобного.

— Антонио, посмотри, как твоему отцу удалось стать таким блестящим человеком, несмотря на некоторые свойственные ему недостатки. Не сдерживай слез, плачь столько, сколько захочешь, но не оплакивай в отчаянии свою утрату. Наоборот, почитай его живого, как взрослый. Почитай его за то, как он боролся со своими страхами. Воздай ему должное за то, что он был добрым, творческим, эмоциональным, чистосердечным человеком. Будь благоразумным. Думаю, что если бы твой отец смог сейчас использовать мой голос для того, чтобы что-то сказать, он закричал бы, призывая тебя жить: «Сын мой, иди вперед! Не бойся отправляться в путь, бойся оставаться на месте!»

Антонио совершенно успокоился. Было сказано именно то, что он должен был услышать. И пусть он много плакал и тоска разрывала ему грудь, но в этой тоске не было траурных нот, и он знал, где нужно поставить запятые в своей жизни, столкнувшись с одиночеством, когда тоска пройдет. Его жизнь отныне пойдет другими путями.

Продавец грез готовился уйти, но успел до этого еще раз ошарашить собравшихся своими вопросами — теми самыми, которыми ошеломил меня на крыше «Сан-Пабло».

— Являемся ли мы живыми атомами, которые распадаются и никогда уже не станут тем, чем мы были? Что есть бытие и что есть небытие? Какому смертному это известно? Кто глубоко исследовал атрибуты смерти, дабы познать ее суть? Смерть — это конец или начало?

Восхищенные люди обратились ко мне: «Что это за человек? Откуда он взялся?» Но что я мог им ответить? Я тоже ничего не знал. Потом они обратились к Бартоломеу и, к сожалению, задали те же самые вопросы. Краснобаю очень нравилось разглагольствовать о том, чего он не знает, и, выпятив грудь вперед, он отвечал:

— Кто такой мой шеф? Он из другого мира. И, если уж говорить начистоту, я его помощник по международным делам.

Димас, новый человек в группе, ошеломленный всем тем, что услышал, ответил честно:

— Я не знаю, кто он такой. Знаю только, что одевается он как нищий, но производит впечатление человека очень богатого, у которого денег куры не клюют.

София, мать Антонио, преисполненная, как и я, благодарности, прямо-таки разрывалась от любопытства. А когда она увидела, что он повернулся и намеревается уходить, не собираясь больше ничего говорить, спросила:

— Кто вы такой, сеньор? Какую религию исповедуете? Какое философское течение вас питает?

Он спокойно посмотрел на нее и, ответил:

— Я не религиозен, не являюсь ни теологом, ни философом. Я путник, который старается понять людей. Я странник, который в свое время посчитал, что Бог и в подметки мне не годится, но потом, побывав в огромной пустоте, обнаружил, что Он суть светильник бытия.

Услышав это, я в очередной раз задумался. Я не знал, что учитель был, подобно мне, атеистом. Его отношение к Богу меня крайне беспокоило. Оно не было отношением религиозным, формальным, испуганным, но несло в себе заряд непостижимой дружбы. Так кто же он, в конце концов? В какой пустоте он побывал? Плакал ли он

больше, чем люди, собравшиеся на бдение, все вместе взятые? Где жил? Где родился? Не успели в глубине моего сознания возникнуть очередные вопросы, как он пошел прочь. София протянула ему обе руки и поблагодарила, не произнося ни слова. Антонио не сдержался. Он обнял учителя и долго не отпускал, чем тронул всех присутствующих.

— Где я могу встретить вас снова? Где вы живете? — спросил он.

— Мой дом — весь мир, — ответил учитель, — ты можешь встретить меня на одной из дорог бытия.

И он ушел, оставив чрезвычайно удивленных им людей. Мы же с друзьями просто лишились дара речи. Он нас пленил и успокоил, по крайней мере, на время. Мы начали верить в то, что есть смысл за ним идти, не зная при этом, какие еще бури нам придется перенести.

Мы медленно прошли сквозь толпу. Людям хотелось познакомиться с учителем, поговорить с ним, рассказать кое-что о своей жизни, но он проходил мимо, как простой прохожий. Ему не нравилось, когда к нему приставали.

Мы начинали чувствовать себя важными персонами. Димас и Бартоломеу, которые всегда были маргиналами, принялись раздувать собственное «Я». Их поразили вирус, который мне был очень хорошо известен.

Чудотворец, влюбленный в собственное «Я»

День можно было бы назвать удачным, если не считать еще одной неожиданности, обрушившейся на нас. Центральная часть помещения для ночных бдений была огромной. Она состояла из нескольких больших траурных залов, расположенных так, чтобы люди могли бдеть одновременно у разных покойников. Когда мы вышли из траурного зала, где прощались с сеньором Марком Аврелием, нам пришлось пройти еще через один зал, в котором стоял гроб некой сеньоры семидесяти пяти лет.

Учитель, вместо того чтобы идти своей дорогой, обратил внимание на незнакомца, только что прошедшего мимо. Мужчина был молод, лет тридцати от роду, волосы — курчавые, короткие, костюм — цвета морской волны, сорочка — белая. Субъект был хорошо сложен, величав и импозантен. Продавец идей осторожно последовал за ним.

Величавый субъект уверенно подошел к гробу сеньоры. Это был хищник. Он производил впечатление человека вполне благонадежного, по крайней мере, с моей точки зрения, хотя и не казался таким продавцу грез. Мужчина встал в ногах усопшей и жестом продемонстрировал свое уважение. Стало постепенно открываться его подлинное лицо. Его истинные намерения нас поразили.

Звали молодого человека Эдсон, прозвище у него было Чудотворец. Прозвище Эдсона в точности соответствовало его стремлению творить чудеса. Он и правда хотел помогать другим, но при этом всегда испытывал иное подспудное влечение — ему очень нравилась самореклама. Эдсон не был официальным духовником, наделенным полномочиями произносить слова утешения на похоронах. Он явился сюда, преследуя собственные цели.

Каким бы невероятным это ни казалось, но Чудотворец намеревался воскресить старушку. Он собирался поставить блестящий спектакль — такой, чтобы все зрители встали перед ним на колени. Чудотворец страстно желал пробудить сеньору от вечного сна, дабы прослыть человеком, обладающим сверхъестественным даром. Как и Калигула, который желал, чтобы его считали богом, и использовал для

достижения этой цели свою власть, Эдсон использовал библейские тексты и власть, которой, по его мнению, он располагал, чтобы прослыть полубогом, хотя и никогда не признавался в этом.

Будучи социологом, я давно понял, что ни одна власть не является такой всемогущей, как власть религиозных убеждений. Диктаторы, политики, интеллектуалы и психологи не способны так проникать в человеческую душу, как это удается отдельным духовным лидерам. Будучи представителями божества, эти люди могут завоевать среди малосознательных людей, их окружающих, статус, который и не снился таким деятелям, как Наполеон, Гитлер, Кеннеди, Фрейд, Карл Маркс, Макс Вебер и Эйнштейн.

На нашем долгом пути учитель предупреждал нас о том, что духовные лидеры, представляющие Бога-альтруиста, проникнутого солидарностью и доброго, приносят обществу пользу. Те же, кто представляет Бога, несущего деспотию, нетерпимость, половое воздержание, иными словами, Бога, созданного по их собственному образу и подобию, приносят беды, душат свободу и берут людей под свой контроль. Учитель постоянно предупреждал нас, что, опираясь на наше воображение, зачастую весьма буйное, очень легко построить Бога в нашей собственной психике, Бога-манипулятора. Похоже, ему хотелось сделать нам предохранительную прививку, очеловечить нас.

Субъект, которого мы встретили в траурном зале, имел ряд намерений. В какие-то моменты ему хотелось сделать людям добро. В этом случае он оставался искренним и повышенно эмоциональным. Иногда его терзали приступы высокомерия. Возникало страстное желание, чтобы его, словно Бога, покрыли неувядаемой славой.

Наш дежурный Чудотворец был амбициозен, но дураком он не был. Он собирался поставить спектакль, а не вызвать скандал. Он хотел воскресить старушку, но стремился перестраховаться на случай провала. Его мозг переполняли сомнения. «А что, если старуха не воскреснет? А что, если ей будет трудно встать, и она так и останется лежать? Моя репутация полетит ко всем чертям».

Учитель следил за ним, словно леопард за добычей. Мы знали, что ему доставляет удовольствие общение с самыми сложными людьми, но не понимали, что он задумал в этом конкретном случае. Понемногу мы начали догадываться, что за спектакль собирался поставить специалист по чудесам.

Воздав почести, Чудотворец приблизился к умершей и сказал ей почти неслышным шепотом:

— Воскресни!

Столь тихим призывом он обезопасил себя на тот случай, если мертвая не поверит в его силу.

Старушка признаков жизни не подавала. Чудотворец повторил настойчивый негромкий призыв:

— Воскресни!

Если бы сеньора сделала хоть какое-то движение, Эдсон повысил бы голос, демонстрируя тем самым, что он совершил нечто из ряда вон выходящее. Это был бы день его славы. Тысячи людей, жаждущих увидеть сверхчеловеческие подвиги, последовали бы за ним.

Но ничего не произошло. Покойная оставалась неподвижной. Мы с Бартоломеу и Димасом такими жаждущими не были, и нас до глубины души возмутило жульничество Чудотворца. Ну что за бесстыжая рожа, думали мы.

Нахал не сдавался. Он набрал в легкие воздуха и более твердым голосом процедил сквозь зубы, чтобы никто его как следует не понял:

— Воскресай, женщина, я тебе приказываю!

В этот момент произошло что-то невообразимое. Женщина пошевелилась, но по иной причине. Дело в том, что появился мужчина, перебравший алкоголя, как Бартоломеу в день нашего знакомства. Чудотворец, думающий только о своем «я» и целиком сосредоточившийся на движениях сеньоры, не заметил приближения этого представителя рода человеческого.

Заплетающимся шагом старик подошел к изголовью гроба со стороны, противоположной той, где стоял Чудотворец, и, не имея другой опоры, ухватился за гроб, качнув его при этом, отчего тело умершей зашевелилось, а руки, сложенные на груди, изменили положение.

Эмоции переполнили Чудотворца. Он решил, что наступил его великий день. Придя в сильное возбуждение и практически впад в экстаз, Чудотворец подумал, что его сверхчеловеческие силы наконец дали о себе знать. А для того чтобы все поняли, что это он совершил чудо, Эдсон поднял голос до крика и провозгласил во всеуслышание:

— Воскресни, женщина! Я тебе приказываю!

Теперь люди его слышали, и вопль Чудотворца их напугал. От сеньоры он ожидал, что она сядет в гробу, а от собравшихся вокруг людей — почтительного благоговения перед его могуществом. Однако старушка не подавала больше никаких признаков жизни.

Потрясенный Чудотворец подумал: «Чтобы гроб опять закачался, нужно еще немного веры». На этот раз он отдал приказ бездыханному телу, осторожно поглядывая в сторону собравшихся.

— Вставай, женщина! — умолял он, обращаясь к трупу, который никак не реагировал на его призыв.

Поскольку женщина оставалась неподвижной, ноги у Чудотворца начали подкашиваться, на лице выступил холодный пот, во рту появилась сухость, а сердце учащенно забилося, и кружилась голова. Тут он заметил пьяного, который пытался удержаться на ногах, хватаясь за гроб, и до его сознания наконец дошло, что он совершил самую грубую ошибку в своей жизни. Чудотворец почувствовал, что становится легкой добычей для хищников. Но этот субъект был беспредельно находчив. Ловкий жулик совершил нечто большее, чем чудо. Он снова повысил голос и твердо сказал:

— Женщина, раз ты не хочешь вставать и жить в этом поганом мире, спи спокойно!

— Аминь! — подхватили многие «нормальные» люди.

Чудотворец вынул носовой платок, «поплакал» и добавил:

— Бедняжка! Она была такой милой женщиной!

Сложный случай

Сразу бросалось в глаза, что в этом случае, как и во многих других, Чудотворец применял находчивость для того, чтобы воспользоваться человеческой наивностью. Люди «нормальные» весьма склонны слушать лидеров, не подвергая сомнению то, что они говорят. Так было и со мной. Оценив по достоинству поведение Чудотворца, я посмотрел на Димаса и подумал: «Даже Руке Ангела такое не под силу». А Рука Ангела, в свою очередь, зная от Бартоломеу кое-что о моем характере, думал: «Даже этот нахальный интеллектual не смог бы так манипулировать другими людьми». Бартоломеу, наиболее честный из нас, озвучил наши мысли:

— Такие галлюцинации, как у этой морды, у меня возникали только после второй бутылки водки.

Вскоре после того как мы оценили Чудотворца подобным образом, нас бросило в дрожь. Мы посмотрели друг на друга, думая об одном: «Почему учитель так пристально смотрит на этого типа? Он что, собирается пригласить его в нашу команду?» Эта мысль так нас беспокоила, что мы одновременно произнесли одни и те же слова:

— Все, я ухожу!

Некоторое время мы удрученно наблюдали за действиями учителя. Мы надеялись, что он отвернется от Эдсона, но он приближался к человеку, который так некстати попал в поле его зрения. У нас забились сердца. Чудотворец встретил взгляд учителя и, на радость группе, ничего не сказал, а лишь неодобрительно покачал головой.

Продавец грез признавал, что не раз совершал ошибки, но никогда не признавался в том, что требовал от кого-то беспрекословного подчинения. Свобода выбора не должна ничем ограничиваться. Основным в его критике нынешней социальной системы было то, что он ловко торговал несуществующей свободой, свободой, которая в демократиях числилась лишь на бумаге, а для простых людей была вообще недостижима. Это было общество рабов, закованных в цепи собственных тяжких раздумий и тревог.

Не выставляя напоказ недостатки Чудотворца, учитель осудил его, высказал две мысли и сделал два шокирующих вывода:

— Чудеса не убеждают. Если бы они убеждали, то Иуда не предал бы Иисуса. Чудеса могут менять тело, но они не изменяют душу. Если бы это было возможно, то Иисус не позволил бы Петру отречься от него.

Эдсон молчал. Он не знал, что ответить, ибо никогда об этом не думал. И тогда, словно разрыв бомбы, прозвучал вывод, который поразил меня как преподавателя. Учитель сказал:

— Человек, за которым ты, по твоим словам, следуешь, никогда не пользовался властью для того, чтобы контролировать людей. Человек из Назарета никогда не использовал свою власть для того, чтобы искушать слушателей и завоевывать последователей. Поэтому, вопреки правилам политического маркетинга, он говорил тем, кому помогал: не полагайтесь ни на кого! Если бы за ним следовали только по причине спонтанного умопомешательства, связанного с непостижимой любовью, он не хотел бы иметь последователей, поскольку ему не были нужны рабы, ему были нужны друзья.

Эти слова побудили меня сделать мысленный экскурс в историю. Вспомнилось, что европейцы в былые времена совершали во имя Христа жесточайшие зверства: убивали, пытали, вели захватнические войны, порабощали, ранили и отстраняли. Затапывали в грязь любовь человека, который ни над кем не властвовал, не позволял себе иметь рабов. Это были времена адских войн, миллионов убитых, и все это во имя человека, которого они сами же и выдумали. Это были времена затаенной злобы и вражды по отношению к мусульманам, вражды, которая по сей день, как это ни печально, не утихает. Идя за учителем, я начинал понимать, что не являюсь убежденным атеистом, как мне это казалось. Просто где-то в глубине моей души кипела злость к бесчеловечной религиозности.

Чудотворец оставался невозмутим. Ему никто и никогда не возражал, не критикуя при этом. После этого короткого диалога учитель удалился, оставив зрителей в недоумении. Мы на время успокоились. Надолго ли? Этого мы не знали.

На другой день в газете «Информасао Уржентия» вышла статья под следующим заголовком: «Неизвестный превращает помещение для траурных церемоний в сад». На первой странице одного из журналов

была размещена фотография, сделанная скрытой камерой в тот момент, когда мы выходили из помещения. Репортаж не носил клеветнического характера, а лишь перечислял факты, представлявшие интерес. В нем говорилось, что неизвестный решительный мужчина пожелал изменить атмосферу траурных церемоний, превратить их из традиционных мест скорби в место воздания почестей.

Журналист взял интервью у людей, слышавших незнакомца. Некоторые из них сообщили, что послали своим близким письма с просьбой, чтобы те не устраивали для них похоронных процессий в духе скорби о потере, а рассказывали бы о делах усопшего. Вспоминали бы о его любви, о том, что и как он говорил, о чем мечтал, о его друзьях, равно как и о глупостях, которые он совершал. Эти люди хотели, чтобы в месте скорби царил атмосфера радости, которая определяла бы настроение тех, кто с ними прощается.

В материале отмечалось также, что неизвестный — это тот же самый человек, который устроил беспорядок у здания «Сан-Пабло». Статья заканчивалась двумя вопросами: «Кто появился в городе — самый закоренелый атеист или носитель непостижимой духовности? Кто пришел — пророк современного мира или душевнобольной?»

Утром следующего дня, проснувшись, мы увидели, что учитель разговаривает сам с собой. Это был второй односторонний диалог, которому мы стали свидетелями. По его жестике можно было подумать, что он либо галлюцинирует, либо подвергает сомнению собственные доводы. Десять минут спустя он подошел к нам с видом человека, снявшего напряжение. Нам показалось, что он очистил свою душу от мусора, который изо дня в день собирался в ней.

День выдался пасмурным, в любую минуту мог пойти сильный дождь. Часто сверкали молнии. Димас, не боявшийся ни полиции, ни краткосрочного ареста, испытывал настоящий ужас перед громом. Мы шли по длинному проспекту, когда раздался первый раскат, потрясший этого пройдоху.

Пытаясь успокоить его, я объяснил: если мы слышим раскаты грома, то это значит, что опасность миновала и молния уже пробилла облака. Однако человеческий ум часто строит своему хозяину разного рода козни. Димас понял мои слова, но его алогичные эмоции не унимались. Я не мог порицать его, поскольку сам мало чем от него отличался. Я постоянно оценивал логику научных доводов, но так и не

перестал мучительно переживать то, что уже не существует, — мое прошлое. Оно преследовало меня.

Дождь не заставил себя ждать. Мы быстро нашли укрытие в огромном коммерческом центре, в вестибюле которого размещался большой универсальный магазин. Раздался мощный грохот. Димас спрятался под первый попавшийся стол. Он был похож на маленького ребенка, перед которым внезапно появилось привидение. Я подумал: «А ведь учитель прав. Героев не бывает. Для любого гиганта найдется препятствие, которое превратит его в беспомощного ребенка. Нужно только подождать».

Грохот был вызван очень мощным ударом молнии. Громоотвод коммерческого центра не выдержал перегрузки. В магазине находились два маляра, которые обновляли краску на стенах и других поверхностях. Это были двоюродные братья. Один из них, заикавшийся сильнее Димаса, красил стены. Когда он нервничал, аппарат голосообразования у него блокировался и он вообще не мог произнести ни слова. Второй кузен стоял на верхних ступеньках двухметровой лестницы и, весело насвистывая, подкрашивал железные рамы окон.

Внезапно ударившая молния прошла по стенам и скользнула по оконным рамам, угодив при этом в маляра, обновлявшего краску на них. Грохот был оглушительным. Маляр упал со стремянки на пол и бился в судорогах от боли. Перепуганный кузен бросился ему на помощь. Мы попытались подойти поближе. Однако еще до этого в магазине появился некто, имевший самодовольный вид героя, желающего непременно оказать помощь пострадавшему. Не знаю, откуда он взялся, но нам показалось, что мы его уже где-то видели. Это был Чудотворец, с которым мы встретились накануне. Эдсон увидел лежащего на полу маляра, стонавшего от боли и обеими руками державшегося за правую щиколотку. Чудотворец быстро сообразил, что нога рабочего повреждена, и тут же решил, что это было результатом электрического разряда. Не теряя времени, он сказал маляру, помогавшему раненому кузену:

— Оставьте его, я им займусь. Я в таких делах специалист.

После чего Чудотворец подошел к раненому и попробовал выпрямить ногу, но безуспешно. Затем он сел ему на ногу выше стопы

и принялся выкрикивать команды, пытаясь пробудить свои сверхъестественные способности:

— Приведи себя в порядок! Выпрямься! Вытяни свои кости в одну линию!

Однако щиколотка не выпрямлялась. Измученный болью маляр застонал еще громче. Чудотворец удвоил усилия. Он просто не мог не использовать столь удобный шанс. «Не может быть, чтобы Бог так плохо ко мне относился», — должно быть, подумал он. Маляр уже кричал от боли. Партер все больше наполнялся зрителями, что возбуждало Чудотворца, этого доброго самаритянина, и подталкивало к демонстрации своих сверхъестественных способностей.

Многие из тех, кто следил за Чудотворцем, с энтузиазмом продолжавшим свои манипуляции, подумали, что он был врачом, оказывавшим помощь бедняге маляру. Заика-кузен издавал нечленораздельные звуки, желая что-то сказать Эдсону, но тому казалось, что отчаяние кузена лишь мешает ему сосредоточиться. Наконец, потеряв терпение, он заявил тому маляру, который не пострадал:

— Успокойтесь! Я выправлю ногу этому человеку!

И выпрямил-таки. Две долгих минуты спустя Чудотворец выполнил свою миссию и, вытирая пот с лица, обратился к зрителям:

— Щиколотка снова в порядке.

Но боль у несчастного все нарастала. Маляр посмотрел на свою щиколотку и пришел в еще большее отчаяние. Мы решили, что он до сих пор пребывает в состоянии шока.

Когда раздались первые аплодисменты зрителей, поздравлявших Эдсона со спасением пострадавшего, у маляра-заики наконец заработали голосовые связки.

— Негодяй! Собака! Мясник! — кричал он, пытаясь дать Чудотворцу пощечину.

Никто не мог ничего понять, в том числе и мой учитель. Маляр-заика проявлял черную неблагодарность. Но тот вскоре пояснил, заикаясь:

— Мой кузен — калека... Все тридцать лет своей жизни он страдает от дефекта щиколотки, но никогда не пытался исправить его, потому что боялся хирургического вмешательства. А теперь является этот подонок и ликвидирует дефект... и без анестезии!

Зрители соболезновали маляру. Всего несколько секунд назад они рукоплескали Чудотворцу, а теперь их настроение изменилось — им хотелось надавать шарлатану оплеух, совершив тем самым то, чего не удалось сделать зайке, но их остановил учитель. Задав один из своих сакраментальных вопросов, он сдержал порыв зрителей, чем спас от избиения человека, так любившего власть.

— Подождите! Почему вам хочется нанести ему увечье? Что важнее — дела или намерения?

У погрузившихся в собственные мысли зрителей поубавилось эмоций, и они начали понемногу расходиться. Тогда, немного смущаясь, заговорил Бартоломеу:

— Шеф, поясни свою мысль, please!

Нашему недавно «завязавшему» пьянице, хотя и не застрахованному от рецидива, был не чужд некоторый снобизм, и он иногда вставлял в свою речь английские слова. Учитель спокойно пояснил ему в присутствии Чудотворца:

— Видимые поступки человека могут быть достойны осуждения, его истинные дела можно порицать, но что нуждается в анализе, так это его истинные намерения.

Эдсон впервые совершил «чудо», И его чуть было не линчевали. Мы еще раз осудили его деятельность и обратили внимание на реакцию других людей. Ни мы, ни учитель не заметили в его поступках никаких признаков альтруизма. Нам хотелось, чтобы он был как можно дальше от нашей группы. Но не дав нам ни секунды на раздумья, учитель сделал то, чего мы больше всего боялись. Он посмотрел на Чудотворца и просто сказал ему:

— Пойдемте, следуйте за мной, и я покажу вам такие чудеса, о которых вы и не слышали, такие, которые могут пролить некоторый свет на удушливую социальную систему, в которой мы живем.

Услышав это приглашение, я и два моих друга обнялись. Некоторым показалось, что мы были очарованы, но мы были разочарованы. Ах, как же легко подхватить вирус предубеждения! У нас образовалась небольшая компания. Мы приняли в нее мошенников, пьяниц и высокомерных до безумия людей, но мы подвергали дискриминации людей религиозных, а тем более — чудотворцев. Нам пришлось согласиться с желанием учителя, призвав

на помощь изрядную долю терпения и стиснув зубы. Наша группа стала выглядеть так, как нам не хотелось бы.

Эдсон принял приглашение с великим энтузиазмом. Смысла приглашения он не понял, но догадывался, что человек, позвавший его, хоть и эксцентричен, обладает огромным даром убеждения. «Если мне удастся перенять его ораторское искусство, то я сумею превзойти его», — думал Эдсон. Ему и невдомек было, на борт какого судна он вступает. Он и представить себе не мог, что ему придется пройти через мучительную абстиненцию, ему — страдающему патологическим властолюбием. В глубине души он был порочен, так же как Краснобай из-за влечения к алкоголю, я — из-за своего эгоцентризма, а Рука Ангела — из-за приверженности к мошенничеству. Все мы были зависимы от какого-то наркотика.

Одержимый

Мы не были учредителями какой-то секты, фракции или политической партии. Не были членами какого-либо фонда или официальной организации. На нас не распространялось социальное обеспечение, мы не знали, где будем сегодня спать или что будем есть. Мы зависели от нерегулярных пожертвований некоторых людей и иногда принимали ванны в общежитиях. Мы представляли собой группу мечтателей, желающих изменить мир, по крайней мере, наш. У нас пока не было никакой гарантии того, что мы сможем изменить хоть что-нибудь или хотя бы наделать побольше шума. Однако я начинал считать, что жизнь прекрасна, а социологический эксперимент вполне приемлем, пусть и непредсказуем.

Некоторые люди стали узнавать учителя по материалам, которые появлялись в средствах массовой информации. Эти люди останавливали учителя, чувствуя необходимость поведать ему о своих проблемах. Он с удовольствием выслушивал их. Через несколько минут или часов он предлагал им сделать выбор и понять, что любой выбор несет с собой не только выигрыши, но и разочарования.

Понемногу количество учеников росло. Любой новый человек был более интересным, чем предыдущий. Ласточки учились танцевать в системе, которой очень хотелось бы подрезать им крылья. Однако мы привыкли не строить больших планов на будущее. Будущее нам не принадлежало. Жизнь была праздником, хотя вино имеет свойство заканчиваться.

Мы научились целовать пожилых людей и чувствовать при этом отметины прожитых лет. Научились уделять внимание детям и радоваться их простодушию, Мы научились разговаривать с нищими и путешествовать по их невообразимым мирам. Падре, монахи, пастыри, мусульмане, буддисты, самоубийцы, люди, подверженные депрессии, навязчивым страхам... Вокруг нас было так много красивых и интересных людей, но все они являлись лишь фактами социологической статистики.

Во мне стала просыпаться восприимчивость, которая никогда раньше не проявлялась; и хотя мой эгоизм дремал, мертвым он отнюдь

не был. Я вспомнил фильмы-боевики типа «ЭКШН», которые видел. В них от рук полицейских постоянно умирали многочисленные жалкие, безымянные фигуранты. При этом мы никогда не задумывались над реальными жизнями этих безымянных людей, обитавших в собственном непознаваемом мире с его страхами и любовью, отвагой и трусостью. Для учителя в реальном обществе безымянных фигурантов не было. Он превозносил несчастных, хотел, чтобы они стали его близкими друзьями. Жившие на самом краю системы получали известность.

Когда я думал, что моя восприимчивость дошла до своего пика, в моей жизни появился один такой «фигурант», и стало понятно, что эта восприимчивость находится на начальном этапе развития и требует огромных душевных сил. Мы находились на проспекте Президента Кеннеди, когда увидели молодого темнокожего человека немногим старше двадцати лет, ростом примерно один метр восемьдесят сантиметров, с курчавыми волосами. Звали его Соломон Саллес. Его поведение было странным, вызывавшим интерес даже у детей. Например, он имел привычку возбужденно вертеть шеей, двигая трапециевидные мышцы то влево, то вверх, часто моргал, а перед тем как войти в дверь, юноша трижды подпрыгивал, ибо ему казалось, что если он этого не сделает, то обязательно умрет кто-то из его родных. У него была тяжелая форма невроза навязчивых состояний.

Среди всех этих причудливых ритуалов самым забавным и странным был поиск выбоин, бугорков, ямок на стенах, на земле, на предметах мебели, в которые Соломону очень хотелось сунуть указательный палец правой руки. Как раз в тот момент, когда мы за ним наблюдали, он сидел на корточках и совал палец в различные отверстия на тротуаре.

Прохожие над ним потешались. Честно говоря, мы тоже не удержались. Мы пытались скрыть наши улыбки, решив, что встретили человека, страдавшего еще большим расстройством, чем мы сами. Однако учителю наше отношение не понравилось. Обернувшись к нам, он спросил:

— Этот молодой человек слабее или сильнее нас? Какую цену он платит за исполнение своих ритуалов на публике? Он слаб или обладает исключительной храбростью? Не знаю, как по сравнению с вами, но по сравнению со мной он сильнее.

Мы промолчали, а он продолжал:

— Сколько раз, по вашему мнению, этот юноша сидел в центре окружности, которую не строил, подобно тому, как он делает это сейчас? Сколько бессонных ночей он провел, думая о насмешках прохожих? В каких только ситуациях он не попадал в плен бесчеловечной предвзятости? — И для того, чтобы мы еще лучше почувствовали зловоние нашей дискриминации, заключил: — Порицание ранит человека, предвзятость его уничтожает.

Каждый раз, когда учитель анализировал состояние души других людей, он снимал с нас все одежды и оставлял голыми. Я обнаружил, что даже такие люди, как я, которые всегда защищали права человека, в целом ряде областей являются чрезвычайно предвзятыми, хотя это их качество проявляется весьма незаметно — в виде затаенной улыбки или показного безразличия. Мы хуже вампиров. Мы убиваем, не высасывая кровь.

— Если вы хотите продавать мечты о солидарности, вам предстоит научиться заставлять плакать людей, которые никогда не плакали, не озвучивали своих тревог, черты лица которых никогда не искажал страх. Те, кому не удастся развить в себе эти качества, обретут признаки психопатии, даже если будут жить в атмосфере храмов науки, предпринимательства, политики и религии. Они будут давить, ранить, душить, не чувствуя боли других. Не принадлежите ли вы к этому типу людей? — спросил он.

Я попытался сделать глубокий вдох, чтобы мой мозг как следует насытился кислородом. Нет ли у меня признаков психопатии? Типичные психопаты легко узнаваемы, но те из них, признаки психопатии которых едва заметны, способны маскировать свою бесчувственность, в том числе и с помощью своих ученых титулов, своей этики или своей духовности. Я ее маскировал.

Я никогда не спрашивал у сына, каковы его страхи или наиболее бесспорные разочарования, а лишь устанавливал правила, указывал на недостатки, но никогда не продавал мечты о том, что я человеческое существо, которое хочет узнать его поближе и которому нужно, чтобы он любил своего отца. У меня никогда не было такого студента, который захотел бы рассказать мне о своей печали, раздражении или безразличии. Я никогда не подставлял коллеге-преподавателю плечо, на котором он мог бы выплакаться. Другие преподаватели для меня

были техническими исполнителями, но не людьми. Они получали больничные листы, я — никогда. Мой инертный образ жизни вернулся ко мне, словно бумеранг.

Когда я задумался над тем, чтобы покончить с собой, чаша моих эмоций для коллег и студентов оказалась невидимой. Интеллектуал, подобный мне, не имел права кричать о своей душевной боли. Депрессия с точки зрения таких интеллектуалов была принадлежностью людей слабых. Никто не заметил печали, которая как бы тихой сапой прокралась на мое лицо. То ли они были слепыми, то ли я не умел демонстрировать своих сантиментов? Не знаю.

Как нас всегда предупреждал учитель, никто не является злодеем на все сто процентов, и никто — на все сто процентов жертвой. Я был бесчувственным, и меня окружали люди с явно пониженным уровнем чувствительности. Я не нуждался ни в аплодисментах, ни в похвалах ученого мира, ни в поздравлениях, мне нужно было всего лишь плечо, на котором я мог бы выплакаться, лишь бы чувствовать присутствие рядом со мной людей, которые могли бы сказать мне: «Я здесь. Можешь на меня рассчитывать».

Когда учитель пригласил нас увидеть смелость и величие юноши с неврозом навязчивых состояний, он фактически бросил нам вызов.

— Вы готовы продать мечты этому юноше? — спросил он и замолчал, ожидая нашего ответа.

Мы словно онемели. После нескольких секунд, длившихся бесконечно долго, ощущая комок в горле, мы совершенно растерялись. Это была странная реакция со стороны людей, считавших себя очень опытными. Мы не знали, что сказать. Не знали, что он о нас подумает. В какой-то момент мы посчитали, что он сошел с ума. Потом мы боялись, что он подумает, что с ума сошли мы. Не безумство ли это? Мы балансировали на самом краю пропасти много раз.

Учитель все еще молчал. Его молчание беспокоило нас. Мы умели смеяться над неудачами других, но не умели устранять эти неудачи. Мы были людьми творческими в деструктивном плане, но отнюдь не были творцами в плане конструктивном. Если бы кто-нибудь попросил Чудотворца произнести длинную высокопарную молитву во здравие юноши, он сделал бы это без труда, однако просьба продать юноше мечту и с места его не сдвинула бы. Если бы Бартоломеу был пьян и кто-то предложил бы ему подружиться с незнакомцем, он принял бы

это вполне спокойно, но если бы он был трезв, то наверняка посчитал бы эту задачу крайне сложной. Если бы Руку Ангела попросили стащить у этого юноши бумажник, а потом вернуть его владельцу, чтобы привести его в восхищение, то никаких трудностей не возникло бы. Однако задача привести его в восторг своими словами была практически невыполнимой.

Если бы меня попросили провести с юношей занятие, чтобы показать ему свою образованность, я легко бы с этим справился. Но завоевать уважение подобного незнакомца, не прибегая к могуществу информации, я не мог ни при каких обстоятельствах. Я умел обращаться к большим аудиториям, но не знал, как очаровать человека своим обаянием.

Я был обучен говорить о Канте, Гегеле, Огюсте Конте, Марксе, но не был обучен говорить о себе самом. Система вытравила из нас все человеческое. А я эту систему питал.

Поскольку не существовало инструкций о том, как продавать мечты одержимому, а учитель отказался давать какие-либо наставления, мы оставались в растерянности. Я, как самый образованный в группе, был более скован, чем другие. Краснобай, сильнее других потрепанный жизнью, тоже присел на корточки и начал совать пальцы во всякие дыры в поисках первого контакта. Юноша, поглядев на него, улыбнулся. Бартоломеу почувствовал себя дураком, а юноша между тем продолжал исполнять свой ритуал.

Эдсон не выдержал, отвернулся и закрыл руками рот, прилагая огромные усилия, чтобы не разразиться хохотом. Вдруг одержимый поднялся и увидел отверстие в правой ушной раковине Чудотворца. В страстном порыве юноша вставил палец ему в ухо. Реакция Чудотворца была мгновенной.

— Изыди, сатана! Это тело тебе не принадлежит! — пронзительно закричал он.

Его слова удивили Соломона. Слишком велика была бестактность. Одумавшись, Чудотворец положил руки ему на голову, и стало понятно, что он в очередной раз демонстрирует свой насквозь фальшивый уход в сферу сверхъестественного. Однако сейчас он зашел слишком далеко. Ему хотелось изгнать из юноши психическое расстройство, имевшее отношение к подсознанию и к церебральному метаболизму.

Придя в замешательство, Соломон с чувством обратился к безучастным свидетелям:

— Меня уже называли безумным, психопатом, безрассудным, умалишенным, сумасшедшим, шалым, чокнутым, но одержимым бесом — впервые.

Поняв, что он нанес юноше самое страшное оскорбление, и признавшись себе, что в глубине души он не приемлет людей, чем-то отличающихся от него, а также в том, что он продавал одни кошмары, а не мечты, Эдсон посмотрел на юношу и произнес четко и внятно:

— Извините меня. Правда, извините меня. Я был крайне бестактен, несправедлив, глуп и легкомыслен. Думаю, что вы значительно сильнее меня. Вы переносите публичные издевки, в то время как я срываю аплодисменты.

Нас глубоко тронули честные и смелые слова Эдсона. Он наконец научился творить самое сложное чудо — чудо человечности. Я, как и он, никогда не просил извинений у кого бы то ни было. Мы были маленькими божками, я — в храме познания, он — в храме духовности. Мы начинали понимать, что обретаем силу, становясь слабыми.

С этого момента мы раскрепостились, представились юноше и начали переворачивать страницы его жизни. Он пытался освоить курс психиатрии, но был вынужден отказаться от этой мечты, ибо преподаватели сказали, что одержимый не может лечить душевнобольных. Он попробовал поступить на факультет права, но должен был отказаться и от этой мечты, поскольку здесь преподаватели заявили, что его, одержимого смехотворными ритуалами, не будут серьезно воспринимать ни клиенты, ни оппоненты в судах.

На каждом из этих факультетов он не продержался больше одного семестра. Никто не хотел давать шанс человеку, который, казалось, был совершенно неспособен контролировать свои поступки. Не удалось ему и влюбиться. Никого не интересовал человек, являющийся постоянным объектом насмешек. Все его существование было сплошным исключением из правил. Вместе с тем юноша был чрезвычайно сильным человеком, как и предвидел учитель. Несмотря на все те неопишуемые трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться, он не был угнетен и, уж конечно, не собирался

покончить с собой, как я. Случалось ему переживать серьезные конфликты, однако, исключая моменты, когда его отвергали и он страдал от этого, Соломон научился жить, радуясь жизни и делая ее сносной. Он жил лучше нас, учеников продавца грез. Это нам нужно было покупать у него мечты, и он знал это.

Путешествие в мир этого юноши оказалось восхитительным. Выяснилось, что за изгоем, обреченным на издевательства в современном обществе, скрывается другой человек, совершенно невероятный. После этого путешествия, завершившегося открытием целого континента под названием Соломон, учитель пригласил его заняться продажей грез.

Вскоре учитель повел нас на открытое место. Это была небольшая площадка, где росло несколько деревьев, а воздух не так загрязнен. Здесь учитель заговорил о другом Соломоне, великом царе Иудейском. Отметил, что он был молод и начало его жизненного пути было прекрасным. Он не жаждал ни серебра и злата, ни политической власти; ему хотелось получить самое большое сокровище — знания. День за днем он впитывал в себя знания, и его царство быстро развивалось, превратившись в конечном итоге в одну из первых империй древности. И отношения с соседними странами были мирными.

Однако время шло, и власть его опьянила. Он забросил знания и начал заниматься множеством других дел. Кроме того, все, что замечали его глаза, он прибирал к рукам, и все ему казалось мало. В конце концов он впал в великое уныние и нашел в себе силы признать, что все превратилось для него в источник тоски. Все казалось суетным, ничто в этом ослепительном существовании не воодушевляло его. Закончив свой рассказ, учитель завершил урок словами:

— Великий царь имел сотни женщин, множество колесниц, дворцов, слуг, войск, золотых одежд, ему воздавали почести, он одерживал победы, превзойдя многих других властителей. Но он забыл полюбить одну женщину, обратить внимание на полевые лилии, бывшие символом дружбы, и на многие другие важные вещи.

Когда учитель умолк, заговорил мой непредсказуемый товарищ и в очередной раз заставил всех разразиться хохотом.

— Вы мне позволите, шеф? — спросил Краснобай.

— Говорите, Бартоломеу, — снисходительно позволил учитель.

— Может, Соломон не расслаблялся, потому что у него были сотни тещ?

Посмеявшись над экспромтом Бартоломеу, учитель ответил тонкой колкостью:

— Этого я не знаю. Я знаю лишь, что есть тещи, которые куда ласковей, чем многие матери, — сказал он и подытожил: — Успеха труднее добиться, чем провала. Как и в случае с Соломоном, опасность успеха заключается в том, что человек превращается в заведенный механизм и забывает вкус простых вещей, отказывается от того, что могут дать только мечты. Вид фермы, сада, картины может пробудить больше эмоций у наблюдателя, чем у их хозяина. Бог сделал демократичным доступ к лучшим радостям жизни. Богатые эти радости покупают, а бедные считают, что владеют ими.

И возложив руки на Соломона, своего нового ученика, учитель вдохновенно воскликнул:

— Великие сыны рода человеческого пребывают на самом краю общества. Здесь собираются те, у кого нет ничего, но есть все. Спасибо за то, что вы продали нам ваши мечты.

Богадельня вверх тормашками

На следующий день луч поднявшегося над горизонтом солнца упал на наше ложе, приглашая проснуться. Еще одно дневное турне, еще один день, волнующий кровь, день новых открытий. Как всегда, последним встал Бартоломеу. Надо думать, что в более удобной кровати он вообще провалялся бы до вечера.

Прежде чем пускаться в дебри социальной географии, не проложив заранее определенный курс, учитель сделал нам необычное предложение, которое, однако, потом превратилось в постоянно действующий фактор на нашем долгом пути. Он пригласил нас возродить одну из самых важных функций души — ничего не делать, а только развивать в себе навыки наблюдателя.

Он вывел нас на один обсаженный деревьями проспект с напряженным движением транспорта. Там он вручил нам по чистому листу плотной бумаги, по одной простой ручке и попросил подмечать и фиксировать все звуки и образы окружающей среды, которые покажутся нам интересными. Не следовало отмечать ничего антропогенного. Проходящий транспорт издавал оглушительные звуки, воздух был загрязнен, интенсивность движения была велика. Но что могло заинтересовать нас, если не красиво оформленные витрины магазинов, стильные марки автомобилей или внешний вид прохожих? И какое это имеет отношение к изменению человеческого мышления? Какое отношение имеет искусство наблюдать к торговле мечтами? Это занятие, с моей точки зрения, было банальным и никакой притягательной силой для интеллекта не обладало.

Позднее учитель совершил своего рода провокацию.

— Тот, кто не развивает в себе искусство наблюдать, обладает умом поверхностным, а его человечность находится в самом зачаточном состоянии. Такой человек может стать кладезем информации, но выдвигать великие идеи ему не дано.

Я вспомнил, как накануне за странными поступками Соломона не разглядел человека со сложным внутренним миром. Моя наблюдательность была крайне слабой. Я видел только то, что видит любой «нормальный» человек. Эдсон и Димас тоже не знали, что

делать с выданной им бумагой. Бартоломеу, чтобы пробудить в себе вдохновение, тихо напевал что-то, но это ему не помогало. Он смотрел то вверх, то по сторонам и ничего не делал. Проходило время, но мы так и не замечали ничего интересного. Единственным исключением был Соломон. Он приглушил свое навязчивое беспокойство и писал не останавливаясь. При этом он часто восклицал:

— Ну и ну! Вот это да! Фантастика!

Пока он писал, я оставался заторможенным. Продавец грез толкнул меня.

— Искусство смотреть и видеть разовьет в себе лишь тот, кто овладеет еще более сложным искусством — искусством человеческого интеллекта.

И не дал никаких пояснений.

«Что это за искусство?» — подумал я.

Вскоре он пояснил сказанное:

— Я имел в виду искусство успокаивать разум. Люди, в свое время блиставшие умом, прожили ничем не примечательные жизни, потому что не умели успокаивать свой разум. Великие писатели, знаменитые ученые, великолепные артисты терзали свое вдохновение, потому что их умы были возбуждены. Размышления, мысленные образы и образы фантастические, способные породить полет творческих способностей, могут также, если их в избытке, и крылья подрезать, и лишить человека интуиции и находчивости.

«Это и есть моя проблема», — решил я. Мой ум был подобен трясущемуся листу. Думать, в том числе о всяких глупостях, было особенностью моей психики. Я всегда был врагом молчания. Но, выслушав учителя, я попытался замолчать. Это было нелегко, поскольку я был переполнен образами, пронесшимися в моем мозгу с большей скоростью, чем автомобили по проспекту, на котором мы стояли. Моим жалким жребием был загрязненный интеллект.

Мои друзья тоже выглядели растерянными. Но понемногу мы входили в бесконечный мир тишины. С этого момента наше восприятие стало острее. Я расслышал звонкие звуки, издаваемые какой-то птичкой. Мелодия ее шепета была прекрасной, а исполнение — невероятно вдохновенным. Я отметил это на бумаге. Тут же другая птичка пропела жалобную мелодию. А потом голубь-самец приступил к исполнению своего неизменного ритуала ухаживания за голубкой.

Я различил более десятка изумительных птичьих песен. Особых причин для вдохновения в этом холодном железобетонном контейнере у них не было, но, в отличие от меня, они торжественно отмечали праздник жизни. Я заметил и тоже записал стойкость источенных червями деревьев, которые, несмотря на твердый грунт и нехватку влаги, выживали во враждебной среде с тем бесстрашием, которого у меня никогда не было. Мимо этих деревьев прошло более десяти миллионов человек с тех пор, как они были посажены, и, может быть, лишь десять из них попытались рассмотреть их в деталях. Я почувствовал себя человеком привилегированным в этой социальной пустыне.

Бартоломеу, который раньше и слона перед собой не увидел бы, тоже добился первых успехов, начав что-то различать в этой путанице. Краснобай созерцал пять разноцветных бабочек, танцевавших в воздухе. Он отметил, что, в отличие от этих бабочек, танцевал только тогда, когда напивался. Эдсон различил несколько видов шуршания, издаваемого листвой при дуновениях ветра. Листва, ничего не требуя взамен, аплодировала прохожим, в отличие от него самого, изо всех сил старавшегося эти аплодисменты сорвать. Димас разобрался с насекомыми, которые без отдыха трудились, готовясь к зиме, то есть делали то, чего он сам никогда не делал. Он воровал и, как всякий вор, был совершенно никчемным хозяином, полагая, что жизнь — это вечная весна.

После этого приятного упражнения мы произнесли нашу излюбленную фразу: «Я безумно люблю эту жизнь!» Никогда еще такой незначительный труд не давал такого осязаемого результата! Я и представить не мог, что природа может столь зримо присутствовать в самом центре города. Как могло случиться так, что специалист в социальных вопросах ни разу не делал подобного упражнения? Впервые в жизни я полюбил тишину и понял, что у меня не было детства.

Я не могу вспомнить ни одного приятного переживания, испытанного в детстве. Возможно, я и стал-то таким сухим человеком только потому, что никогда не расслаблялся, будучи ребенком. Возможно, у меня была навязчивая мания преследования, я опасался того, что кто-то может напасть на меня сзади, потому что в детские годы я не ведал простодушия. Возможно, в зрелом возрасте я стал

хроническим и угрюмым угнетателем, потому что начало моей жизни отнюдь не было радостным. Потери сделали меня взрослым очень рано, сделали юношей, думавшим много, а чувствующим мало.

Пока я вспоминал свои детские годы, учитель, похоже, тщательно исследовал меня. Энергично вбирая в себя воздух, он заговорил о злодейском умерщвлении детства в настоящее время, то есть о том, что его больше всего сейчас волнует.

— Интернет, видеоигры, компьютеры полезны, но они разрушили нечто неприкосновенное — детство. Куда подевалась радость тишины? Где искусство наблюдать? Где невинность? Меня угнетает то, что система порождает неудовлетворенных и озабоченных детей, то есть заведомых кандидатов в пациенты психиатрических клиник, а не свободных и счастливых человеческих существ.

Вдруг я заметил то, чего раньше никогда не замечал. Среди прохожих было много родителей с детьми от семи до девяти лет, видимо, отправившихся за покупками. Все дети были одеты очень хорошо, по последней моде. Цвета одежды подобраны в тон. У каждого был сотовый телефон. Однако все они казались чем-то недовольными. Некоторые начинали клянчить то, что им понравилось. Чтобы дети не нервировали их своим громким нытьем, родители то и дело уступали их требованиям...

Продавец грез не мог не вмешаться. Его терпение кончилось, и по всему было видно, что он окончательно вышел из себя. Он обратился к родителям:

— Что вы делаете со своими детьми? Отведите их в лес! Снимите с них ботинки, дайте побегать по земле босиком! Отведите их туда, где они могли бы полазить по деревьям. Пусть придумывают себе игры. Род человеческий сам забрался под искусственный колпак эгоизма и потребительства. Дайте им возможность пообщаться с существами других видов, познакомиться с другими манерами поведения, — сказал он и перефразировал высказывание Иисуса Христа: — Не шопингом единым жив ребенок, но всеми радостями детства.

На меня произвела большое впечатление смелость, с которой он обратился к незнакомым людям. Некоторые родители задумались. Реакция других была крайне негативной.

— Это не тот ли самый придурок из газет? — высказал предположение один из них.

Еще один — интеллеktуал, который, по всей видимости, принадлежал к высшей лиге, к которой принадлежал когда-то и я, — был более категоричен.

— Я профессор, доктор психологии. И не потерплю подобного вмешательства в частную жизнь. Я сам позабочусь о своих детях, — сказал он и, оглядев нас с ног до головы, добавил: — Это какая-то шайка невежд.

Краснобай услышал это оскорбление и не смог удержаться от ответа. На этот раз он, и не без оснований, выступил вместо учителя.

— My friend, я не являюсь доктором никакого дерьма, — начал он и, посмотрев на детей, продолжал: — Извините за «дерьмо», дети. — Потом, обращаясь к родителям, завершил свою мысль преувеличениями: — Позвольте своим детям запачкаться в том, что дает природа. В этом случае никто из них никогда не станет сумасшедшим, пьяницей и бессовестным человеком, таким, как я. — Задумавшись, он взмахнул рукой и попросил терпения у слушателей. — Но я исправляюсь!

Некоторое время спустя он вновь обратился к детям и попытался пошутить:

— Кто хочет полетать, как бабочка, поднимите руки.

Три ребенка подняли руки, двое не обратили на его слова внимания, а трое спрятались за родителей, и один из них ответил:

— Я боюсь бабочек.

Родители почувствовали себя оскорбленными бесцеремонностью назойливых незнакомцев. Они позвали охранников, стоявших в дверях большого универсального магазина группы «Мегасофт», в который только что собирались войти. Охранники не заставили себя долго ждать и прогнали нас.

— Уходите прочь, ваши бродяжнические величества.

Однако, прежде чем уйти, учитель обратился к родителям, возражавшим ему, и сказал:

— Прошу извинить за мое поведение. Надеюсь, что однажды вам не придется извиняться за свое поведение пред вашими детьми.

Идеи, которые учитель посеял в умах родителей, не во всех случаях упали на бесплодную почву. Некоторые, хотя и возмутились, но начали понимать, что необходимо радикально изменить отношение к своим детям. Они давали им лучшее образование, которое можно

было получить в существующей системе. Дети превращались в специалистов потребления и умели работать с компьютерами, но оставались хронически неудовлетворенными, они не умели наблюдать, интуитивно чувствовать, генерировать идеи. До сознания некоторых родителей дошло, что природа не имеет значения для физического выживания рода человеческого, но важна для выживания эмоционального. Природные стимулы имеют такое педагогическое значение, которое ничем нельзя заменить; в смысле расширения духовных горизонтов они важнее любых воспитательных теорий. И родители начали чаще посещать леса, зоопарки, ботанические сады.

Меня очень взволновало отношение учителя и Бартоломеу к детям. Меня дети никогда не интересовали. Я был слишком занят академической критикой классового общества. Мне было невдомек, что подлинным воспитательным материалом был студент, а не та информация, которую я распространял. Меня заботило то, чтобы студенты не шумели и были внимательными во время занятий, но совсем не волновало то, что я воспитываю людей.

Во второй половине того же дня мы проходили по жилому району города. Там мы увидели большое и мрачное строение. Газон в саду был плохо подстрижен. Огромные деревья давали слишком большие тени, что не позволяло хорошо развиваться растениям нижнего яруса. Краска на старой — хотя и красивой — арочной постройке облупилась. Деревянные оконные рамы были испорчены жучком и выкрашены в какой-то зеленовато-коричневый цвет. Белые стены строения были грязными, с отвалившейся штукатуркой. Это была богадельня, но далеко не такая, в которой каждому хотелось провести свои последние годы.

Многие престарелые люди приходили в это заведение не потому, что их бросили ближайшие родственники, а потому, что у них вообще таких родственников не было. В большинстве семей был только один ребенок, самое большее — два. Когда единственный ребенок погибал, или переезжал жить в другой город, или не имел материальных возможностей содержать своих стариков, те просто были вынуждены перебираться в подобные приюты, где они получали минимальную помощь от врачей, среднего медицинского персонала и нянечек. Они бежали от гнетущей тоски одиночества. Подобные институты в современных обществах растут как грибы.

Учитель, увидев приют, обратился к нам:

— Вот вам прекрасная среда для грез. Идите туда и принесите обитателям радость.

Будучи, как всегда, предубежденными, мы подумали: «Грезы? В богадельне? Эти люди апатичны и подавлены! Чем же мы сможем поднять их настроение?» Мы только что побывали в мире детей, а теперь вступаем в мир стариков. Миры такие различные и в то же время такие одинаковые! Проблема еще состояла в том, что учитель ушел в арьергард. Мы ждали его подсказок, но их не было; а жаль. Он лишь сказал, что пойдет гулять, но до того как он ушел, Димас, заикаясь и моргая, заговорил:

— Веселить... ста... старичков? Как, учитель? Эта пуб... публика вот-вот сыграет в ящик.

Он знал, как украсть у старика кошелек, заставить его нервничать, но ему никогда не хотелось серьезно поговорить со стариком или развеселить его.

— Димас, предубеждение старит больше, чем прожитые годы. Вы старше многих из них, — прокомментировал слова Димаса продавец грез и тут же услышал шутливое предложение Бартоломеу.

— Что касается меня, то я решу эту задачу за пару минут, — сказал он, намекая на известное ему волшебное решение вопроса. — Влить в них побольше кашасы, и все: цирк зажигает огни.

Импульсивно произнеся эту фразу, он попросил извинения за возвращение к старому. Что касается Эдсона, то творить чудо, которое приносило бы людям радость, он не умел. Соломон тоже не обладал такими способностями. Мы не знали, что делать.

Не успели мы опомниться, как учитель уже ушел. Куда он направлялся, мы не знали. Мы собрались в тесный кружок. Каждый высказал свое мнение, и мы разработали совместный план, после чего пошли за реквизитами и вернулись через два часа.

Краснобай, надев на голову парик с длинными волосами и темные очки, с воодушевлением сказал нам:

— Мужики! Давайте прикинемся, что мы нормальные.

Мы засмеялись и пошли в сторону приюта. Прежде чем я успел что-нибудь произнести, Бартоломеу взял инициативу в свои руки и изложил нам нашу «легенду», которую мы одобрили.

— Стало быть, так: мы, группа профессиональных музыкантов, собираемся устроить небольшое шоу. Оно будет бесплатным. В деньгах мы не нуждаемся, но отрабатываем кое-какие пожертвования.

Димас был в красной шляпе и темных очках типа «рейбан». Я надел парик с длинными волосами, заплетенными в косички. Соломон приклеил огромные ресницы, подражая Элвису Пресли. Эдсон повязал голову красной лентой и надел длинную рубаху без воротника. Достать этот реквизит было очень трудно, но мы сказали, что собираемся поставить благотворительный спектакль, после чего возвратим все владельцам.

Руководителям приюта не очень понравилось наше предложение; поскольку молодые люди редко интересуются делами стариков, они хотели сначала узнать, что мы собираемся делать, и спросили меня: «Что вы задумали? Ничего из этого не выйдет». Потом была создана импровизированная сцена, и более сотни стариков и старушек чинно уселись перед ней, глядя на устрашающих типов, то есть на нас.

Мы принесли две плачевного вида гитары. Одну взял Чудотворец, который сказал, что научился играть в своем церковном оркестре. Но гитара была расстроена. Вторую взял Соломон, играл он тоже очень плохо. Мне достался саксофон, и я пытался вспомнить несколько нот, которые в свое время выучил под руководством деда по материнской линии. У Димаса — контрабас, но он не знал, что с ним делать. Краснобай выступил как вокалист. Это единственное, что он умел, но пройдоха заверил нас, что находится в прекрасной форме, а раньше пел в разных заведениях, когда был более или менее трезв.

Первый номер исполнялся в стиле романтического рока. Мы очень стеснялись, чувствовали себя скованно. Голос Краснобая был ужасным. Ему следовало бы вообще не раскрывать рта, поскольку он не умел петь в унисон с инструментами. Тем не менее ему казалось, что с ним все в порядке. Старички никак не реагировали. Мы решили, что нужно поддать жару и, прервав первую вещь, заиграли энергичный рок. Этот ритм нам удался! Мы покачивали бедрами, подпрыгивали, но старшее поколение оставалось безучастным. Краснобай совершал прямо-таки гимнастические трюки со своим расстроенным голосом, но развеселить стариков никак не удавалось.

Я подумал: «Это провал. Вместо того чтобы служить им вместо антидепрессантов, мы еще больше усилили чувство подавленности у

этих стариков». Краснобай лез из кожи вон. Он пропел национальный гимн — самбу. Мы от души ему аккомпанировали.

— Я пью, да, и я живу, а есть такие, что не пьют, но как мухи мрут; я пью, да... — Он повторил припев, посмотрел на стариков и решил, что они развеселятся лишь тогда, когда им в голову ударит алкоголь.

Но никто даже не улыбнулся. Никто не двигался. Никто не аплодировал. Никто не пел. В первый же день, когда мы попытались продать грезы, мы фактически продали собственный стыд. Посмотрев на сестер и братьев милосердия, на нянечек, мы убедились, что и они остаются безучастными. Подобно нам, они, должно быть, думали, что их старички одной ногой стоят в могиле и ожидают скорой смерти. И вот когда этот день показался нам самым скверным с тех пор, как мы пошли за учителем, он появился. Увидев его, некоторые старики и старушки пошли ему навстречу и стали радостно обнимать его. Тогда-то мы и поняли, что он уже не раз бывал в этом приюте.

Учитель вдруг отобрал у нас инструменты и раздал их старикам. Мы-то думали, что они вообще не знают, что такое гитара, контрабас или саксофон. К нашему удивлению, старики — сеньор Лауру, сеньор Мишель и сеньор Лусиу, — взявшие гитары и контрабас, обращались с ними весьма ловко и начали настраивать. Вскоре раздался мощнейший звук. Мы не верили тому, что услышали.

Таким же образом одна сеньора взяла саксофон и исполнила великолепное соло. Я впал в оцепенение. «Однако этот приют далеко не богадельня», — подумал я. Устыдившись, я понял, и мои товарищи тоже, как и присутствовавший персонал, что на самом деле это отнюдь не так. Приют был собранием опытных людей с подавленным потенциалом.

Учитель с великим удовольствием слушал их. Потом он взял из рук Бартоломеу микрофон, подошел к сеньору весьма преклонного возраста, который почти не мог ходить, и отдал микрофон ему. Мы были без ума от его превосходного голоса, в чем-то похожего на проникновенный тембр Фрэнка Синатры.

Некоторое время спустя учитель пригласил тех, кто мог передвигаться, на площадку и начал с ними танцевать. Я тоже принял участие в танце. Ликование было всеобщим и бурным. Старики перевернули свою богадельню вверх дном. Улыбки людей отражали их

настроение. Поначалу они не веселились, потому что мы проявили к ним полное неуважение. Мы дали им самое худшее, решив, что раз они старики, то с памятью у них не все в порядке, мышцы ослабли и для их ушей и эмоций сгодится все что угодно.

У многих из них было чудесное детство, значительно лучше моего; и ребенок, который спал где-то внутри каждого из них, проснулся. Позднее учитель сказал, что отправил нас к старикам не для того, чтобы мы продали им грезы, а для того, чтобы мы сами купили эти грезы у них. Он показал нам, что бесполезных людей не бывает, но есть люди плохо оцененные, плохо использованные, плохо изученные. Услышав эти слова, я понял, какую еще ошибку совершил когда-то. Мой дед по материнской линии Паулу был экстравертом, общительным человеком. Умер он через пятнадцать лет после смерти моей матери. Но я никогда не пытался проникнуть в его внутренний мир. Я чувствовал себя отвергнутым своими дядями и двоюродными братьями и кончил тем, что сам отверг своего деда. У каждой невинной жертвы есть душевные раны, нанесенные преступником. Меня восхищало умение деда играть на музыкальных инструментах, но я никогда не спрашивал его о слезах, которые он пролил, о страхах, которые испытал. Я никогда не обращал внимания ни на его хорошее настроение, ни на его жизненный опыт. Я многое потерял, не взявшись за глубокое исследование удивительного человеческого существа.

Завершая уходящий день, учитель поделился с нами некоторыми мыслями, эхом отозвавшимися в моем сознании и запомнившимися навсегда.

— Временной интервал между молодостью и старостью значительно короче, чем это можно себе представить. Кто не умеет с радостью окунуться в духовный мир пожилых людей, тот не достоин своей юности. Не обманывайтесь, человек умирает не тогда, когда перестает биться его сердце, а тогда, когда перестает чувствовать себя нужным людям.

На своем пути мы встретили множество «мертвых» людей, которые были на самом деле живыми. Мы практиковали психологическую эвтаназию. Хоронили великолепных представителей рода человеческого вместо того, чтобы помочь им выжить.

Храм информатики

То, что произошло в приюте, получило широкую известность не потому, что при этом присутствовали представители прессы, а потому, что один санитар сделал несколько фотографий, и передал информацию в газету. После событий в приюте состоялось много других шумных мероприятий и представлений, из которых опишу лишь несколько. С течением времени группа все увеличивалась. Мы налаживали братские связи вопреки разного рода козням. Мы организовывали интересные «круглые столы» на открытом воздухе, на которых проводили дискуссии, касающиеся нашей собственной работы и общественной истории.

По крайней мере один раз в неделю учитель приглашал каких-нибудь анонимов: каменщиков, маляров, скульпторов, работников автозаправочных станций, механиков, мусорщиков, приводил их в наш обширный дом, сажал на ящики из-под фруктов и снимал завесу с некоторых периодов жизни этих людей. Они всегда приятно удивлялись его приглашению. Больше никогда и нигде мы с таким удовольствием не выслушивали правду о реальных трудностях, ожиданиях, мечтах, кошмарах, страстях, разочарованиях человеческих существ, таких далеких от нас и таких близких. Это был уникальный социологический опыт, чудесная профессиональная школа.

Известность учителя росла. Постепенно он превратился в объект пересудов горожан. Некоторые водители машин показывали на учителя пальцем и переговаривались друг с другом: «Это не тот тип, который устроил пробку у здания «Сан-Пабло», «Это не тот тип, который устроил шум в богадельне и в доме для траурных церемоний?» Нормальным людям нравятся разного рода спектакли; пройдет совсем немного времени, как кто-то уже сообщит, что этот человек воскресил мертвого. Один шестидесятилетний господин с гримасой озабоченности на лице узнал учителя, ускорил шаги, догнал нас и остановил. Он, как и мы, назвал его учителем и заговорил:

— Учитель, я тридцать лет проработал на одном и том же предприятии и в последние годы стал креативным менеджером. Когда я начал расти по службе, директор-президент развернул целую

кампанию гонений на меня, несправедливых и жестоких. Это были долгие годы унижений. И наконец он меня уволил. Я вложил душу в производство, но был выброшен, как пластмассовый стаканчик, который используют один раз и швыряют в мусорную корзину. Я почувствовал себя униженным, преданным, у меня не было сил для того, чтобы начать все заново на новом предприятии. К тому же руководство предпочитает людей молодых, которые обычно соглашаются на меньшую зарплату. Я день и ночь проклинаяю моего бывшего директора. Что мне делать?

У бывшего менеджера тряслись губы. Казалось, что на вершине агонии он получал небольшое облегчение. Учитель посмотрел на нас, потом на него и заговорил:

— Зависть и месть суть феномены, присущие исключительно человеческому виду. Никакой другой вид таких качеств не имеет. Тот человек завидовал вам, потому что вы имели то, чего ему не было дано. Отомстите ему.

Меня эти слова смутили. «За кем я иду? — думал я. — Не он ли проповедует мир и согласие?» Бартоломеу слова учителя понравились. И он, как эхо повторив их, добавил от себя:

— Именно так. Око за око, удар за удар. Отвесьте этому типу хорошую оплеуху.

Димас, услышав предложение учителя, выпятил грудь и поддакнул Бартоломеу.

— Если вам нужен товарищ, который поддержал бы вас в этом деле, то вы его уже нашли, — сказал он и встал в бойцовскую позу.

Краснобай пришел в возбуждение, начал что-то выкрикивать и дергаться в разные стороны, желая показать, что он большой знаток боевых искусств. Оба, как это ни странно было видеть, позабыли об атмосфере встречи и начали шутовски нападать друг на друга. Димас, не желая этого, ударил Краснобая по голове. Тот рухнул на землю, как мешок с картошкой, и потерял сознание. Мы оказали ему первую помощь. Придя в себя, он сказал Димасу:

— Ты мне завидуешь.

Бартоломеу начинал понимать, что удар за удар — дело опасное. Незнакомец, глядя на эту жестокую сцену, не знал, что ему делать, плакать или смеяться. Как бы там ни было, слова продавца грез вдохновили его.

— Как я могу отомстить за свое унижение?

— Убить его, — ответил учитель без колебаний.

Мои ноги стали ватными. Я никогда не думал, что учитель способен сказать такое, и почувствовал, что вот-вот упаду, сердце учащенно билось. Пропагандируя ненависть, этот человек снял с себя маску и показал свое истинное лицо.

— Именно это я и собираюсь сделать. Этот негодяй не имеет права на жизнь. — Но прежде чем сойти со сцены, учитель вскользь коснулся сути своего понимания феномена ненависти.

— Самое действенное отмщение врагу — это простить его. Убейте его внутри себя.

— Как это? — спросил удивленный мужчина.

— Слабые люди уничтожают тело своего врага, сильные — уничтожают образ врага, который носят в себе. Уничтожающие тело — убийцы, а уничтожающие образ своего врага в себе — мудрецы.

Мужчина потерял сознание. Нам пришлось подхватить его и прислонить спиной к ближайшей стене. Учитель снова подошел к незнакомцу, пристально посмотрел ему в глаза и закончил свою мысль:

— Отомстите ему, лишив его покоя успехами на вашем новом поприще. В противном случае он будет преследовать вас всю оставшуюся жизнь.

Мужчина несколько секунд находился в состоянии паралича. Потом собрался и понял, что не имеет права вести себя как жертва, как человек, получивший мощный удар и приходящий во все большую ярость. Он должен был действовать — только иначе. Он долго держал учителя в объятиях, как ребенок, обнимающий своего отца, хотя был намного старше продавца грез. И пошел по пути, в корне отличавшемуся от того, который избрал ранее.

Вдруг я заметил, что под рубашкой у него что-то есть. Это был револьвер. Я пришел в изумление. Этот субъект и в самом деле был готов совершить убийство! И только тогда я понял смысл шокирующего поведения учителя. Никакие пустые советы не остановили бы тогда этого человека, как когда-то ничто не могло заставить меня отказаться от идеи уйти из жизни. Учитель не лишил его намерения мстить, а лишь изменил характер этой мести. «Вот это терапия», — подумалось мне.

Несколько дней спустя в самой богатой части мегаполиса, на проспекте 12 Июля состоялась выставка бытовой электроники. В экспозиции приняли участие более 2500 предприятий. Ожидалось, что выставку посетят сто сорок тысяч человек из ста тридцати стран. Впавшие в эйфорию посетители, как потребители, так и хозяева оптовых и розничных магазинов информатики, говорили о большой стабильности промышленности, которая даже в период экономического кризиса непрерывно развивалась.

Учитель собрался посетить это грандиозное мероприятие; ему хотелось побывать в храме информатики. Мы не понимали, почему он хочет взглянуть поближе на эти машины, поскольку думали, что он никогда не пользовался компьютером.

— Пошли на ярмарку, — пригласил он, не давая никаких пояснений.

Разобидевшись, мы двинулись за ним. Мероприятие было слишком изысканным для людей нашего пошиба. Все-таки мы представляли собой группу нелепых людей в рваных рубашках и кое-как залатанных грязных джинсах. Мы не имели отношения ни к какому предприятию, и, конечно, у нас не было никаких приглашений. Мы были похожи на людей, перенесенных машиной времени из сельской местности начала двадцатого века в сегодняшней, двадцать первый век. Мы даже не могли притвориться уборщиками или грузчиками.

Бартоломеу, пытаясь подбодрить нас, еще раз произнес свою излюбленную фразу:

— Мужики! Давайте прикинемся, что мы «нормальные».

Мы сразу же приосанились, попытались пригладить волосы и идти более твердой походкой.

По дороге Димас положил правую руку на левое плечо Соломона, и они пошли дальше в обнимку. Потом он поддержал ему шею, чтобы она не очень заметно двигалась. Соломон возмутился, высвобождаясь из его объятий:

— Отойди, легкая ручка! Ты имеешь дело с настоящим мужчиной.

— Легкая ручка — нет! Рука Ангела или Святая Рука, — заявил Димас.

— Рука Дьявола, — поправил его Бартоломеу.

Димасу шутка не понравилась. Бартоломеу посмотрел на небо и попытался успокоить его.

— Раньше — Димас. Давным-давно, — добавил он и поспешно отошел, боясь получить оплеуху.

Наша группа была просто несносной. Однако же веселое настроение быстро испарилось, как только мы приблизились к территории ярмарки. Уловив, что нас смущает вся эта помпезность, учитель обратился к нам:

— Вас еще страшит перспектива получить отказ? Напряженная атмосфера все еще пугает вас? Вы еще не поняли, что человек может нанести рану вашему телу, но ему никогда не удастся ранить ваши эмоции, если, конечно, вы этого сами ему не позволите?

Его слова подлили масла в огонь наших переживаний. Мы чувствовали, что обстановка может оказаться, как и погода, неустойчивой. Может пойти дождь, может разразиться гроза. Особенно угрожающим казался вестибюль при входе. Это был превосходный холл с многоцветным фонтаном. Холл украшали многочисленные вазы с розами, гибискусами, маргаритками и тюльпанами.

Вход же был украшен светящимися рекламными щитами основных участников выставки. Посетители попадали на ярмарку по красному ковру, положенному у входа. Для того чтобы попасть внутрь, нужно было предъявить приглашение и удостоверение личности. Помимо этого посетителей обследовали рентгеновскими лучами, а также они должны были пройти через металлоискатель. Мир был небезопасен. В глобальной богадельне слово мало что значило.

Внезапно пришла мысль, что, поскольку я являюсь единственным интеллектуалом в группе, моя безопасность находится под наибольшей угрозой. Я занял место позади всех. Учитель вообще-то не планировал входить непосредственно в выставочные залы. Он хотел остаться в холле и наблюдать за проходящими посетителями. Однако Бартоломеу, демонстрируя необычную энергию, попытался войти, и тут же был остановлен. Вскоре ему навстречу вышли два охранника. Один из них потребовал, чтобы он поднял руки, и начал обследовать его металлоискателем, проводя прибором по всем частям его тела.

Когда он дошел до интимных мест, Бартоломеу закричал:

— Спокойно, братишка! Туда нельзя!

Мы двинулись к Бартоломеу. Учитель попытался успокоить нас и попросил, чтобы мы оставались в стороне от входа. Появились еще охранники. Они внимательно присмотрелись к нам и потребовали пригласительные билеты. Поскольку таковых мы не имели, они начали сканировать нас своими приборами и обыскивать, как сделали это с Бартоломеу. Соломону стало щекотно, и он не позволил себя обследовать. Охранники рассердились и начали прогонять нас из холла, который был общедоступен.

Один из охранников опознал Руку Ангела, бесцеремонно толкнул его и сказал:

— Пошел вон, бродяга.

Когда охранник толкнул Димаса второй раз, тот вытащил у обидчика удостоверение. Тем не менее, упав на пол, он успокоился, поднялся и вернул документ. Это учителю понравилось. Однако охранники прониклись к группе еще большим недоверием.

Эдсон пришел в ярость. Я почувствовал, что если бы он на самом деле обладал сверхъестественной силой, то обратился бы с молитвой к Богу и попросил бы его низвергнуть небесный огонь, дабы уничтожить тех, кто обошелся с нами так плохо. Учитель проявлял подозрительное спокойствие. Можно было подумать, что он заранее спланировал все происходящее. Охранники не только выталкивали нас вон, они еще и насмеялись над нами.

— Вы часом не та группа клоунов, которых наняли для того, чтобы веселить публику? — спросил один из них. Остальные рассмеялись.

Мы были похожи на персонажей какой-то кинокомедии или фильма ужасов. Один из охранников толкнул учителя так, что тот чуть было не упал.

— Почему вы нападаете на меня, если я не нападаю на вас? — заговорил он, беря себя в руки. — Что я такого сделал, чтобы спровоцировать ваше насилие?

— Убирайтесь отсюда, шайка заговорщиков! — озвучил один из охранников то, что думали они все.

— Как бы мне хотелось быть миллионером, чтобы иметь возможность дать этим негодьям пинка под задницу, — неожиданно для себя произнес я вслух то, что никогда бы не позволил себе сказать раньше.

Но было поздно, слова уже вылетели изо рта. Впервые в жизни я, убежденный социалист, произнес вслух, что мне очень нравятся деньги. Власть денег соблазнила меня исподтишка, но я никогда не признавался в этом даже себе. Я любил шикарные машины, круизы и удобные дачи для летнего отдыха. Это была тайная любовь. Я порицал «буржуйчиков», летавших на самолетах первым классом, но в глубине души завидовал им. Я питал отвращение к экономическому классу, куда пассажиры набивались, как сельди в бочку.

Поскольку войти внутрь мы не могли, наша группа осталась в стороне от входа в приемном зале. Учитель не падал духом.

— Давайте посмотрим на людей, которые входят на выставку и выходят оттуда. В конце концов, наша сцена — весь мир.

«Посмотреть на людей? Но я предполагал, что мы пришли на выставку, чтобы посмотреть на компьютеры!» — подумал я.

Рука Ангела, предпочитавший вершить свои дела втайне, озвучил свою мысль, обратившись шепотом к группе:

— Думаю, что нам труба.

Он почувствовал, что обстановка для торговли мечтами сложилась неблагоприятная. Вскоре после того как прозвучало это утверждение, я увидел нечто странное. Мимо нас прошел очень хорошо одетый мужчина, похожий на важного руководителя предприятия. Он осмотрел нас с головы до ног и вошел на территорию выставки. На его груди красовался знак группы «Мегасофт», одной из самых крупных на сегодняшний день компаний, занимающихся компьютерами. Случайно перенеся взгляд, я увидел, что этот руководитель остановился, чтобы поговорить с другими посетителями, которые, как мы потом поняли, были переодетыми агентами из группы по борьбе с терроризмом. Разговаривая, он показывал рукой в нашу сторону.

Агенты быстро подошли к нам, и один из них опять потребовал от учителя, чтобы тот назвал себя. У нас он ничего не требовал, а поскольку у учителя документов не оказалось, реакция агентов была моментальной. Один из них ударил учителя. Удар был таким сильным, что прозвучал как взрыв, а сам учитель упал на пол. После чего с криками «Террорист!» они принялись избивать его. Все произошло настолько быстро, что мы некоторое время стояли, словно

парализованные. Потом мы попытались защитить учителя и тоже подверглись нападению.

Краснобай еще раз встал в позу знатока боевых искусств и получил такой удар кулаком, что упал без чувств. Я еще никогда не сталкивался с такой жестокостью. С социологической точки зрения в стране слепых одноглазый не король, а жертва избиений. Едва я посмотрел на незнакомца, как понял, что в некоторых случаях предпочтительнее быть слепым.

В возникшей суматохе один из агентов вынул пистолет и приготовился стрелять в учителя. Если бы не трое полицейских, которые, проезжая мимо в своей машине, остановились, чтобы разобраться, что здесь происходит, учитель, наверное, был бы уже мертв. Внимательно осмотрев предполагаемого террориста, один из полицейских, тоже с пистолетом в руке, обратился к агентам.

— Стойте! Я начальник полиции этого района. — Агенты успокоились, а полицейский продолжал: — Я знаю этого человека. Никакой он не террорист.

— У этого человека нет документов. Кто он такой? — потребовал ответа старший агент.

— Ну, он... — начал полицейский, заикаясь и не зная, что сказать. — Он продавец. Разъездной торговец... и для того чтобы окончательно сорвать планы агентов, полицейский пригрозил им:

— Если вы не оставите его в покое, я заведу расследование по факту насилия, совершаемого вами.

Офицер, заступившийся за учителя, был тем самым офицером, который находился на крыше «Сан-Пабло».

Продавец грез запомнился ему навсегда. Выслушав то, что ему было сказано о его отношениях с сыном, полицейский не мог заснуть несколько ночей. Потом офицер следил за деятельностью учителя по газетным материалам.

Я был счастлив, что остался жив, и начал уважать полицию. Учитель, несмотря на то что у него открылось кровотечение, сумел сгладить острые углы возникшей ситуации.

— Они хорошие ребята, произошла ошибка.

К этому времени Бартоломеу пришел в себя.

— Где я? — спросил он.

Вспомнив, что был отправлен в нокаут, и понимая, что ситуация уже находится под контролем, он решил еще раз продемонстрировать свою храбрость.

— Я начинаю нервничать. У меня черный пояс по дзюдо, карате, по бразильской борьбе и по многим другим искусствам. Держите меня, а то дело кончится плохо.

Вместо того чтобы держать Бартоломеу, мы его отпустили. Краснобай поднялся одним прыжком и, поняв, что агенты вот-вот опять схватят его, сказал:

— Я уже успокоился.

Агенты ушли. Несколько секунд спустя ушел и полицейский начальник. Однако, перед тем как уйти, полицейский поблагодарил учителя за те несколько фраз, с которыми тот обратился к нему в момент знакомства.

— Мой сын хотел бы познакомиться с вами.

— Когда-нибудь. Скажите ему, что за мечты нужно бороться.

Мои коллеги пожимали плечами и пытались выяснить у меня, что все это значит. Позднее я пробовал объяснить им то, что объяснить в принципе невозможно. Под правым глазом учителя появился кровоподтек, а в левом углу рта засохла кровь, но он не жаловался. Мы знали, что, следуя за учителем, могли стать предметом насмешек и издевательств, но впервые узнали, что рискуем потерять жизнь.

Меня весьма обеспокоило то, что люди могут переходить из состояния покоя прямо в состояние зверской жестокости. Но что потрясло еще больше, так это то, что призрак агрессивности находился и внутри меня самого. Я знал о своем высокомерии, но ничего не знал о скрытом потенциале насилия. Я был поражен вирусом солидарности и был готов к насильственным действиям против того, кто наносит физические раны учителю. Мне и в голову не приходило, что любовь к ближнему и агрессивность могут сосуществовать в одном обиталище. Я никогда не думал, что война и мир в состоянии уживаться в одном человеке. В потаенных уголках души ласковых и добрых людей могут скрываться настоящие монстры.

Выявляя источники стрессов

События у храма информатики были крайне напряженными. Мы считали, что учителю нужно обработать полученные раны в амбулатории, после чего отдохнуть под каким-нибудь виадуком или на площади. Мы взяли его под руки и повели прочь. Однако же, вместо того чтобы успокоиться, он поднялся на край чаши многоцветного фонтана и с необычайной смелостью начал предлагать людям прослушать последние новости с большой ярмарки.

Мы не верили своим ушам. Посетители начали подходить к нам. Они уже узнали возмутителя спокойствия, о котором писали газеты. Учитель-полемист продолжал беспокоить гостей и участников выставки бытовой электроники.

— Какой-нибудь юный беспризорник обладает большей духовностью, чем все компьютеры мира, объединенные в единую сеть. Но куда вкладывается больше денег — в детей или в машины?

По-своему поняв учителя, некий ученый задал ему риторический вопрос:

— Вы специалист по искусственному интеллекту? По-моему, нет. Пройдет совсем немного лет, и мы будем иметь машины, которые по своим характеристикам превзойдут человеческий мозг. В них будут вложены программы человеческого разума, превосходящие его по объему памяти. Это окажется самая фантастическая машина. Подождите и увидите!

Учитель не стал отказываться от диспута.

— Не согласен! Компьютеры навечно обречены на сон в бессознательном состоянии. У них никогда не возникнут конфликтные ситуации. Их никогда не будет волновать вопрос о собственных истоках и о собственном конце. Они никогда не создадут ни философии, ни религии. Они навсегда останутся рабами программного обеспечения.

Я задумался: «Откуда у учителя такие познания? Как ему удастся с такой уверенностью в своей правоте вести полемику по еще не решенным вопросам?» С другой стороны, инженеры-компьютерщики и программисты, которые его слушали, явно смутились.

— А что, если искусственный интеллект никогда не очнется от своей бессознательной дремы? А что, если компьютеры никогда не узнают, что существуют? Наши конфликты выставляют напоказ нашу многосложность. Если нам не удастся радоваться их наличию, то следует хотя бы восхищаться ими как производными от величия нашей психики.

Я посмотрел на некоторых своих товарищей и увидел, что они совершенно ничего не понимают. Особенно растерянный вид был у Бартоломеу. Но я тут же отказался от желания сказать ему что-то, поскольку он поразил меня, заговорив шепотом:

— Суперэго, я всегда был человеком на удивление сложным, а вы невыносимо уверенный в себе и надоедливый.

Бартоломеу часто «доставал» меня в таких ситуациях, когда прекрасно понимал, что я не могу дать ему достойный ответ. Мне хотелось ошеломить его своей образованностью, но я был вынужден постоянно культивировать в себе то, чего у меня никогда не было — терпение. И я, никогда не бывший человеком религиозным, обращался к Богу: «Дай мне, Боже, терпения, чтобы не выходить из себя, общаясь с этой на удивление сложной личностью».

А учитель тем временем, раскритиковав кибернетику, перенес огонь своей критической артиллерии на Интернет.

— Система породила Интернет и сотовые телефоны, произведя тем самым революцию в области коммуникаций и доступа к информации. Люди отныне смотрят на приборы, а не на лица конкретных людей. Не вступать в прямой диалог с другими людьми — это еще куда ни шло, но не вступать в диалог с самим собой — это невыносимо.

Теперь я понимал, почему учитель иногда уединяется. Когда я видел, как он разговаривает сам с собой, то находил это очень странным. Такое поведение, с моей точки зрения, всегда было признаком безумия, но теперь мое мнение изменилось в корне, и я стал относиться к этому феномену как к симптому здоровья. Сам я с собой никогда не разговаривал, если не считать сугубо прозаических случаев. Но я был сильнее болен, чем некоторые психопаты. Никто меня не тянул канатом к тому, чтобы полностью пасть духом.

Количество людей, остановившихся, чтобы послушать учителя, постоянно росло, отчего ему приходилось говорить все громче. Они

пришли на эту великолепную ярмарку, чтобы посмотреть на последние новинки информатики, но обнаружили одну из самых последних новинок, самый сложный «компьютер» — собственный мозг. Делая все более ясным сознание своих слушателей, учитель, в частности, утверждал, подкрепляя это цифрами, ранее мне не известными:

— Более четырех миллиардов азиатов, европейцев и американцев никогда не сталкивались со своей собственной сущностью. Их голос замолкнет в небольшом пространстве, называемом могилой, подобно голосам иностранцев, которым не суждено найти свой настоящий дом.

Люди размышляли над этими словами, словно им прочитали текст молитвы. В этот момент наш друг Краснобай поднял руки. В атмосфере философских раздумий ему не следовало раскрывать рот, дабы не привнести в нее нечто чужеродное. Но его зависимость от страстного желания непременно высказаться была сильнее, чем зависимость от желания пропустить рюмочку.

— Шеф, мне кажется, что мы запутались еще больше, чем эти хмыри.

— Почему, Бартоломеу? — терпеливо спросил учитель ученика, большого специалиста прерывать урок на самом интересном месте.

— Потому что у нас нет даже дома. Живем под мостом.

Некоторые улыбнулись. Позднее Бартоломеу понял значение своей выходки. Учитель не стал его порицать, он тоже улыбнулся и оценил его непосредственность. Краснобай был чрезмерно активным и праздношатающимся ребенком. С точки зрения учителя, свобода возникает на почве непосредственности. Многие потеряли свою непосредственность в школах, в церквях, на предприятиях, даже те, кто посещает крупные выставки-ярмарки. Они стали роботами, восхищающимися машинами; они не говорят то, что думают. В этот момент я заглянул в собственную душу и понял, что отнюдь не хуже других. Ради сдержанности я стал формалистом, человеком рассудительным и осторожным. Я сам не знал себя и другим не позволял. Я был интеллектуалом, хорошо умеющим объяснять, что все хорошо. Было трудно признать, что Краснобай стоит выше меня.

— Да, Бартоломеу, у нас нет дома, но мы претендуем на лучший из них. Вспомните нашу песню, — спокойно посоветовал учитель Бартоломеу.

После чего он еще раз удивил слушателей своей эксцентричностью. Он прервал речь и запел свою песню, продолжая вести себя как истинный учитель. Мы запели вместе с ним. Поначалу я чувствовал некоторую скованность. Краснобай и Димас наслаждались пением. Мы сошли с вершин рефлексии, чтобы принять душ под освежающим водопадом удовольствия.

Я всего лишь простой путник,
потерявший страх потеряться.
Я уверен, что далек от совершенства.
Можете назвать меня безумцем,
можете смеяться над моими идеями,
неважно!
Важно то, что я просто путник.
Мечты продаю всем встречным.
Нет у меня ни компаса, ни плана,
нет ничего, и есть все.
Я всего лишь простой путник —
в поисках самого себя.

Услышав, как мы поем эту песню, некоторые из собравшихся здесь людей были совершенно ошеломлены. Они то и дело спрашивали: «Что это за группа? Откуда появилась? Кто этот учитель? Не переодетый ли это болтун из какой-нибудь корпорации, нанятый для манипулирования умами посетителей выставки?» Другие же расслаблялись, входили в ритм и начинали напевать вместе с нами. Они потеряли страх потеряться, потеряли страх расслабиться; поняли несколько мгновений спустя, что они не исследователи, инженеры или предприниматели, а всего лишь простые путники. А были еще такие, которые покинули «партер» со словами: «Этот сумасшедший хмырь настоящий прохиндей!» Несмотря на подобные нелестные высказывания, этот столь непочтительный и плохо одетый человек мало кого оставил равнодушным. Он проникал в самые сокровенные уголки души человека, чувствуящего себя одиноким.

Мы огляделись по сторонам и увидели людей, которые были по-настоящему взволнованы; среди них выделялись две очень хорошо

одетые женщины-администраторы. Они чувствовали себя совершенно одинокими, хотя постоянно находились в окружении людей. Они добились успеха как профессионалы, но были несчастны. Все происходящее наяву перемешивалось с тем, что творилось в моем воображении.

Видя, что его слова задели людей за живое, продавец идей обратился к другой теме и спросил, казалось бы, об очевидном:

— Средняя продолжительность жизни сейчас выше, чем раньше?

Один человек шагнул вперед и сказал:

— Разумеется, выше!

Однако учитель посмотрел на своих учеников, особенно на меня, потом перевел взгляд на слушателей и призвал нас не согласиться с этим ответом.

— Нет! Сейчас люди умирают раньше, чем в прошлом!

У многих это высказывание вызвало насмешки. Мне показалось, что на сей раз учитель растерялся. Один ученый не выдержал и, улыбаясь, начал оспаривать правоту учителя:

— Глупость! Самому ленивому студенту известно, что средняя продолжительность жизни увеличивается по мере совершенствования санитарии и появления вакцин.

Продавец грез глупым не был и знал, что говорит. Обратив свой взгляд на оппонента, он ответил:

— В Древнем Риме средняя продолжительность жизни не превышала сорока лет. В средние века — не превышала сорока пяти лет. Сегодня она приближается к восьмидесяти годам, но я имею в виду духовный мир человека. В духовном отношении мы умираем раньше. Вам не кажется, что вы проспали свою жизнь, сеньоры, — спросил он и, повышая голос, добавил: — У нынешней системы есть свои хорошие стороны. Она дала нам вакцины, антибиотики, обработку воды и канализацию, новые способы ведения сельского хозяйства, консервацию продуктов питания, чем увеличила среднюю продолжительность физической жизни. Вместе с тем эта же самая система, которая вывела нас на свежий воздух, своими излишествами изъела из этого воздуха кислород. Понимаете?

Мы не понимали, по крайней мере, не совсем. Учитель часто был скуп на слова. Высказывался почти каким-то кодом. Мы не понимали, что он подразумевает, когда говорит об «излишествах» системы. Дабы

наши умы просветлели, он сделал то, что ему всегда нравилось: рассказал одну историю.

— Шотландский бактериолог Александр Флеминг в 1928 году изучал в своей лаборатории одну страшную бактерию. Будучи рассеянным, как всякий хороший ученый, и неся груз множества обязанностей, он, покидая лабораторию, забыл закрыть дверь. Один грибок проник в чашки Петри. Возникла плесень. То, что поначалу казалось катастрофой, обернулось великим открытием — бактерии погибли. После этого открытия был экстрагирован первый антибиотик, пенициллин. Были спасены миллионы жизней. Однако пенициллин применялся слишком часто и без разбора. Результат? Сейчас — катастрофический. Чрезмерное применение антибиотиков привело к появлению бактерий, устойчивых к этим антибиотикам и, следовательно, еще более опасных. Пенициллину, который был самым большим подарком медицины человечеству, теперь вменяют в вину то, что он породил супермикробов, способных разрушить или негативно воздействовать на него. Таким же образом система, увеличившая среднюю продолжительность физической жизни, своими излишествами духовно хоронит нас раньше, чем во времена эпидемий оспы.

Учитель сделал паузу, чтобы отдышаться, и продолжал:

— В физическом отношении мы живем дольше, чем раньше, но время в нашем восприятии теперь течет значительно быстрее. Дни бегут, годы летят. Многие находятся в расцвете сил, чувствуют себя молодыми, а посмотрят — им, оказывается, уже семьдесят или восемьдесят лет. В настоящее время восемьдесят лет воспринимаются как двадцать. Что за излишества так подействовали на возраст?

Ошеломленные и честные слушатели подумали о том, что душило каждого из них.

— Слишком много обязательств, — заявили одни.

— Слишком много информации, — сказали другие.

Но были и такие, которые ответили:

— Излишнее социальное давление, конкуренция, тесные рамки, поборы, необходимость находиться на уровне современных требований.

Мы были обществом излишеств, в том числе и переизбытка глупостей.

Бартоломеу не остался в стороне. К счастью, его мнение узнали только мы.

— Излишнее пьянство. — И поскольку он никогда и никого не оставлял в покое, то счел нужным добавить, посмотрев на нас: — Переизбыток эго, бродяжничества и религиозности.

Мы слегка помяли ему бока.

До сознания собравшихся стало доходить, что жизнь, которую мы ведем, буквально переполнена излишествами. Они нуждались в мечтах. Человек с распухшими губами и синяком под глазом был готов их предложить, хотя бы самую малость.

— Что нужно сделать, чтобы вернуть нашу полную стрессов жизнь в нормальное русло? — спросил обеспокоенный сеньор семидесяти лет.

Учитель был лаконичен и не уходил от прямого ответа.

— Урежьте излишества, даже если это будет сопряжено с потерей денег и статуса. Если вам не хочется стать пожилыми людьми, требующими вернуть себе молодость, которая уже прошла, имейте мужество урезать. Безболезненных урезаний не бывает.

Я задумался. Неужели учитель сам когда-то проявлял смелость и урезал излишества, или он один из тех теоретиков, которые разглагольствуют о том, чего сами на практике никогда не делали? Способен ли человек, не имеющий практического опыта, проникать в сознание других людей? Он дал мне почувствовать, что время мое скоротечно. Я был по горло в излишествах: излишние занятия, беспокойства, раздумья, жалобы, долги. Я создавал «супермикробов», которые лезли мне в душу.

После речи о борьбе с излишествами в области стиля жизни учитель продал великолепное упражнение, развивающее искусство наблюдения, которое мы выполняли один раз в неделю, и закончил свое выступление так:

— Жизнь быстротечна, в том числе и во временном плане. Прожить ее медленно и приятно — это великий вызов, который брошен смертным.

Эти слова напомнили мне, что в прошлом дни пробегали так быстро, что я их не замечал. Теперь, в этом необычном семействе, дни тянулись медленно. Мы вели напряженный образ жизни.

Закончив говорить, учитель почувствовал головокружение. Стресс, который он испытал во время своего выступления, ослабил его, но мы не позволили ему упасть. Соломон и Димас взяли его под руки и вывели из помещения.

Выходил он под горячие аплодисменты. В двухстах метрах от выставочного павильона находился виадук Европейский, под которым учитель собирался отдохнуть. На улице к нему подошел человек и враждебно заговорил:

— Я никогда за один день не слышал столько бредовых идей. Ваши речи — сплошное надувательство.

Мы были оскорблены словами этого типа. Учитель нас успокоил.

— Я уйду, и пусть мои идеи остаются идеями сумасшедшего, а ваши — идеями мудреца, — ответил он незнакомцу и пошел прочь.

Когда он выходил, люди обращали внимание на странного человека и обменивались мнениями: «Уж не собирается ли он основать какое-нибудь новое общество? Где я возьму столько сил, чтобы урезать мои излишества?» Некоторые хотели уехать жить в сельскую местность, разводить там орхидеи, скот или попробовать вернуться в общество, сменить занятие: наняться добровольцем в филантропические институты, например, в онкологические или детские клиники. Но все те же излишества требовали от них отложить реализацию своих замыслов на будущее. Так что домой они вернулись в задумчивости. Спать сразу не ложились, хотелось избавиться от страха потерять себя. Понемногу я начал понимать, что учитель является не столько продавцом грез, сколько продавцом бессонницы.

Когда мы выходили из храма информатики, произошло еще одно событие. Некая хорошо одетая женщина, хотя и видела, что учитель едва держится на ногах, захотела с ним поговорить. Мы объяснили ей, что момент для этого не самый подходящий. Но учитель, забыв о своем головокружении, решил выслушать удрученную женщину.

— У моей горячо любимой шестилетней дочки Жоаны рак. Врачи говорят, что жить ей осталось от силы еще три месяца. Мой свет погас. Я хотела бы умереть вместо нее. Я не могу оставаться дома. Здесь я оказалась, потому что впадаю в отчаяние каждый раз, когда вижу ее, а она у меня особенная. Иногда даже старается успокоить меня.

Мы были потрясены и в очередной раз устыдились своей бесчувственности.

— Дочь моя! — взволнованно начал учитель. — Я не обладаю такой сверхъестественной силой, которая позволила бы мне помочь маленькой Жоане. Но могу сказать, что три страшных месяца пролетят как секунды, тогда как три месяца, прожитых в довольстве, подобны вечности. Не хороните дочь в могилу своего страха. Ступайте домой, откройте ее для себя и позвольте ей открыть вас. Живите с ней полной жизнью, максимально насыщая ее радостью, все то время, которое ей отпущено.

Женщина ушла в приподнятом настроении, обуреваемая желанием превратить каждую минуту в уникальный момент. Мы не знали, проживет ли маленькая Жоана немного больше или нет. Но мы были уверены в том, что за следующие три месяца они смогут прожить более яркую и более активную жизнь, чем большинство родителей и за тридцать лет.

Я вспомнил, каким отцом я был. Захотелось разыскать Жоао Маркоса и просить его простить меня за легкомыслие и интеллектуализм.

Яд социальной назойливости

Пока мы вели своего учителя к Европейскому виадуку, Бартоломеу приотстал от группы. Какой-то репортер пожелал взять у нас интервью, чтобы разузнать побольше о личности и намерениях нашего учителя. Заметив, что Бартоломеу замешкался, репортер отозвал его в сторону и предложил дать интервью. Бартоломеу пришел в возбуждение, не понимая, в какую опасную зону вступает.

Журналист начал с прямых вопросов.

— Правда ли, что мужчина, которого мы слушали, призвал вас следовать за ним, не обещая никакого вознаграждения и никакой безопасности?

— Да, — просто ответил Бартоломеу.

— Это правда, что вы живете под каким-то мостом?

— Не под одним. Мы живем под многими мостами и виадуками.

— Как это? Кто вы такие? За кем идете?

Не зная, что ответить, Бартоломеу, недолго думая, ляпнул:

— Мы? Мы — группа творческих людей.

— Лицедеи, художники, скульпторы? — допытывался журналист, решив, что имеет дело с эксцентричной группой артистов театра. Но ошибся.

Пребывая в веселом настроении, несносный Краснобай ответил:

— Нет. Мы специалисты по усложнению жизни.

И он разразился своим знаменитым хохотом, который был слышен за пятьдесят метров.

Журналист почувствовал себя уязвленным. Что же касается моего друга, то он был чистосердечен и находчив. Через секунду он уже давал пояснения своим словам:

— До сих пор мы лишь усложняли жизнь, а теперь у нас наступил сложный процесс разусложнения. Это нелегко, но мы достигнем своей цели.

Краснобай был преисполнен энтузиазма, ибо это интервью было в его жизни первым. Он чувствовал, как его влечет, хоть и не очень сильно, яд социальной назойливости.

— Но кто лидер группы? Чем он занимается? — продолжал спрашивать заинтересовавшийся интервьюер.

— Я не знаю, кто он такой. Знаю только, что он продает грезы, — простодушно ответил Бартоломеу.

— Продает грезы? Как это? Этот субъект не опасен? Он не сумасшедший?

Ученик посмотрел вокруг и, сделав широкий жест, ответил:

— Сумасшедший он или нет, я не знаю, знаю только, что он говорит, будто все мы живем во всемирном сумасшедшем доме. Шеф хочет перестроить мир, — говорил Бартоломеу, демонстрируя, какие невероятно великие цели ставит перед собой его учитель.

На самом деле учитель хотел заставить людей испытать жажду перемен, ибо только от них эти перемены зависят.

Совершенно сбитый с толку, щелкопер продолжал задавать вопросы:

— Что? Этот оборванец утверждает, что мы живем в глобальной психиатрической лечебнице? И вы в это верите?

— Не знаю, удастся ли ему изменить мир, но мой мир он меняет, — чистосердечно отвечал Бартоломеу.

— Вы анархисты?

Бартоломеу ничего не знал о движении анархистов. Ему не было известно, что Пьер Жозеф Прудон, идейный вдохновитель этого движения, возникшего в 19 веке, выдвигал тезис о построении нового общества, способного расширить права человека и освободить рабочих от эксплуатации промышленным капиталом. В этом новом общественном порядке, созданном организованными рабочими, люди относились бы к своим партнерам справедливо и развивали бы свои возможности. Анархисты не признают ныне действующее правительство, его законы и распоряжения. Они предпочитают жить под собственным управлением. Без опеки государства человек, по их мнению, был бы свободен.

Учитель не разделял основной идеи анархистов. С его точки зрения, человек, не руководствующийся конституцией и не подчиняющийся государственным институтам, творил бы кошмарные жестокости, уродовал бы права других людей, убивал, грабил, жил бы по своим собственным законам и демонстрировал беспрецедентную дикость. Не хотелось ему также, чтобы возрождалось движение хиппи,

возникшее во время американо-вьетнамской войны. Чувство разочарования, охватившее молодежь из-за этой войны, породило крушение надежд, связанных так или иначе с государственными институтами. А это, в свою очередь, породило движение за мир и любовь, однако же без каких бы то ни было социальных обязательств.

Проект торговли мечтами, наоборот, был насыщен обязательствами перед обществом, в особенности в том, что касается прав человека, свободы и психического здоровья. Поэтому тем, кто решил следовать за учителем, он рекомендовал не отказываться от своих общественных обязанностей. И лишь отдельных людей, возможно, наиболее экстравагантных, он брал себе в ученики.

Бартоломеу не знал, что мы не анархисты. И хотя этот экстравагантный ученик не понял сути вопроса, он дал ответ из области наивной философии.

— Послушай, дружок, я понятия не имею, анархисты мы или нет. Что мне известно, так это то, что до самого последнего времени я не знал, кто такой я сам.

— А теперь знаете? — продолжал интересоваться интервьюер.

Ответ нашего друга окончательно поставил репортера в тупик.

— Теперь? Теперь я знаю еще меньше. Я не знаю, кто я такой и что я такое, ибо то, как я раньше себя представлял, оказалось неправдой. Сейчас я принимаю противоядие от того, кем я был, для того, чтобы стать тем, кем я являюсь сейчас. Пока я еще не понимаю, кто я такой, но я ищу себя. Понял, нет?

— Нет! — честно ответил репортер, в голове которого роились одни сомнения.

Бартоломеу радостно отреагировал на эти слова.

— Ого! Как здорово! Я думал, что только я не понимаю. Послушай, приятель, единственное, что я знаю, так это то, что раньше я падал каждый день, а сегодня поднимаю некоторых других, — сказал Бартоломеу и, пристально глядя в глаза репортеру, со страстью в голосе произнес: — А вам не хотелось бы войти в нашу группу?

— Мне — нет! Это дело для придурков, — категорически отверг предложение репортер.

Почувствовав обиду, Бартоломеу на этот раз ответил без присущей ему наивности:

— Ты, хмырь! Откуда тебе это известно? И кроме того, это так хорошо — быть сумасшедшим!

После чего Бартоломеу, проявляя полное неуважение к репортеру, пошел прочь с распростертыми руками, напевая своим пронзительным голосом отрывок из произведения Рауля Сейкса, которое ему очень нравилось: «Я бу-у-уду прекрасным безумцем». Бартоломеу не простился с репортером, а вместо этого закричал: «Ах! Как я люблю эту жизнь!» — и двинулся вперед вразвалку, напевая: «Я бу-у-уду прекрасным безумцем». Он был вне себя от радости.

Журналист еще до интервью с Бартоломеу разработал для себя план и примерное содержание репортажа. Ему оставалось лишь уточнить кое-какие данные. На него давила предубежденность. Бартоломеу же испытал такую эйфорию от первого интервью, что полностью забыл о воздержании и решил пойти и отметить это событие — отправился в бар и надрался. Это был третий рецидив с тех пор, как его пригласили в группу, только первые два были менее глубокими. На этот раз он превзошел самого себя, и дело кончилось тем, что его вышвырнули на улицу.

Заметив его отсутствие, мы начали волноваться. Учитель предложил пойти за ним. Мы с друзьями, не обладавшие таким терпением, говорили друг другу: «Опять! У этого типа нет никакой совести». Час спустя мы нашли его почти в бессознательном состоянии, поставили на ноги, но стоять он не мог. Поняв, что у него размякли мышцы и отсутствовало желание идти, мы подхватили его под обе руки и повели. Димас подталкивал сзади.

— Потише, дружок... Буфер слабоват, — требовал он от Димаса заплетающимся языком.

Время от времени он издавал звуки, идущие откуда-то из живота, вместе с вонью; несло от него похуже, чем от какой-нибудь старой коровы. И при этом он даже подшучивал над нами!

— Мужики, извините за неисправную выхлопную трубу.

Очень хотелось отвесить ему хорошую оплеуху. Возникла мысль: «Нужно было покинуть мир академических идей, чтобы выслушивать откровения какого-то пьянчуги. Это просто невообразимо!» Я никогда не любил ближнего своего, если он не отвечал мне взаимностью. Без взаимности я вообще не считал его ближним. Сейчас я проявлял заботу о человеке, который мало того что не отвечал мне взаимностью,

но еще и всячески досаждал мне. Последние тридцать метров нам пришлось буквально нести его на руках, так как он совершенно не мог идти. Ужаснее всего были его признания в любви к нам на плохом английском:

— I love you, мужики, I love you very much, much, much.

Вспотевшие и уставшие, мы заговорили хором:

— Заткнись, Бартоломеу!

Но безрезультатно. Просьба успокоиться лишь обостряла его застарелую патологическую страсть к болтовне. По дороге к виадуку он раз десять сказал, что любит нас. Возможно, он говорил правду, а может быть, его расположение к нам было сильнее, чем наше к нему. Когда мы дотащились до виадука, размякший пьянчужка попытался расцеловать нас в знак благодарности. Это было уже слишком. Мы бросили его на пол, постаравшись однако, чтобы он не ударился головой. Совсем обнаглев, он посмотрел на нас и произнес:

— My friends, это большая честь для меня, что вы несли меня на руках.

Совершенно потеряв терпение, мы обратились к учителю с серьезной просьбой:

— Отправьте этого типа в Общество анонимных алкоголиков. — При этом мы понимали, что без него группа лишится своей эксцентричности.

— Поместите его в какую-нибудь пси... пси... психиатрическую лечебницу, — взмолился Димас.

— Учитель, сколько можно ухаживать за ним? — поинтересовался Чудотворец.

Лучше бы нам было не слышать ответ учителя, поскольку он фактически подтвердил слова Бартоломеу.

— Носить его на руках — это привилегия.

Бартоломеу, хотя и был пьян, немедленно почувствовал себя привилегированной личностью.

— Вы слышали, что сказал учитель? Я вам не какая-нибудь мелкота, нет!

Говорил он почти нечленораздельно, хотя достаточно внятно для того, чтобы еще сильнее разозлить нас. Но продавец грез тут же добавил:

— Лучше нести самому, чем позволить, чтобы несли тебя. Лучше поддерживать, чем быть поддержанным.

Потом он сказал мне нечто такое, что в корне противоречило моим атеистическим убеждениям.

— Бог, сотворенный человеком, Бог религиозный беспощаден, непримирим, нетерпим к чужому успеху и предубежден. Однако Бог, который скрывается за кулисами театра жизни, добр. Его способность прощать неблагоразумна, она подвигает нас на то, чтобы переносить столько раз, сколько потребуется, тех, кто приводит нас в отчаяние.

Когда учитель говорил, его слова вызывали у меня сомнение. Я вспомнил собственное исследование текстов Ветхого Завета, и в моем воображении возник Бог жесткий, агрессивный и нетерпимый. «Где же тот самый добрый Бог? Где Бог терпимый, если Он принимал только народ Израиля?»- спрашивал я себя. Учитель, словно угадав, о чем я думал, ответил:

— Существование доброго Бога засвидетельствовано в стихах и прозе из уст Учителя Учителей. Оно было засвидетельствовано, когда Он назвал Иуду другом в момент его предательства. Оно было засвидетельствовано, когда Иисус, страдавший на кресте, взывал: «Отче, прости их, ибо не ведают, что творят». Он защищал тех, кто Его ненавидел, любил своих врагов, трогательно заступался за своих мучителей.

Слова учителя проникал и в самые отдаленные уголки моего «я», выставляя напоказ то, что мне самому не хватает доброты. Мне никогда не было свойственно прощение. Я так и не простил своего сына за то, что он употреблял наркотики. С моей точки зрения, он пренебрегал тем блестящим образованием, что я ему дал. Я так и не простил мою жену за то, что она меня покинула. С моей точки зрения, она покинула одного из лучших мужчин в мире. Я так и не простил своего отца за то, что тот покончил жизнь самоубийством. С моей точки зрения, он совершил самое большое преступление, оставив меня, когда я был еще маленьким. Я так и не простил своих коллег-преподавателей, которые предали меня, хотя обещали свою поддержку на кафедре. Я называл их бандой трусливых завистников.

Совместные прогулки с учителем дали мне возможность прощать и спокойно выносить безответственного пьянчугу, сумасбродного любителя наслаждений. Как же я смог делать это, не предъявляя

претензий? Для меня это было трудно, очень трудно. Но я начинал любить этого зубоскала. У Бартоломеу было то, что мне всегда хотелось иметь: оригинальность и твердое самоуважение. С социологической точки зрения, безответственные люди более счастливы, чем люди ответственные. Проблема заключается в том, что безответственные люди зависят от ответственных, которые носят их на руках.

На другой день интервью Бартоломеу начало давать свои плоды.

На первой полосе известной газеты была размещена фотография учителя со следующей подписью: «Психопат называет современную общественную систему всемирным сумасшедшим домом».

Журналист сообщал, что существует некий безумец, утверждающий, что человечество представляет собой гигантский сумасшедший дом. Но теперь, говорит безумец, этот сумасшедший дом не похож на мрачные, зловонные, холодные и темные психиатрические лечебницы прошлого. Он стал местом привлекательным, красивым, хорошо освещенным и полным различных хитроумных приспособлений. Превосходным местом для совершенствования наших безумств, чтобы они не мешали нам жить.

Он произносит свои речи в публичных местах, имея целью изменить образ мыслей людей. Никому неизвестно, откуда он пришел, но для того чтобы сделать из людей посмешище, он называет себя продавцом грез. Репортаж сопровождался фотографиями людей, следовавших за ним. Здесь же говорилось, что этот возмутитель спокойствия помешан, но вместе с тем наделен харизмой. Он просто мастер соблазна. В его сети попадают даже ответственные администраторы. За ним следует шайка простофиль, некультурных и необразованных. Репортер сообщал также, что этот человек не совершает чудес и не считает себя мессией, но что со времен жития в Иудее и Галилее человека Иисуса, наверное, еще не было умалишенного, который с таким бесстыдством норовил бы повторить его дела.

В репортаже ни разу не упоминались волнующие всех идеи учителя. Ничего не было сказано о необходимости диалога с самим собой, о вечном и бессознательном сне, на который обречены все компьютеры, об излишествах системы, которые приводят нас к ранней психической смерти. Репортер ничего не сказал о резком сокращении

средней продолжительности духовной жизни. В конце репортажа журналист сообщал, что сопровождающие человека люди являются шайкой анархистов, угрожающих демократии и способных развязать волну терроризма.

Репортер смешал нашу жизнь с грязью. Диффамация была безапелляционной и не оставила камня на камне от нашего проекта. Мы были крайне удручены и чувствовали себя несчастными. Как мне казалось, никаких возможностей для продолжения деятельности не было. Гораздо проще было погрязнуть в вонючей жиже индивидуализма. В то время как мы тонули в болоте этой клеветы, на сцене в очередной раз появился учитель и попытался успокоить наше возбужденное сознание. Можно было подумать, что он столько пережил на своем веку, что такие пустяки его уже не волновали.

— вспомните о ласточках. Мы не склонны превращаться в мифы, — сказал он и, обращаясь к истокам нашей слабости, добавил: — никогда не забывайте, что нельзя служить двум хозяевам: либо мы продаем мечты, либо продолжаем заботиться о сохранении нашего общественного имиджа. Либо мы остаемся верными нашему собственному пониманию мира, либо склонны слушать то, что о нас говорят другие.

И учитель в очередной раз сказал, что мы вольны идти на все четыре стороны.

— Обо мне не беспокойтесь. Вы уже принесли много радости мне и многим другим. Я научился любить их и восхищаться ими — такими, какие они есть. Мне не хочется, чтобы вы рисковали своими жизнями. Так что будет лучше, если вы уйдете.

Но куда нам было идти? Нам уже не удастся стать «нормальными» смертными, слугами системы, людьми, морально уничтоженными убийственной социальной рутинной, специалистами по предъявлению претензий к жизни в ожидании смерти. Мы превратились в необычную семью. Эгоизм прошлого все еще был жив, но постепенно уступал место радости служить другим.

И мы решили остаться. В конечном итоге, если человек, более всех оклеветанный репортером, считал себя свободным, какой смысл нам заковывать себя в цепи? В течение дня мы начали понимать, что стрелок-репортер просто-напросто промазал. Его репортаж, вместо того чтобы привести к ликвидации движения, подлил масла в огонь,

который это движение подогревал. Людям страшно надоело читать сообщения об убийствах, дорожно-транспортных происшествиях, изнасилованиях, кражах. В монотонном мегаполисе, соскучившемся по чему-нибудь новому, наш учитель превратился в общественный феномен.

Люди жаждали новостей, даже если в них речь шла о безумствах. Продавец грез стал местной знаменитостью, обрел такую известность, которой больше всего боялся. Начиная с этого момента за ним неизменно следовали папарацци, дежурные профессионалы, находящиеся в постоянном поиске «жареных фактов», порой раздувающие громкие сенсации.

Осознав, что он становится все более знаменитым учитель недовольно покачал головой.

— Для того чтобы сотворить Бога, — предупредил он нас, — в атмосфере постоянных стрессов, достаточно совсем немного харизмы и способности к лидерству. Будьте осторожны, система кое-что дает, но кое-что и отнимает, в частности то человеческое, что в нас еще осталось.

Я понял, что учитель хотел этим сказать. Самый культурный народ земли, народ, представители которого в начале двадцатого века завоевали больше всего Нобелевских премий, в период социального кризиса возвел на престол Гитлера. Времена кризиса суть времена ожидания перемен — то ли к лучшему, то ли к худшему. Предупреждая нас о рисках, которые несет с собой власть, учитель говорил:

— Большинство людей не готовы принять на себя бразды правления. Власть пробуждает химеры, таящиеся в человеке под маской гуманности. Это химеры авторитаризма, желаний управлять, шантажировать и срывать аплодисменты. Власть в руках мудреца превращает его в ученика, а власть в руках глупца превращает его в диктатора. Если однажды в ваших руках окажется огромная власть, какие химеры выйдут из потайных уголков вашей души и возьмут под контроль ваше тело? — спросил нас учитель.

Этот вопрос поставил нас в неловкое положение. Когда я встал во главе кафедры, некоторые химеры действительно вышли из потайных уголков моей души и овладели телом. Я стал строгим, непреклонным и требовательным. Я понял, что человек узнается не по ласковым

словам, не по добродушию или простоте в обращении, а лишь тогда, когда у него появляются власть и деньги.

Учитель рассуждал об этих сложных проблемах в такой манере, которая меня живо заинтересовала. Он одевался как нищий, но его речь свидетельствовала о том, что он не тот преподаватель, который обучает чему-то, не имеющему отношения к его собственной жизни. Можно было подумать, что у него самого было когда-то много власти. Но какой властью может располагать человек бедный, не имеющий счета в банке, не имеющий собственного дома и документов?

Некоторые религиозные люди начали высоко оценивать идеи, которые он высказывал, других же он сильно беспокоил. Бог был их собственностью. Они были теологами, знатоками природы Божественного. Жалкий бедняк, живущий под мостами маргинал не был достоин их внимания. Некоторые религиозные радикалы задавали себе вопросы: «Не является ли он пророком зла? Не является ли он антихристом, о пришествии которого говорят уже много столетий?» Все дело в том, что учитель превратился в загадочную фигуру. Он хотел быть незаметным, но спрятаться было просто невозможно.

У него начали просить автографы прямо на улице. Но он в таких случаях смотрел людям в глаза и удивлял вопросами:

— Как я могу давать автограф человеку, который или такой же важный, как я сам, либо еще важнее меня? Мне понадобились бы многие десятилетия для того, чтобы хоть немного узнать вас, понять устои вашего интеллекта и выявить некоторые нити, из которых сотканы ваши размышления. Это я имею честь познакомиться с вами. Пожалуйста, дайте мне ваш автограф.

Люди уходили от него в удивлении и задумчивости. Некоторые покупали мечту о том, что нет ни знаменитостей, ни безвестных людей, но есть человеческие существа, выполняющие различные функции в обществе.

Превосходство женщин

В последующие дни мы жили как у Христа за пазухой. Никаких бурь в атмосфере. Никаких социальных неприятностей. Никаких отказов. Мы пользовались престижем, следствием общественного признания. Ничего плохого не случалось с теми, кто бросил вызов могущественной системе и проживал в негостеприимных местах. Мы и не представляли себе, что нас ждет впереди.

В самый разгар этой идиллии учитель снова удивил нас. Он пригласил нас в самый очаровательный из храмов — в храм моды, расположенный на юге города и представлявший собой тесный ряд бутиков известных модельеров. Могущественная группа «Мегасофт» была представлена и здесь сетью торговых домов женского платья под названием «Ля Фам», которую составляли десять международных отделений, управляющих двумя тысячами магазинов в двадцати странах.

Мы нашли приглашение учителя из ряда вон выходящим. Это место явно не подходило для торговли грезами. В конечном счете мы решили, что в атмосфере этого района наверняка процветает самоуважение. Нам казалось, что существует некое закрытое сообщество, где царят культ тела, жизнерадостность, восхищение красотой, где можно встретить самых прекрасных и счастливых женщин.

«Почему учителю захотелось пойти в такое место? — размышляли мы. — Что он там будет делать? Какую линию поведения изберет? С кем будет разговаривать?» Эти вопросы не давали нам покоя. Мы надеялись, что он будет вести себя тихо, не станет провоцировать беспорядки, но понимали, что это практически невозможно.

Попасть туда — уже проблема. Ведь мы так и не смогли войти в храм информатики, как мы про никнем в храм моды? Наши костюмы были весьма живописны, но далеки от строгих требований моды. Мы производили впечатление людей экстравагантных и потрепанных, людей, на которых обращали внимание не потому, что они были

привлекательны, а потому, что они не такие, как все. Нас, конечно же, прогонят прочь.

Учитель надел черный блейзер, вылинявший и весь в заплатках, приобретенный им на каком-то развале; к тому же он был ему велик. Брюки у него были черные, непонятного покроя, с задними карманами, с заплатами синего цвета; рубашка — бледно-зеленая, помятая и испачканная чернилами.

На мне были рубашка для игры в поло и бежевые ботинки, подаренные одним из попутчиков, вновь обретшим свои грезы. Все мы носили лохмотья, но облачения Бартоломеу были самыми забавными и в какой-то мере просто нелепыми. Его желтые брюки заканчивались намного выше лодыжек. Их ему подарила одна вдова, проживавшая неподалеку от Европейского виадука. Раньше они принадлежали ее мужу. Бартоломеу с превеликим удовольствием принял этот подарок, поскольку жил по пословице: «Дареному коню в зубы не смотрят». Левый носок был цвета морской волны, а правый — темно-голубой. Белая рубаха в точности соответствовала его характеру и прямо-таки кричала: «Не следуйте за мной! Я заблудился!»

Проникнув в огромный холл благородного салона мод, учитель внимательно присмотрелся к очень хорошо одетым посетителям и вернулся к нашей группе. Он не стал произносить речей и критиковать мир моды.

— Я хочу пригласить торговать грезами нескольких женщин. Что скажете на это?

Мужчин затрясло. Мы были экстравагантной, эксцентричной, очень необычной группой, но мы приноравливались друг к другу. Иногда возникали некоторые разногласия, но мы эти конфликты улаживали. Наши споры, когда их не слышал учитель, были горячими, но не выходящими за рамки. Пригласить в наше братство женщин — это было уже слишком. Правильно ли это?

Я высказался сразу же:

— Женщин, учитель? Думаю, что это не самое мудрое решение.

— Почему? — спросил он меня. Еще до того как я успел ответить, в разговор, к счастью, вмешался поддержавший меня Краснобай.

— Они не вынесут трудностей. Как они смогут спать под мостами?

— Какими уборными будут пользоваться? Перед какими зеркалами прихорашиваться? — начал вслух размышлять Соломон.

— А кто говорит, что им нужно бросить свое жилище, чтобы следовать за нами? — возразил учитель. — В конце концов, каждый человек должен продавать мечты в той обстановке, в которой живет, как себе самому, так и другим.

На этот раз его слова настроения нам не подняли. Мы не могли допустить, чтобы женщина участвовала в делах группы, хотя бы и частично. Как бы учитель ни призывал нас к бдительности, после сражений, споров и столкновений на социальной почве мы были отравлены определенной дозой героизма. Мы чувствовали себя революционерами, действующими лицами фантастического социологического эксперимента. Нам не хотелось делиться славой. Инфицированные микробами дискриминации, мы полагали, что женщины поубавят нам отваги.

— Следовать за вами, учитель, это дело... для мачо, и мачо настоящих. Слишком много... Женщины слишком много говорят и мало делают, — убежденно заговорил Рука Ангела, почти не заикаясь. Но тут же понял, что проявил беспардонность и перешел на извиняющийся тон.

Мы сроднились с учителем и с его проектом. И нам хотелось оставить его чисто мужским. Не поддержал предложение учителя и Эдсон. Чтобы убедить учителя отказаться от этой затеи, он обратился к имеющемуся у него запасу теологических знаний.

— Учитель, Будда призывал следовать за собой мужчин, последователями Конфуция были мужчины, Иисус позвал учеников. Как вы пригласите следовать за вами женщин? Вспомните историю! Ничего из этого не получится.

Впервые группа не могла удержаться от похвал Чудотворцу. У нас появилась надежда, что он может предложить нечто интересное. Но продавец идей рассердился и потребовал у теолога ответа:

— Когда Учитель Учителей призвал своих учеников, какую роль он им отвел в своем плане — главную или второстепенную?

— Главную, разумеется, — ответил Чудотворец без запинки.

— А женщинам?

Эдсон задумался, пораскинул умом, поднес руки ко лбу, так как понимал, что может начать противоречить самому себе. И после

долгого анализа выдал хитрый ответ:

— Не могу сказать, что второстепенную, поскольку они оказывали ему материальную помощь, но главной роли они не играли, так как не принимали активного участия в его проекте.

Я подумал: «Ну и ну! Я считал, что кругозор Эдсона ограничен, но в очередной раз мне приходится прикусить язык».

Учитель снова посмотрел на него, потом на всех нас.

— Ошибаетесь, — сказал он и замолчал.

Поскольку, будучи социологом, я изучал тексты, считающиеся священными, мне показалось, что Эдсон прав, и я стал ждать аргументов учителя, не очень веря, что в этом случае ему удастся убедить нас.

— Они всегда играли главную роль в его проекте. Во-первых, согласно Священному Писанию, для обучения Иисуса-младенца Бог не выбрал ни касту фарисеев, ни священнослужителей, ни греческих философов, а выбрал юную женщину, еще не попавшую под власть существующей мужской системы.

Услышав эти слова, про звучащие как взрыв бомбы, мы почесали затылки.

— Во-вторых, первым человеком, возвестившим о Нем в Палестине, была женщина, женщина-самаритянка. Она вела беспорядочный образ жизни, спала со многими мужчинами, но Его слов оказалось достаточно для того, чтобы удовлетворить ее внутреннюю жажду. Преисполнившись решимости, она собрала свой народ и рассказала им о человеке, взволновавшем ее. — Сказав это, учитель помолчал, чтобы перевести дух и добавил такое, отчего мы буквально остолбенели: — Проститутка оказалась более благородной, чем церковные иерархи того времени.

Бартоломеу произнес фразу, которая разрядила возникшую было напряженность. Не знаю, откуда у него такое богатое воображение.

— Шеф, я всегда думал, что женщины умнее мужчин, проблема лишь в том, что кто-то изобрел кредитную карточку... — сказал он и улыбнулся.

Своей иронией он дал понять, что мужчины содержат женщин, хотя, сказать по правде, сам он как раз частенько находился на содержании у женщин.

Учитель, которому не понравилась наша мужская предвзятость, нанес еще один удар. Он снова спросил у нашего дежурного теолога:

— Скажите мне, Эдсон, в самый важный момент в жизни Иисуса, когда Его тело содрогалось на кресте, а сердце делало последние удары, какую роль играли мужчины: главную или второстепенную?

Побледневший Эдсон медлил с ответом. Мы покраснели. В этой тишине раздался голос учителя:

— Его ученики были героями, когда Он потрясал мир, но оказались трусами, когда мир обрушился на Него: затихли, бежали, отреклись, предали. Но и такими Он их любил. В мужчинах больше робости, чем в женщинах.

В социологическом порыве я попытался оспорить его слова:

— Но ведь они не воюют! Не берут в руки оружия! Не совершают революций!

И незамедлительно получил ответ.

— Оружием пользуются слабые; сильные предпочитают диалог. — И тут же задал вопрос, которого мы боялись: — Где находились женщины, когда он умирал?

Без большого воодушевления, мы, знающие Писание, сказали:

— Они были возле креста.

— Более того, они находились в эпицентре Его проекта. И знаете почему? Потому что женщины сильнее, умнее, чувствительнее, гуманнее; они добрее, альтруистичнее, терпимее, они более верные и рассудительные друзья, чем мужчины. Достаточно сказать, что девяносто процентов уголовных преступлений особой жестокости совершают мужчины.

Мы были потрясены таким обилием имен прилагательных, подчеркивающих превосходство женщин. Учитель не был похож на феминиста, не был он похож и на человека, бросающего слова на ветер в попытке реабилитировать женщин, которые в течение многих тысячелетий подвергались дискриминации. Казалось, что он твердо убежден в том, что говорит.

С его точки зрения, система, в условиях которой существует человечество, была задумана мужским сознанием, хотя ее создатели и не ведали, что однажды окажутся жертвами собственного творения. Женщины с их добротой и смелостью должны были подключиться к

активной общественной работе и продавать мечты, и при том в большом количестве.

Храм моды: улыбка в атмосфере хаоса

Показав, что самый образованный из учеников Иисуса — Иуда — предал Его, самый сильный из учеников — Петр — отрекся от Него, а остальные ученики, за исключением Иоанна, обратились в бегство, иными словами, показав слабость, свойственную мужскому полу, и величие пола женского, учитель пояснил, почему он пришел в храм моды. Он начал собирать воедино сведения, известные в социологических кругах, но неизвестные некоторым его последователям.

Учитель сказал, что в прошлом мужская система считала женщин низшим классом, затыкала им рот, жгла их на кострах, забрасывала камнями. Со временем они добились освобождения, восстановили отчасти свои права. Потом он сделал паузу в своих рассуждениях и сказал: «Номер один». То, что он начал присваивать номера идеям, высказываемым в диалоге, меня обеспокоило. Мы это уже проходили.

Учитель напомнил, что женщины теперь участвуют в выборах, блистают в ученом мире, делают карьеру в корпорациях, занимают другие высокие социальные позиции. С каждым днем женщины становятся все более дерзкими. Они начали энергично переделывать некоторые жизненно важные социальные сферы, приносить терпимость, солидарность, товарищество, привязанность и романтизм. Однако система не простила им их смелости.

Она подготовила для них самую подлую и хитроумную западню. Вместо того чтобы превозносить их ум и общепризнанную чувствительность, она начала превозносить красоту женского тела так энергично, как не делала этого никогда раньше. Она раздула культ красоты до чудовищно широких масштабов для того, чтобы продвигать на рынок товары и услуги. Женщины, надо думать, от этого почувствовали себя на седьмом небе. Казалось, современные сообщества хотели компенсировать тысячелетия презрительного отношения к ним. Какая наивность! Учитель остановился, чтобы перевести дух.

Пристально глядя на огромный и богато украшенный храм моды, учитель начал громким голосом приглашать посетителей принять

участие в разговоре о последней моде. Странно выглядел человек, одетый в такие лохмотья и желающий говорить о моде. Но поскольку мир моды весьма текуч, мы решили, что будем представлять здесь модельера, восставшего против условностей. Однако когда нас начали окружать прекрасно одетые люди, мы почувствовали себя не в своей тарелке. Некоторые из них узнали учителя.

Учитель же, не мешкая, принялся излагать свои идеи.

— Стоило женщинам почувствовать себя на верхней ступеньке мужского мира, как мир моды сковал их самым суровым и хитроумным стереотипом! — сказал он и с глубокой печалью произнес: «Номер два».

Я не понимал, куда клонит сеятель идей. Мне было известно, что стереотипы являются категорией социологической. Стереотип безумца, наркомана, коррумпированного политика, социалиста, буржуя, еврея, террориста, гомосексуалиста. Мы пользовались этими стереотипами как заскорузлым ярлыком для того, чтобы осуждать отдельных людей определенного типа поведения. Мы не оценивали состояние их психики на наличие изъянов и сразу же бросали их за решетку на основании все тех же идиотских стереотипов, классифицируя как людей, искалеченных наркотиками, жадностью, психическими заболеваниями. Стереотипы уничтожают то человеческое, что еще осталось в системе.

Но что наипрекраснейший мир моды имеет общего со стереотипами? Женщины получили право одеваться так, как им хотелось, покупать одежду, которая, по их мнению, больше всего шла им и подчеркивала их красоту. Мне было непонятно, почему так велика озабоченность учителя. По мере того как он излагал свои мысли, я все более удивлялся.

— Стереотип прекрасного в мире моды начал формироваться методом генетического исключения. Какой кошмар! Какая несправедливость!

До этого момента Бартоломеу пребывал в нерешительности.

— Шеф, и сколько же этот стереотип стоит? — спросил он, полагая, что речь идет о каком-то предмете одежды.

— Последствия очень дорогие, — ответил ему учитель и пояснил: — для того чтобы довести объем продаж до максимума и породить у женщин зависимость, мир моды начал предлагать в качестве идеала

красоты тело молодой девушки, совершенно не похожей на обычную. Одна из десяти тысяч девушек с точеной фигуркой, красивым лицом, носом, бедрами, бюстом и шеей с течением времени превратилась в стереотип прекрасного. Какое влияние это оказало на коллективное подсознание?

Вокруг нас постепенно собиралась толпа. После небольшой паузы учитель продолжил:

— Генетическое исключение видоизменило правила. Дети принесли в театр жизни кукол Барби с их безупречным торсом, а взрослые превратили эти модели в образец недостижимой красоты. Миллионы женщин, словно в наркотическом опьянении, вынуждены гнаться за этим недостижимым идеалом. Те, которые всегда были добрее и дружелюбнее мужчин, сами того не понимая, занялись самоистязанием. Даже китайки и японки подгоняют свою внешность под западный эталон красоты. Вам это известно?

Я об этом не знал. Но откуда знал он? Как может человек, не имеющий отношения к моде, быть настолько хорошо информированным в этой области? Вдруг он прервал мои размышления и угрюмо провозгласил: «Номер три».

После чего он продолжил свой рассказ о том, как подобная модель тихой сапой про никла в коллективное подсознание и взорвала понятие о собственном образе, вызвав невиданный в истории терроризм, направленный против самоуважения. В прошлом стереотипы не имели серьезных коллективных последствий, поскольку тогда мы еще не были единой мировой деревней. Когда женщины думали, что находятся в свободном полете, система подрезала им крылья «синдромом Барби».

Какой-то модельер, напряженно выговаривая слова, потребовал объяснений:

— Это бабушкины сказки. Я не разделяю ваших идей.

— Хорошо, если бы было именно так. Согласившиеся с ними оказались бы в дураках, — ответил учитель и сказал: «Номер четвертый».

В этот момент одна девушка, сильно смущаясь, спросила:

— Почему вы все время называете какие-то номера?

Учитель посмотрел на меня и сделал паузу секунд в пятнадцать. Казалось, что его унесло куда-то далеко-далеко и он, как луч света,

выхватывает из мрака многие семьи, потерявшие своих дочерей и сыновей. Из этого путешествия он вернулся со слезами на глазах и ответил, обращаясь ко всем:

— Лусия, робкая девушка, активная творческая личность, отличница, весит 34 килограмма, и это при росте в 166 сантиметров. У нее выпирают ребра, что выглядит отвратительно, но она отказывает себе в еде из-за боязни растолстеть. Марсия, улыбчивая и общительная девушка, милейшее существо, весит 35 килограммов при росте 160 сантиметров. Ее мертвенно-бледное лицо приводит ее друзей и родителей в отчаяние, но и она отказывается от еды. Бернардете весит 43 килограмма при росте 170 сантиметров. Когда-то она любила общаться, но теперь ушла в Интернет — и от своего любимого, и от друзей, и от непринужденных бесед с живыми людьми. Рафаэла весит 48 килограммов при росте 183 сантиметра. Она когда-то играла в волейбол, ей нравилось ходить на пляж и бегать там по песку, но сейчас она умирает от истощения.

После этого он сделал еще одну паузу, внимательно посмотрел на собравшихся и сказал:

— Пока я здесь с вами разговариваю, четыре девушки заболели анорексией. Одни преодолевают свои недуги, другие их увековечивают. И если вы спросили бы их, почему они не едят, то в ответ услышали бы: «Потому что мы слишком полные». Миллиарды клеток требуют питания, но этим молодым женщинам чуждо сострадание к собственному телу, у которого уже нет сил ни для физических упражнений, ни даже для ходьбы. Отчаянное стремление соответствовать стереотипу прекрасного привело их к серьезнейшим заболеваниям и уничтожило то, чего нам никогда не удавалось уничтожить естественным путем, — инстинкт голода.

Затем учитель добавил, что если бы эти девушки жили в сообществах, где стереотип не имеет решающего значения, то они бы не страдали от этих заболеваний. Однако они живут в современном обществе, которое не только пропагандирует нездоровую худобу, но и переоценивает определенный тип глаз, шеи, бюста, бедер, размер носа, — иными словами, они живут в мире, исключаящем и дискриминирующем тех, кто не соответствует общепринятому образцу. И хуже всего то, что делается это очень тонко, закончил он, подчеркнув:

— Я согласен, что случаются расстройства питания, связанные только с обменом веществ, но причины социального порядка нельзя ни отрицать, ни оправдывать. В мире сейчас пятьдесят миллионов человек страдают нервной анорексией, число, сравнимое с потерями во Второй мировой войне.

Внезапно учитель отказался от спокойной манеры повествования, оставил доброжелательный тон, словно в приступе безумия вскочил на кресло, стоявшее рядом с ним, и что было сил заорал:

— Социальная система коварна! Она кричит, когда следует замолчать, и молчит, когда нужно кричать! Я ничего не имею против манекенщиц и против умных модельеров с их творчеством, но система забыла прокричать, что прекрасное не может быть смоделировано!

Некоторых людей, в том числе манекенщиц мирового класса и знаменитых модельеров, заинтересовали слова эксцентричного мужчины, пропагандировавшего свои взгляды. В различных сообществах уже существовали люди, которые боролись с этой дискриминацией, но их борьба была робкой в сравнении с чудовищностью системы. Учитель не всегда был покорным и терпеливым. В некоторых ситуациях он демонстрировал раздражение и отрицательное отношение к соглашательству. Испив горькую чашу возмущения, он вновь обратился к своему излюбленному методу Сократа.

— В каких показах мод участвуют толстушки? Где женщины с горбатыми носами? Почему в этом храме девушки с большими попками и малозаметными грудями прячутся от всех? Они что, не являются человеческими существами? Они не прекрасны? Почему мир моды, возникший для того, чтобы дарить радость, сводит на нет самоуважение женщин? Что это за признанная обществом дискриминация? Не напоминает ли она вам своей жестокостью дискриминацию негров?

Эти вопросы породили во мне глубокое отвращение к системе. Пока все думали над словами учителя, Бартоломеу снова внес свою изюминку в про исходящее. Он поднял руки и самым нахальным образом попытался поддержать учителя:

— Шеф, я с вами согласен! Я женщин не дискриминирую. Я уже переспал со всеми страхоллюдинами!

Слушателям подобная непочтительность не очень понравилась. Мы же насторожились и были так удручены, что посмотрели на неуправляемого товарища и сказали фразу, уже давно ставшую частью нашего культурного наследия:

— Бартоломеу, прикинься нормальным!

Идеи учителя растревожили слушателей. Некоторые были восхищены ими и смотрели на учителя, раскрыв рот, другие эти идеи возненавидели, образно говоря, всеми фибрами своих костюмов. Папарацци начали энергично фотографировать нас. Им очень хотелось зафиксировать скандал года.

Услышав смех слушателей, вызванный словами ученика, большого мастера задавать вопросы и высказывать свое мнение, учитель понизил голос и с большим пафосом произнес несколько просьб:

— Умоляю интеллигентных модельеров любить женщин, всех, вкладывать средства в их психическое здоровье и не прибегать к генетическим исключениям для того, чтобы явить миру свое искусство. Вы можете потерять деньги, но выиграте неслыханно много. Продавайте мечту о том, что каждая женщина прекрасна в своей индивидуальности.

Некоторые ему заплодировали, в том числе три манекенщицы мирового класса, которые стояли справа от меня. Позднее нам стало известно, что манекенщицы подвержены разного рода психическим отклонениям. Шанс заболеть анорексией у них в десять раз выше, чем у прочих людей. Система возвела их на трон и одновременно упрятала в тюрьму самого строгого режима. Пройдет совсем немного времени, как от их услуг откажутся.

Три человека освистали учителя. Один из них бросил ему в лицо пластмассовую бутылку с водой, разбив в кровь правую бровь. Мы тронули учителя за руку, желая остановить его, но свист и бутылка его не испугали. Вытирая кровь старым носовым платком, он попросил тишины и продолжил свою речь. Я стоял и думал: «Множество людей прячут свои мысли под маской общественного имиджа; а вот я следую за человеком, который верен своим идеалам». Тут же он сделал предложение, которое нас крайне удивило:

— Девяносто семь процентов женщин в некоторых современных сообществах считают себя некрасивыми. Поэтому в каждом магазине

готовой одежды и на каждой этикетке следует размещать текст, похожий на тот, что можно увидеть на пачках сигарет, примерно такого содержания: «Каждая женщина прекрасна. Никаких стандартов красоты быть не может».

Это высказывание произвело большое впечатление на представителей СМИ. Прямо в тот момент, когда учитель произнес его, один репортер сфотографировал учителя в таком ракурсе, чтобы на снимке была видна верхняя часть его тела на фоне фирменного знака международной сети магазинов одежды «Ля Фам».

Думая над идеями учителя, я не мог не задать себе вопрос: «Кто этот человек, выступающий с такими революционными предложениями? Каковы источники его знаний?» В сдержанных беседах он говорил нам о том, как через сто лет после отмены рабства Авраамом Линкольном на улицах крупных американских городов против дискриминации продолжал бороться Мартин Лютер Кинг. Для того чтобы внедрить дискриминацию, требуются часы, а для того чтобы искоренить ее, требуются века.

Заговорив о том, что фундаментальные проявления жизни не могут быть подогнаны под определенные стандарты, учитель выбрал язвительный тон. Секс, вкус пищи, аппетит, искусство и красоту классифицировать невозможно.

— Как часто следует заниматься сексом? Каждый день? Один раз в неделю? Раз в месяц? Любая попытка классификации породила бы серьезные перекосы. Не является ли нормой то, что удовлетворяет того или иного человека? И не удовлетворяет ли человека то, чего ему достаточно?

Одна манекенщица мирового класса по имени Моника, девушка несравненной красоты, которую очень тронули слова учителя, перебила его и, набравшись смелости, заговорила при всех:

— А я только и знала, что демонстрировала, демонстрировала... Мой мир ограничивался подиумами. Меня снимали лучшие фотографы мира. Мое тело красовалось на обложках самых известных журналов. Мир моды вознес меня на самую вершину, но тот же самый мир вышвырнул меня на улицу, когда я прибавила в весе пять килограммов. Теперь у меня булимия. Принимаю пищу, не имея сил отказаться от нее, и тут же мною овладевает чувство вины и досады, в итоге я искусственно вызываю рвоту. Жизнь моя превратилась в ад. Я

не чувствую вкуса съестного и уже не знаю, кто я такая и что мне нравится. Я трижды пыталась покончить с собой.

В ее глазах не было слез, потому что она их уже выплакала. Учитель, поняв страдания манекенщицы, дважды вздохнул. Пришло понимание, что пора закругляться и что опыт Моники красноречивее его слов. Но сначала он захотел увидеть улыбку Моники. Учитель вышел из задумчивого состояния, настроился на юмористический лад и, расслабившись, спросил:

— Когда женщины смотрят в зеркало, они бессознательно произносят одну известную фразу. Какую?

Женщины ответили в один голос: «Зеркальце, зеркальце, есть ли на свете кто-нибудь красивее меня?»

— Нет! Они говорят так: «Зеркальце, зеркальце, есть ли на свете кто-нибудь, у кого дефектов больше, чем у меня?»

Люди засмеялись. Моника же просто расхохоталась. Она уже пять лет так не смеялась. Это было как раз то, чего учитель добивался: продать ей мечту о веселом настроении. Превосходный социологический эксперимент. Я впервые увидел, как из хаоса возникает хорошее настроение.

Бартоломеу подошел к учителю и сказал:

— Шеф, когда я смотрю в зеркало, то не замечаю у себя никаких дефектов. Значит ли это, что у меня есть проблема?

— Нет, Бартоломеу, вы прекрасны. Посмотрите на своих друзей, разве они не прекрасны?

Краснобай посмотрел на группу учеников.

— Шеф, не перегибайте палку. Они и так о себе высокого мнения.

Мы посмеялись и удалились. Никогда еще мы не чувствовали себя такими красивыми, по крайней мере, в своих собственных глазах.

Призваны манекенщица и революционерка

На улицу с нами вышла и Моника. Она выразила учителю глубокую благодарность, обняла его и поцеловала в щеку. Мы умирали от зависти.

Учитель посмотрел на нее и вдруг сказал то, чего мы от него в данном случае никак не ожидали.

— Моника, вы блистали на модных подиумах, а я призываю вас блеснуть на подиумах другого рода, на которых труднее преуспеть, сложнее удержаться и не упасть, но более интересных и человеческих. Я приглашаю вас продавать мечты вместе с нами.

Моника была в растерянности и не знала, что ответить. Она уже читала кое-какие газетные материалы о загадочном мужчине, который только что позвал ее за собой, но не имела ни малейшего представления о том, что ей предстоит делать. Как только учитель пригласил очаровательную манекенщицу, мы, выступавшие против привлечения женщин в нашу команду, возликовали. Мы полностью изменили свое мнение и тут же согласились с учителем в том, что женщины не только умнее мужчин, но еще и значительно красивее.

Заметив наш энтузиазм, учитель отошел в сторону. Он захотел поговорить с человеком, стоявшим метрах в двадцати от нас. Нам оставалось только объяснить новенькой, в чем состоит прелесть восхитительного мира грез. И, как нам казалось, мы ее непременно убедим в этом. Мы объясняли, объясняли и еще раз объясняли. Мы были похожи на стаю изголодавшихся кобелей, бегающих за сучкой в период течки.

Увидев, что Моника нашего энтузиазма не разделяет, Чудотворец пошел молиться. Ему не хотелось впасть в соблазн. Рука Ангела пребывал в состоянии эйфории и потерял способность выговаривать слова, однако попытался привлечь внимание Моника стихами. И прочитал:

— Жизнь без... без грез — это все равно, что зима без... снега, что океан без... без... волн. — Он думал, что возвышает себя в ее глазах, а на самом деле не давал ей ни охнуть, ни вздохнуть.

Моника никогда раньше не видела таких чудачков, грязных, плохо одетых, экстравагантных, желающих любой ценой уговорить ее, отчего ее сомнения становились только сильнее. Мы и вправду были похожи на рой пчел, окруживших свою матку. Пока мы говорили, Моника краем глаза поглядывала в сторону учителя, который внимательно слушал собеседника. Через полчаса стало ясно, что Моника хочет уйти. А тут еще вмешался Краснобай.

— Моника, дорогая, продавать грезы — это самое безумное дело, которым я когда-либо занимался. Даже проходя закалку водкой, я не делал таких глупостей, — начал он, пугая девушку, и с оглушительным звуком в очередной раз пустил ветры. Мы пришли в ужас и снова резко потребовали от него:

— Бартоломеу, прикинься нормальным!

Но притворяться он не умел, он умел лишь быть собой. Между тем произошло нечто неожиданное. Пока речь шла о прелестях торговли мечтами, Моника отвергала идею совместных походов, но когда Бартоломеу заговорил о безумии проекта, она оживилась. Ей хотелось чего-нибудь более возбуждающего, чем то, что она получала на подиумах. Она задумалась, но все еще не решалась принять участие в социологическом эксперименте.

Вскоре пришел учитель, и она обратилась к нему:

— Учитель, я знаю человека, с которым вы сейчас разговаривали.

— Прекрасно! Это интереснейший человек, — заговорил учитель с воодушевлением.

— Он глухонемой и не знает «либраз», — продолжала манекенщица, не уверенная, что правильно поняла учителя.

Если глухой не знает бразильского языка жестов для глухонемых — «либраз», то общаться с ним невозможно. Мы молча ждали. После этих слов Моника можно было легко предположить, что она за учителем не последует.

— Я знаю, — ответил учитель. — Именно поэтому ему редко уделяют внимание и не пытаются пробиться сквозь глухую стену его одиночества. Я слышал то, что не было сказано словами. Вы уже пытались хорошенько исследовать его?

Моника замолчала, словно сама была глухонемой. Учитель отошел, а Моника так и стояла, восхищенная. Она приняла решение участвовать в походах и в эксперименте в целом, но учитель попросил

ее ночевать дома. Она и не догадывалась, какие бессонные ночи ее ожидают.

На следующий день фотография человека, за которым мы следовали, появилась не только в газете группы «Мегасофт», но и во всех основных городских газетах; даже в информационных выпусках телевидения. Его идеи вызвали сильнейший резонанс. В некоторых газетах его уже стали называть по имени, которое ему нравилось: продавец грез. Писали, что он перевернул мир моды с ног на голову.

Журналисты, чрезвычайно озабоченные тем воздействием, которое оказывает на молодежь феномен стереотипа красоты, описанный им, заговорили о «синдроме Барби» и сделали свои выводы, экстраполируя то, что он сказал. Они начали обсуждать высказывания учителя, будто многие подростки напоминают ему сумасшедших, потому что вечно недовольны своим телом, то и дело обнаруживают дефекты на своих лицах и с видом знатоков постоянно твердят, что данная одежда им не идет.

Пробудилось даже сознание молодых людей, не любивших читать прессу. Кое-кто из ребят принес газету с собой в школу, и она ходила там по рукам. Многие мальчишки и девчонки, прочитав статью, почувствовали облегчение, поскольку они были очень удручены своими «анатомическими дефектами», а теперь стали замечать в себе способность смеяться над собственной паранойей. Они радовались, что в статье говорилось о проблемах, которые в школе были чуть ли не запретными темами. С этого времени некоторыми молодыми людьми стал овладевать бунтарский дух. Они начали осуждать существующую социальную систему и выражали желание глубже познакомиться с идеями таинственного продавца грез.

Во второй половине того же дня к нам присоединилась Моника и сообщила о резонансе, который вызвала публикация в ее среде. Она сказала, что некоторые из ее друзей-модельеров, а также некоторые владельцы бутиков восприняли идеи учителя и провозгласили, что не следует устанавливать какие-то стандарты красоты, во всяком случае, не в массовом порядке.

Почувствовав энтузиазм манекенщицы, мы решили рассказать ей о различных случаях из нашей практики в последние несколько месяцев. Моника была поражена. Мы все были возбуждены и просто кипели от адреналина. Неделью спустя учитель снова пришел к нам и

сообщил, что собирается подключить к нашему проекту еще одну женщину.

Глядя на превосходную фигурку Моники, мы решили, что он может пригласить для участия в нашем проекте не одну, а хоть десять женщин. «Как изменилось наше мнение!» — думал я. Я, всегда порицавший политиков, которые вчера были заклятыми врагами, а сегодня уже друзья и братья, теперь начал понимать, что подобное непостоянство является недугом, свойственным человеку, особенно мужчинам. У одних это непостоянство было заметным, у других — невидимым.

Заявив о своем желании, учитель посмотрел вверх, потом по сторонам, тронул себя за подбородок и пошел куда-то в сторону. Он пребывал в задумчивости. Начал задавать себе вопросы тихим голосом:

— Какую же женщину позвать? С какими качествами?

Учитель находился в двадцати метрах от группы и ходил кругами по вестибюлю большого торгового центра, в который мы перед этим зашли. Вдруг, когда мы были в самом приподнятом настроении, предвкушая появление в группе еще одной женщины, откуда-то взялась пожилая сеньора и легонько стукнула Краснобая по голове. Это была донна Журема.

— Как поживаете, сынки? — шутливо обратилась она к нам.

— Все хорошо, донна Журема, очень рады снова вас видеть! — ответили мы хором, как вежливые дети.

Группа тут же посмотрела на задумчивого учителя, и всем одновременно пришла в голову страшная мысль: «Надо убрать старушеницу отсюда как можно скорее, иначе, не ровен час, он ее призовет следовать за ним».

Тут учитель, который теперь смотрел на тротуар, снова задал себе тот же вопрос:

— Кого же позвать?

У нас по спинам побежали мурашки. Мы постарались заслонить собой дону Журему. Нужно было как-то избавиться от нее.

— Солнце жарит... вовсю. Сеньора, ваш организм может оказаться обезвоженным. Вы вся в поту. Идите... домой, — заговорил Димас, мастер манипуляции человеческими сердцами. Но она не хотела покидать нас.

— Погода великолепная, сынок, — только и промолвила старушка.

Боясь, что учитель может вот-вот подойти, Эдсон взял старушку под руку и отвел ее в сторону от «линии огня».

— Вы, по-моему, очень устали. В таком возрасте нужно почаще отдыхать.

— Я чувствую себя превосходно, сынок. Но спасибо тебе за беспокойство, — поблагодарила дону Журема.

Я тоже сделал несколько попыток. Пробовал напомнить о том, что она могла позабыть: обещание, визит, заплатить по счету. Безрезультатно. Старушка пояснила мне, что все запланированное на сегодняшний день выполнено.

Моника не понимала, почему мы так озабочены появлением доны Журемы. Ей показалось, что мы ведем себя как-то неестественно. Бартоломеу, самого честного из нас, еще раз занесло. Видя, что она и не думает идти домой, он нахмурил брови и обратился к ней:

— Милая, прекрасная и бесподобная Журемочка!

Услышав эти ласковые слова Краснобая, старушка растаяла, и у нее задрожали реснички.

А Краснобай принялся развивать успех и произнес очередную глупость:

— Сожалею, но не могу не сказать вам, что вы покраснели, как индюшка. Боюсь, как бы вас не хватил кондрашка. Ступайте сейчас же в больницу.

Соломон попытался, как я это делал неоднократно, заткнуть Краснобая пасть, но не успел. Между тем дона Журема сделала нечто большее. Она ткнула тростью Бартоломеу в шею и сказала фразу, которая также стала культурным достоянием нашей группы:

— Бартоломеу, с закрытым ртом ты незаменим.

Мы едва не умерли со смеху. Однако дона Журема встревожилась. Она поняла, что мы что-то от нее скрываем. И, чтобы продемонстрировать свои огромные возможности, она, хотя ей было уже за восемьдесят, а ее координация слегка пострадала из-за болезни Паркинсона, сделала несколько движений и попросила нас проделать то же самое, но нам это не удалось. Она показала несколько классических балетных па и предложила повторить их. К нашему

стыду, мы совершили лишь несколько неуклюжих движений, чуть не упали и теперь стояли в оцепенении.

— Старики — вы. Я молоденькая! Здоровье у меня превосходное! Где ваш гуру?

Гуру? Я задумался. Продавцу грез не нравилось, даже когда его называли учителем, не говоря уже о гуру. Мы ответили, что у него какие-то проблемы, что он что-то кому-то обещал и сейчас поговорить с ней не сможет. Наша попытка встать так, чтобы за нами его не было видно, успехом не увенчалась. Журема сумела обнаружить его через узкую щель в нашей «стенке». В это время Моника уже разгадала наш фарс. Она поняла, что мы являемся командой недоумков, которых еще нужно перевоспитывать, и что сейчас мы проходим сложный процесс трансформации.

Дона Журема прокричала еще громче:

— Где ваш гуру?

Вдруг послышался голосище учителя, от которого у нас затряслись поджилки.

— Как приятно видеть вас снова, почтенная сеньора! — И тут же сделал то, чего мы так боялись. — Приглашаю вас продавать грезы!

Моника чуть не упала от смеха, а мы замерли в тягостном ожидании, не зная, куда спрятать лица. Ограниченные своими понятиями, мы очутились в неприятной зоне дискомфорта. Отойдя в сторонку, мы начали спрашивать друг друга: «Что подумает о нас общество, о банде эксцентриков, за которыми идет пожилая сеньора? Это будет выглядеть смешно. Мы станем мишенью для визгливых статей в прессе. Как мы сможем уживаться с ней? Она, наверное, слишком медлительна. И постоянно поджидать ее — не превратится ли это в настоящую пытку? А ее запах? Она, должно быть, носит зубные протезы. А то, как она портит воздух? Мало нам, что ли, газов, которые пускает Бартоломеу?»

Тихо посоветовавшись, мы почувствовали, что социологическому эксперименту грозит опасность. Учитель терпеливо наблюдал за тем, как мы валяем дурака. Дона Журема разговаривала с Моникой. Она не понимала, в чем суть приглашения учителя. Моника старалась объяснить, но сама пока еще была новичком и смущалась. Ей и в голову не приходило, что в наших вылазках ей придется конфузиться еще больше.

Честная донна Журема отозвала нас в сторону и спросила:

— Я никогда ничем не торговала. Что это за товар?

Учитель стал беседовать с Моникой, позволив нам объяснить Журеме, в чем состоит суть проекта. Так у нас появилась возможность разубедить старушку. Я, склонный к постоянным раздумьям, начал выдвигать гипотезы: уж не виделся ли учитель с донной Журемой раньше нас и теперь, в который уж раз, испытывает нас, пытаюсь освободить наше сознание от накопившихся в нем ловушек и хитросплетений?

Мы получили великолепный урок в приюте, открыли для себя величие стариков, однако настойчиво удерживали в себе предубеждение к ним. Мы были уверены, что старушка не пойдет за нами, что она понизила бы статус группы, ослабила бы ее революционный порыв. Мы думали, что с ее присутствием в нашей группе учителю придется стать более умеренным, сдержанным в пропаганде своих идей.

Мы честно говорили с донной Журемой о рисках, связанных с мечтами. Обычно даже в случаях, когда мы поначалу не соглашались друг с другом, нам в итоге удавалось добиваться полной ясности. Однако, стараясь разубедить ее, мы подчеркивали опасности, которым подвергались, говорили о клевете, оговорах, ранах, рассказали об избиении учителя.

Старушка слушала нас внимательно. Отвечала только одним «хм». Расправляла седые волосы, словно пытаясь массировать свой взволнованный разум. Мы были уверены, что сумели сильно встревожить ее. Соломон продемонстрировал свои знаменитые ритуалы. Объявив, что у него дурные предчувствия, он несколько раз перекрестился и, вытянув шею, произнес:

— Меня охватывает трепет, когда я вижу, сколько опасностей нам грозит.

Потом он подал знак Бартоломеу, чтобы тот помалкивал, так как наше дело шло на лад. Однако Краснобай раздумывать не стал.

— Это большой риск — следовать за ним, Журемочка, — заявил он и дрожащим, как в фильмах ужасов, голосом добавил: — Нас могут арестовать! Мы можем умереть! Нас могут похитить, на нас могут напасть, нас могут подвергнуть пыткам.

Мы поняли, что на этот раз он сказал нечто весьма уместное, не ведая того, что со временем эти слова превратятся в пророческие. Дона Журема полностью открыла правый глаз, прищурила левый и стала похожа на человека, объятых страхом. Когда мы поверили в то, что старушка сбежит, она сама повергла нас в это состояние:

— Фантастика!

Мы переглянулись, не понимая, что означает это выражение.

— Что вы подразумеваете под словом «фантастика», дона Журема? — спросил я, очень желая услышать ответ.

Мне казалось, что из-за своего церебрального расстройства она почти ничего не поняла из того, что мы ей наговорили. Однако, к нашему изумлению, она напыщенно произнесла:

— Фантастическим является все то, что вы мне рассказали. Я принимаю приглашение, согласна вступить в группу! Я всегда была революционеркой, когда училась в школе и когда была преподавателем в университете, но мне подрезали крылья, победила дефективная система образования. Мне приходилось следовать предложенной программе, порождающей прагматиков, а не мыслителей, с которой я была не согласна.

Мы были ошарашены. У нас перехватило дыхание. Мало нам таинственности с личностью учителя, теперь перед нами предстала еще и сеньора, битком набитая тайнами! Некоторые из нас обомлели, потрясенные выдающейся биографией этой личности. Я пытался вытереть пот с лица. А она, демонстрируя завидную трезвость суждений, продолжала:

— Я всегда хотела продавать мечты, активизировать умственную деятельность, но мне затыкали рот. Мне уже надоело изо дня в день констатировать, что современное общество играет роль инструмента, обезличивающего молодежь, унифицирующего интеллект, не дающего развиваться критическим настроениям и делающего молодых людей стерильными, простыми исполнителями условностей. Что они сотворили с нашими детьми? — возмущенно воскликнула она.

Я спросил, каково ее полное имя.

— Журема Алькантара де Мелло, — просто ответила она.

Услышав ее имя, я немного отошел в сторону, еще более ошеломленный, чем раньше. Стало ясно, что дона Журема — это известный антрополог и университетский преподаватель высшей

категории. Она защитила докторскую диссертацию в Гарварде. Ее научные заслуги были признаны во всем мире. Она писала книги по своей дисциплине, которые были переведены на многие языки.

Я оперся о столб, который стоял рядом. Вспомнилось, что я читал некоторые из ее статей и все написанные ею книги. Она оказала большое влияние на мое становление. Я был в восторге от ее рассуждений, от ее смелости. Но всего несколько минут назад я ратовал за то, чтобы исключить ее из нашей группы. «Какая мерзкая предубежденность! Кто сможет излечить меня от злокачественной опухоли интеллекта? — Думал я про себя. — Я мечтаю о том, чтобы стать открытым и бескорыстным, но, похоже, неизлечим».

Демонстрируя полное единодушие с учителем, профессор Журема заявила, что общество, за некоторым исключением, превратил ось в хранилище конформистских умов, которым неведомо смирение перед тайной бытия, не имеющих при этом великих идеалов и не задающихся вопросом, кто они такие. И завершила свою речь словами:

— Мы должны интенсифицировать умственную деятельность людей.

Мой учитель улыбнулся, радуясь жизни. А про себя он, по-видимому, сказал: «Попал прямо в точку». Дона Журема была большей революционеркой, чем все мы вместе взятые. С годами в ее голове возникло множество идей.

Проблемы возникли еще до того, как она согласилась присоединиться к группе. Прожив долгую жизнь, она отличалась смелостью суждений и за словом в карман не лезла. Журема начала так реагировать на обстановку, как Моника еще не умела. Она подошла к учителю, громко рассмеялась и начала порицать поведение группы:

— Быть шайкой эксцентриков, торгующих мечтами, — это хорошо, но быть шайкой нечистоплотных нерях — это уже никуда не годится.

Ничего себе! Мы разозлились. Но профессор, увидев наши кислые физиономии, не смягчилась, а, наоборот, еще больше усилила нажим.

— Называть группу экстравагантной для того, чтобы научиться действовать согласованно, — это похвально, однако не замечать, что от этой группы дурно пахнет, что она нечистоплотна и не соблюдает норм гигиены, — это противоречит здравому смыслу.

Учитель принял нагоняй спокойно. Но Димас никак не мог успокоиться.

— Журемочка... поосторожней, — проговорил он, заикаясь, переходя на фамильярное обращение, на которое до сих пор был способен только Бартоломеу. Журема не отступила ни на шаг. Она подошла к нему, приняухалась к его телу и нанесла ответный удар.

— Поосторожней? Да от тебя разит тухлыми яйцами!

Бартоломеу показал старушке язык. Они с Димасом то и дело приводили друг друга в ярость.

— А я что говорил?! Да я просто герой, потому что терплю вонь этого хмыря! — сказал он и громко захохотал. Хохотал Бартоломеу так самозабвенно, что не смог удержать скопившихся в нем газов и с грохотом выпустил их.

Дона Журема сделала ему внушение:

— И тебе не стыдно? Отойди в сторонку и пускай там свои газы. А уж если не успеваешь сдержаться, делай это хотя бы не так оглушительно.

Бартоломеу сделал попытку поиграть с огнем и задал вопрос:

— А каким таким способом можно убавить звук моего выхлопа?

— Подпрыгни, сделай что-нибудь экстравагантное, — посоветовала Журема.

Бартоломеу застеснялся. Он не понимал значения слова «экстравагантное», но тут же нашелся и ответил:

— Thank you за экстравагантное, — сказал он и стал ждать ответа, не зная, то ли его похвалили, то ли оскорбили.

Мы были обеспокоены: смотрели на учителя и начинали понимать, что новый член семейства в буквальном смысле слова выльет на нас ушат холодной воды и поместит в ледяную ванну, включая и его самого. Впервые с момента нашего знакомства мы увидели учителя в замешательстве. Профессор была революционеркой, но революционеркой умеренной. Она взглянула на учителя и сделала то, что, как нам всегда казалось, никто не осмелился бы сделать. Она сурово обратилась к нему:

— Учитель, не сводите все к рассказу о том, что Иисус называл лицемерами людей, моющих стакан только снаружи, но забывающих мыть его изнутри. Да, мы должны подчеркивать значение внутренней гигиены, но и о внешней не следует забывать. Его ученики омывались

в Иордане и в домах, в которых их принимали. Но посмотрите на себя! Обратите внимание на группу, следующую за вами! Сколько времени они уже не мылись в приличной ванной? Экзотические — да, смердящие — нет.

Мы мылись в общественных банях, но нерегулярно и недостаточно хорошо. Я поскреб уши, чтобы быть уверенным в том, что слышу все правильно. Учитель не возражал, а лишь кивал в знак согласия с Журемой. Он преподавал нам много уроков, и главным из них был совет проявлять покорность при приобретении знаний.

Мало того, профессор подошла к Эдсону и, не стесняясь, попросила его открыть рот. Кисло улыбнувшись, он сделал это. Мы почувствовали, что учитель уже раскаялся, что пригласил ее. А может быть, и нет! «Что, если эта ученица обладает именно такими чертами характера, которые ему были нужны?» — размышлял я.

— Бог мой, какая вонища! А зубы-то чистить надо.

Я улыбнулся, не раскрывая рта. Она поняла меня и тут же уколола:

— Чему смеетесь? Сами-то хороши.

Профессор не пощадила никого, кроме Моники, для которой настали самые приятные, полные поэзии дни. Ей казалось, что мы какой-то бродячий цирк. Дона Журема с нами не спала, да и не могла из-за своего возраста. Они с Моникой по вечерам уходили домой и возвращались утром.

Вечером того дня, когда ее пригласили в группу, Журема позвала нас к себе домой — помыться и поужинать с ней.

Вирус предубежденности, который до сих пор пребывал в спячке, пробудился. Мы посмотрели друг на друга и решили, что из-за преклонного возраста, из-за нищенской пенсии, из-за расходов на врачей и лекарства материальное положение Журемы было, по видимому, не намного лучше нашего. Ее дом не вместил бы нас всех. У нее, наверное, нет никакой прислуги. Даже если этот ужин и состоится, то не раньше полуночи.

Пригласив нас, профессор свистнула.

Мы спросили, что означает этот свист. Журема ответила, что вызывает шофера.

— Это, должно быть, шофер городского автобуса, — чуть слышно предположил Димас.

Шофер не подавал признаков жизни. Она свистнула еще раз, громче, но безрезультатно.

— Шофер — это кличка ее собаки, — предположил Бартоломеу.

Поскольку этот человек тихо говорить не умел, Журема его услышала, мельком взглянула на него, почесала своей тросточкой нос, но вместо того чтобы легонько ткнуть нахала в бок, она с добрым юмором приняла его «собачью» шутку.

Членам группы очень нравилось шутить. В течение нескольких месяцев пребывания в группе я веселился так, как не веселился в течение всей предшествующей жизни. Развлекались мы даже тогда, когда получали взбучку. Учитель способствовал установлению такого климата. Моника тоже чувствовала себя, как на празднике. Когда-то она была очень богата, но потратила много денег на дорогие украшения и лишилась средств по причине банкротства компаний, пользовавшихся ее услугами. Участвуя в походах группы, она получала то, что ей не могли дать никакие рыночные отношения.

Вдруг возле нас остановился огромный черный лимузин. Он был прекрасен и чуть не наехал на ступню Бартоломеу. Богато одетый шофер обратился к Журеме:

— Извините, мадам, за задержку. Проблемы с парковкой.

От удивления мы открыли рты И тут же подумали: «Ну что за милая ученица».

Бабочка и кокон

Журема была вдовой миллионера, но нужды в демонстрации своего богатства не испытывала. Временами она отказывалась от машин, от шофера, от красивой одежды и других благ, которые ей позволяло иметь ее состояние. Жизнь ее была приятной. Раньше мы никогда не ездили в такой шикарной машине и пришли от нее в восторг. Однако учитель, этот пешеход, который, как нам казалось, машины никогда не имел, оставался безучастным. Он узнал адрес профессора и сказал, что пойдет пешком. Ему нужно было поразмышлять. Как это часто бывало, он предпочел остаться в одиночестве.

Он появился два часа спустя. Миллионерша успела сходить в магазин и купить кое-что из одежды для нашей шайки. Мы снова стали похожи на цивилизованных людей. Мы уже помылись и теперь лакомились сырами и прохладительными напитками. А мы ведь совсем забыли о том, что у системы есть и хорошие стороны. Краснобай оказался таким голодным, что хватал лакомства прямо руками, вместо того чтобы пользоваться столовыми приборами. Соломон молчал, увлеченный поглощением пищи. Наблюдая за ним, я с радостью заметил, что его тики и прочие странности стали менее заметны. Не знаю, были ли причиной тому голод или устойчивая ремиссия.

Димас, набивающий сыром рот, был похож на жулика, который поверх горок хрусталя разглядывает дорогие вещи, а также прекраснейшие картины на стенах. Думаю, что если бы учитель не увлек его своим проектом, то он с удовольствием обчистил бы и этот дом. Моника ела немного. Она была так рада тому, что ее приняли в нашу группу, что почти ни на что больше не обращала внимания. Мне никогда не приходило в голову, что красивые люди могут так страдать, как она.

Учителя проводили в центральный зал площадью в сто пятьдесят квадратных метров, разделенный на пять отличавшихся друг от друга частей. На шикарную виллу профессора он не обратил никакого внимания. Журеме такое отношение понравилось. Она устала от

людей, которые заискивающе расхваливали ее дом, но и не прогоняла их. Вскоре он помылся и получил новую одежду.

Когда мы все начали получать удовольствие от вкусного ужина, продавец грез обратился к хозяйке с просьбой:

— Расскажите нам немного о вашем покойном муже.

Она пришла в полный восторг, ибо люди редко спрашивают о мертвых, не желая поставить собеседника в неудобное положение. Но ей очень нравилось говорить о любимом человеке. Она рассказала о его молодых годах, о том, как они полюбили друг друга, как поженились. Потом рассказала о его доброте, смелости и интеллигентности.

— Великий человек! Он тоже был продавцом грез, — дважды повторил учитель.

Журема тут же сообщила, что ее муж был директором-президентом одной из компаний, входящих в могущественную группу «Мегасофт», состоявшую более чем из тридцати предприятий. Нам казалось, что деловой мир нашего учителя не заинтересует, но он все-таки задал вопрос:

— Как он разбогател?

Прежде чем поведать о финансовых делах мужа, Журеме пришлось кратко рассказать о судьбе президента группы «Мегасофт». Мы узнали о том, как некий владелец большого предприятия после смерти оставил свое состояние сыну, молодому человеку двадцати пяти лет. Наследник был человеком большого ума и обладал теми качествами, которые должен иметь предприниматель и лидер. Сын намного превзошел отца. Он открыл капитал унаследованного предприятия, оперируя ценными бумагами, расширил дело и начал инвестировать средства в различные корпорации. Вкладывал деньги в нефть, в сеть магазинов одежды, в средства связи, в индустрию информатики, в электронную промышленность, в гостиницы. Через пятнадцать лет он уже создал группу «Мегасофт», которая вошла в первую десятку самых богатых корпораций мира.

Дона Журема пояснила, что, сделав свое предприятие открытым, он дал служащим возможность покупать акции. Ее муж стал держателем наименьшего пакета акций компании, которой руководил этот молодой человек. С грандиозным ростом группы он заработал

много денег. Услышав эту историю из уст доны Журемы, я подал реплику «из зала»:

— Размышляя о блестящих успехах в предпринимательстве этого молодого миллионера, я вспомнил, что самым крупным держателем акций моего университета была именно группа «Мегасофт». После того как она вошла в число спонсоров университета, денег на исследования и подготовку аспирантов стало вдоволь.

Затем продавец грез задал профессору Журеме целую серию вопросов:

— Вы были лично знакомы с молодым человеком, столь быстро расширившим эту группу? Был ли он свободен или оставался пленником системы? Какая философия управляла его поступками — любить больше деньги, чем жизнь, или любить жизнь больше, чем деньги? Какие ценности влекли его? Какими были его приоритеты? Понимал ли он, что жизнь коротка, или полагал, что всемогущ?

Пожилая ученая была захвачена врасплох и не знала, что ответить, поскольку встречалась с молодым человеком редко. Тот был очень занят. Его обхаживали короли и президенты, в то время как сама она была всего лишь профессором. Но мужу этот человек очень нравился.

— Со слов других мне известно, что это был образованный и добрейший человек, — сказала она присутствующим. — Но после смерти мужа, а это случилось семь лет назад, я получала о нем мало известий. Разве что только о несчастном случае в его семье. Кажется, у него были проблемы с психикой. Говорили, что он умер, но его предприятие скрыло этот факт. Считают, если бы он был жив до сих пор, то превзошел бы всех прежних магнатов и стал бы самым богатым человеком в мире.

Учитель внимательно посмотрел на нас и заговорил:

— Уважаемая Журема, вы были добры к этому великому предпринимателю. Я тоже слышал о его смелости, его жизни и его смерти. Однако мы склонны превращать в ангелов людей, которые умолкли навсегда, превозносить их хорошие качества и замалчивать недостатки. Один человек, который близко знал его, рассказывал мне, что он был амбициозным и не находил времени ни на что, кроме как на приумножение своего капитала. То, что было наиболее важным в его жизни, он положил в основу своих жизненных устоев.

Смутившись оттого, что представил не совсем в выгодном свете лидера, выбор жизненного пути которого он не одобрял, учитель высказал несколько незабываемых мыслей:

— Я не прошу вас проклинать деньги, равно как и прочие материальные блага. Такова ситуация, в которой мы живем сейчас, а что будет потом, никто не знает. Сегодня мы ночуем под виадуками, и небо служит нам одеялом, а кто может предвидеть, что будет завтра? Я только прошу вас понять, что деньги сами по себе счастья не приносят, а их отсутствие может окончательно отнять его. Деньги не сводят с ума, но любовь к ним уносит спокойствие. Отсутствие денег делает нас бедными, но дурное их использование превращает нас в людей жалких.

Мы задумались.

— Шеф, быть счастливым — это хорошо, но если ты при деньгах, это еще лучше, — философствовал Бартоломеу, посасывая кокосовое молоко, в то время как мы пили вина Франции и Чили.

Учитель улыбнулся. Трудно было переспорить этого уличного философа.

На следующий день мы отправились гулять по центральным улицам города. Люди, узнававшие учителя, хотели обнять его. Когда они глядели на него, их глаза блестели. Некоторые его целовали. Учитель постепенно становился более известным, чем политики, что порождало еще большую зависть к нему.

Возле большого торгового центра вокруг него собралось множество людей. Учитель поднялся на несколько ступенек по главной лестнице и произнес речь, ставшую впоследствии очень популярной. На этот раз он сделал философское обобщение знаменитой Нагорной проповеди Учителя Учителей.

Учитель уже говорил нам, что ему нравится эта часть Священного Писания и что он согласен с Махатмой Ганди, который утверждал: если бы все священные книги мира были уничтожены, кроме Нагорной проповеди, то у человечества все равно оставался бы спасительный луч света.

И он в полный голос заговорил:

— Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное. Но где истинные нищие, те, кто освободился от самого себя? Где те, кто признает собственное безрассудство? В каком окружении пребывают

люди, бесстрашно признающие свою незначительность и свои слабости? Люди, каждый день сражающиеся с высокомерием?

Произнеся эти слова, учитель внимательно посмотрел на собравшуюся толпу. На лицах людей он увидел выражение озабоченности и томительного ожидания, перевел дух и продолжал:

— Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Что это за земля? Это земля спокойствия, почва очарования жизнью, место для искренней любви. А где тихие заводы? Где люди податливые? В какой обстановке живут друзья терпимости? Кто отвечает лаской, когда ему противоречат, даже если он пребывает в отчаянии? Многие не относятся со смирением даже к самим себе. Они живут под давлением податей и наказывают себя самоистязанием.

Вокруг учителя собиралось все больше людей. Он посмотрел вверх, медленно перевел взгляд вниз и завершил интерпретацию второго блаженства, переставляя в обратном порядке классические рассуждения о мотивации.

— Я призываю вас покончить с желанием менять других, обусловленным неврезами. Никто никого не обязан изменять. Тот, кто отбирает у других слишком много, пусть работает в финансовом учреждении, но только не с людьми, — сказал учитель и продолжил: — Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Но почему мы живем в мире, в котором люди прячут свои слезы? Плачут из-за эгоцентризма, набрасывающего на наши глаза повязку и не дающего нам возможности увидеть, что происходит с психикой тех, кого мы любим? Сколько тайных страхов нам так и не удалось познать? Сколько тайных конфликтов так и не обрели выражения? Сколько ран мы нанесли, не сознавшись в этом?

Пока он говорил, люди размышляли.

— Блаженны миротворцы, ибо нарекут их сынами Божьими. Но кто умиротворит бурные воды эмоций? Где мастера урегулирования бытовых конфликтов? Не являемся ли мы специалистами лишь в оценке других? Есть ли люди, которые защищаются, отрекаются, отдаются, примиряются, верят? Общество подразумевает наличие разделения, любое разделение подразумевает уменьшение. Поэтому умиротворять — не значит учить арифметике сложения, это значит постигать смысл вычитания. Тот, кто не понимает этого

математического действия, тот готов к совместному существованию с животными и машинами, но не с человеческими существами.

Подобные утверждения поставили меня в тупик. Имея превосходное университетское образование, я был чрезвычайно неприспособлен к сосуществованию с человеческими существами. У меня были собаки, и я не испытывал с ними никаких проблем, по крайней мере, они не жаловались. А вот сосуществование с человеческими существами являлось источником самых различных проблем. Я много зарабатывал. Имел должность в банке. Мне был непонятен смысл вычитания. Я позволял людям иметь собственные мысли, только если они совпадали с моими. И только теперь я начал понимать, что ты становишься счастлив лишь тогда, когда в совершенстве овладеваешь искусством выносить потери в большей степени, чем искусством обретать. Ждать многого от других — это все равно что плыть на корабле с пробойной в днище.

А люди все продолжали подходить, чтобы послушать речь учителя. Остановилось движение транспорта, отчего на улице создалась очень сложная обстановка. В связи с возникшим беспорядком учителю пришлось срочно прекратить проповедь. В тот день учитель обрел еще несколько учеников. У каждого из них были свои особенности. Никто из них не был святым и даже отдаленно не напоминал идеал человека.

Многие начали сопровождать продавца идей в любых его походах. Люди связывались по Интернету и вычисляли его маршруты. Несмотря на наличие стольких последователей, он обучал лишь некоторых. Не потому, что они больше других годились на эту роль, а, может быть, как раз потому, что в их души было труднее проникнуть или сломить их сопротивление.

Двухдневный поход

Три дня спустя учитель назначил особый сбор; казалось, что он собирается поведать нам о своей самой большой мечте. Он ушел в себя, и было видно по всему, что он переживал тяжелую внутреннюю борьбу. Он повел нас в тихое место, где не бродили шумные толпы. Там он посадил нас полукругом. Было семь часов утра. С травы падали капли росы. На горизонте показались первые лучи солнца и упали на лепестки гибискусов, образуя некое подобие золотистой дуги. Несколько птичек начали по-своему отмечать приход нового дня.

С течением времени к нашей группе присоединялось все больше людей. В отличие от нас, группы, которая была ближе всего к учителю, вновь пришедшие оказались обычными представителями общества, которые трудились, имели семьи, досуг, занимались общественной деятельностью. Они не участвовали в нашем проекте на постоянной основе. В тот день нас собралось тридцать человек. В эту группу входили рабочие, администраторы, медицинские и социальные работники, психологи. Поскольку проект не был религиозным, а учитель не выделял особо какую-либо религию, среди собравшихся были христиане, буддисты, мусульмане и представители иных конфессий.

К нашему удивлению, в самом начале встречи учитель впервые за время нашего знакомства в достаточно ясных выражениях заговорил о своем загадочном прошлом:

— Я уже обладал невероятной властью более чем в ста странах мира. Но это был период в моем существовании, когда время для меня остановилось. У меня пропало желание жить. Я много плакал, плакал безутешно. В конце концов я спрятался от общества на одном острове в Атлантическом океане и прожил там более трех лет. Еда была хорошая, но я потерял к ней интерес. Остался только интерес к знаниям. Я буквально пожирал книги, имея доступ к одной из лучших библиотек. Читал день и ночь, как астматик, глотающий воздух. Мне удавалось прочитывать более дюжины книг в месяц и почти сто пятьдесят в год. Это были труды по философии, физиологии, теологии, истории, социологии, психологии. Я читал, принимая пищу, сидя,

гуляя, на бегу. Мой ум стал похож на машину, которая одну за другой фотографировала страницы знаний. Все эти знания помогли мне реорганизовать свою жизнь, восстановить пути, которыми я перестал ходить. Таким образом я стал человеческим существом, которое вы сейчас видите перед собой, маленьким и несовершенным продавцом грез.

На этом его откровения закончились. Его слова окрылили меня и дали возможность надолго погрузиться в свою душу. Слушая рассказы о прошлом учителя, я заметил, что мои друзья пребывают в полной растерянности. Эта головоломка и в моем сознании не укладывалась. «Как может учитель утверждать, что имел колоссальную власть? О какой власти идет речь? Финансовой, политической, интеллектуальной, духовной? Он кажется таким слабым, таким податливым, таким бедным! Питается он вместе с нищими. Бывают в его жизни моменты смятения, но он умеет с ними справляться. Он ничего не требует. Спит где попало. Переносит агрессивность. Защищает тех, кто ему возражает. Как может человек, который имел так много, существовать ниже черты бедности? А может быть, вся эта власть — лишь продукт его собственного воображения?» Прервав мои размышления, он дал некоторые рекомендации:

— Проект торговли грезами не противоречит вашим религиозным убеждениям, вашей культуре и вере. Иначе говоря, мы уважаем вашу веру, ценим вашу культуру, дорожим прошлым вашей нации, облагораживаем традиции вашего народа, и лишь одной перемены я прошу от вас.

Затем учитель сделал паузу, словно медленно двигался в направлении своей главной цели.

— Я прошу вас расширить горизонты собственного мышления для того, чтобы обрести способность уважать, ценить и одухотворять вашу человеческую сущность. Моей самой большой мечтой является желание создать такое общество, в котором не было бы никаких границ между нациями, народами, религиями и научными ресурсами. Такое общество, где восстанавливается природа человека, инстинкт вида, который мы потеряли. Человечество варится в котле стрессов, возникающих из-за хищнической конкуренции, из-за пренебрежения правилами международной торговли, из-за конфликтов на социальной почве, из-за огромного вреда, наносимого окружающей среде, из-за

нехватки информации и трудностей с возвратом к нашим истокам. Французская революция свершилась более двухсот лет назад. Мы говорим о ней так, словно она произошла только вчера. Но когда мы смотрим в будущее, то не видим никаких гарантий того, что наш вид проживет еще пару сотен лет.

Потом учитель рассказал о своей модели. Он напомнил, что Иисус более шестидесяти раз говорил о том, что является Сыном Человеческим, но мало кто за многие сотни лет понял, что Он хотел этим сказать. Исполнитель Он объяснял, что на все сто процентов ратует за человечество в целом, а не только за евреев. Настаивая на том, что Он Сын Человеческий, Иисус хотел образно показать, что является сыном человечества, что Он является первым человеческим существом без каких бы то ни было границ. Его культура, раса, национальность имели определенное значение, но значительно большее значение имели Его качества человеческого существа. Он возлюбил человечество до такой степени, которой теология не постигает, а психология не достигает. Только человеческое существо без границ было способно сказать, что просвещенным фарисеям-теологам предшествовали проститутки. Его любовь была скандальной в Его время и остается таковой по сей день. Сказав это, учитель торжественно добавил:

— У меня сотни недостатков, я совершил больше ошибок, чем вы могли бы себе представить. Однако моей моделью является философия Учителя Учителей.

Закончив свой рассказ, учитель предложил создать общество людей без границ, в основе которого лежали бы всего четыре принципа: будучи людьми без границ, ставящими своей целью защитить человека как вид и окружающую его среду, мы: а) находимся выше расовых различий, культур и национальностей, то есть выше нравочений — китайских, американских, европейских, палестинских, еврейских или негритянских; б) обязуемся бороться против любой формы дискриминации и поддерживать любую форму дружеских связей; в) уважать иные мнения; г) способствовать взаимодействию народов с различными культурами и вероисповеданиями.

Учитель прекрасно знал, что некоторые из его предложений были провозглашены еще Французской революцией, они содержались во Всеобщей декларации прав человека ООН, в Великих хартиях многих

стран. Единственная разница заключалась в том, что учитель мечтал взять положения этих хартий и внедрить их в души людей без границ.

«Нет ничего утопичнее этого», — едва слышно прошептал я. Но учитель прочитал эти слова по моим губам.

— Вы правы. Нет ничего утопичнее, виртуальнее и романтичнее. Но уберите утопию, и мы превратимся в машины. Уберите надежды, и мы превратимся в рабов. Уберите мечты, и мы превратимся в автоматы. Если бы ведущие предприниматели и политики думали так, как думаем мы, то две трети проблем человечества были бы решены в течение месяца. И это отнюдь не утопия, не виртуальная мечта.

Я кивнул, не боясь подтвердить, что он прав. Вспомнилось, как я сам не раз чувствовал себя машиной, давая студентам совет стать обучающимися машинами. Лицо учителя светилось убежденностью, голос звучал более размеренно, чем обычно. Этот день был для него особенным. Чувствовал ось, что он скажет нам еще что-то важное. Вслед за этим он рассказал притчу о коконе:

— Две гусеницы строили себе коконы. В этой защищенной среде они превратились в прекрасных бабочек. Когда обе бабочки были готовы выйти и пуститься в свободный полет, ими овладели сомнения. Одна бабочка, считавшая себя слабой, подумала: «Жизнь там, снаружи, таит много опасностей. Меня может разорвать на куски и съесть какая-нибудь птица. И даже если я не достанусь хищнику, я могу пострадать от непогоды. Меня может поразить удар молнии. Дождь повредит мои крылышки, и я упаду на землю. Кроме того, весна кончается. А что будет, если не хватит нектара? Кто мне поможет?» Опасностей и в самом деле было много, и маленькая бабочка была по-своему права. Напутанная всем этим, бабочка решила не улетать. Она не покинула защищавший ее кокон, но, поскольку поддерживать жизнь там было нечем, бабочка умерла от голода, от жажды и, что еще хуже, так и осталась в мире, который сама и соткала.

Поведав нам эти соображения, учитель продолжал:

— Другая бабочка тоже была обеспокоена; ее страшил мир там, за пределами кокона. Она знала, что многие бабочки более одного дня вне своего домика не жили. Но она любила свободу больше, чем страшилась опасностей. И вылетела, вылетела навстречу всем неожиданностям. Она предпочла стать путником, пребывающим в поиске того единственного, что определяет ее сущность.

Рассказав нам эту притчу, учитель открыл нам свой замысел.

Сначала он сделал небольшую паузу для того, чтобы прослушать прекраснейшую песню, которая, казалось, была спета в его честь, потом дал ряд простых и вместе с тем глубоких советов. Их было так много, что я с трудом успевал записывать.

— Я позвал вас так рано, потому что собираюсь отправить вас в двухдневный поход, в котором вы испытаете то, что составляет основы общественного опыта «человека без границ». Я отправлю вас парами в область общественных отношений. У вас не будет ни кошелька, ни денег, ни чеков, ни кредитных карточек, ни продуктов питания, ничего такого, что обеспечивает вам выживание, ничего, кроме лекарств и средств личной гигиены. Ешьте то, что вам дадут, спите на том, что вам постелют. Не дискриминируйте никого. Если кто-нибудь отвергнет вас, не протестуйте, отнеситесь к этому беззлобно. Действуйте как социальные терапевты. Давайте, и воздастся вам. Не ставьте себя выше других, не защищайте свою веру, не навязывайте свои взгляды, пусть от вас исходит дух гуманности. Спрашивайте встречных, чем вы можете быть им полезны. Вступайте в диалог с людьми, узнавайте то, что они держат в тайне. Выявляйте среди людей, которые никому не известны, людей выдающихся. Не смотрите на них со своей точки зрения, а смотрите с их собственной точки зрения. Не вмешивайтесь в их личную жизнь, не пытайтесь управлять ею, идите так глубоко, как они позволяют сами. Слушайте их смиренно, даже тех, кто решил отказаться от жизни, побуждайте их слушать самих себя. Если они услышат себя, то это будет значительно лучше, чем если услышат вас. Помните, что царство знаний принадлежит смиренным.

Дав нам эти рекомендации, он, казалось, почувствовал беспокойство и предупредил нас:

— Мы живем в третьем тысячелетии. Продавать мечту стать человеком без границ в обществе, достигшем апогея индивидуализма, представляется самым большим абсурдом из всех абсурдов. Быть солидарным, добрым и внимательным, когда люди этого просят, — это уже нечто экстраординарное. А представьте себе ситуацию, когда вас об этом не просят. Вас будут называть фанатиками, душевнобольными, сумасбродами, прозелитами. Однако, раз они принимали меня, примут и вас.

Помимо этого учитель не дал нам больше никаких указаний насчет того, как общаться с людьми, и не подсказал, кого следует искать: богатых, бедных, культурных, безграмотных, жителей центра или периферии. Он не дал нам карт. Ветер шевелил его волосы, а мы вспотели. Его предложение не могло не породить чувства озабоченности. Лично я подумал: «Ничего у нас не получится. Нас не так поймут. А может быть, вообще побьют и прогонят. А что, если я встречу с кем-нибудь из моих коллег-преподавателей? Что они потом обо мне скажут?»

— Существует много способов сделать что-либо на пользу человечества, — дополнил учитель, — но ни один из них не похож на спокойную прогулку, ни один из них не проходит под несмолкающий гром аплодисментов.

Способ, который предлагаю я, скорее породит недоверие к вам. С утра вы можете прославиться, а ко второй половине дня попасть в немилость. В какой-то момент вас оценят по достоинству, в другой обойдутся как с отбросами общества. Последствия непредсказуемы. Но я гарантирую, что вы преодолеете все трудности и выйдете из этого эксперимента еще более гуманными, еще более сильными, чем раньше, а на десерт получите то, что ни в каких книгах не прочтете. Вы поймете кое-что из того, что миллионы евреев пережили в фашистском плену, христиане на арене Колизея, мусульмане в Палестине, равно как и то, что поныне переживают верующие, проститутки, гомосексуалисты, негры и женщины.

Я подумал: «Если отправить Бартоломеу и Димаса представлять учителя без присмотра, может случиться катастрофа. Это как заставить студента-медика произвести хирургическую операцию без присутствия наставника». То, что учитель просил нас сделать, было социальным экспериментом, кардинально отличающимся от тех, которые я проводил, исследуя социологические феномены. Нам не нужно было ехать в Африку с благотворительной миссией, имеющей финансовую поддержку, не нужно было заниматься филантропией в каком —нибудь институте, выступать с лекциями о какой-либо религии или объявлять о создании новой политической партии. Это было чистой воды возвращение к истокам. Мы ничего не могли взять с собой, даже наш социальный престиж. Нам предстояло стать

простыми человеческими существами, связанными с другими человеческими существами.

Испытывая нас, он сказал, что у нас есть выбор.

— Я вдохновляю вас выйти из кокона, по крайней мере в этот раз, но никто не обязан делать этого. Риск огромный, последствия непредсказуемы. Выбор ваш и только ваш.

Несмотря на взволнованность, никто не отказался, даже два молодых человека восемнадцати лет, которые при этом присутствовали. Поскольку молодежь всегда жаждала приключений, им хотелось почувствовать выброс адреналина таким образом.

Отправляя учеников

После собрания учитель сразу же отправил нас в путь, указав время возвращения. Каждый член группы взял в напарники того, кто стоял справа от него, начиная с меня. Он позволил женщинам ночевать дома, но они не согласились и отвергли учительский «протекционизм».

— Мы желаем провести лабораторную работу по социологии полностью и предпочитаем по-настоящему выйти из кокона на эти два дня, — заявила Журема, говоря от имени женщин.

Между тем четыре человека попросили извинить их и отказались от эксперимента, хотя и вернулись позднее в назначенное место в назначенный для встречи день.

Результаты нашего эксперимента оказались весьма неоднозначными. Нас принимали за жуликов, за похитителей людей. Нас прогоняли, над нами смеялись, нам угрожали. Нескольким парам пришлось объясняться в полицейских участках. Однако, несмотря ни на что, мы получили превосходный опыт. Мы развлекались и усиленно обретали знания. Казалось, что мы вошли в совершенно другое общество, другой мир, попали к людям, которых не знали. Все в один голос заявили, что ощущали себя совершенно беззащитными, не имея при себе ни денег, ни кредитных карточек. Порой мы чувствовали себя как евреи во время Второй мировой войны или как палестинцы на Среднем Востоке: без домашнего очага, без родины, без защиты, не зная, удастся ли нам вообще выжить. Социологический опыт показал, что мы фактически теряем нашу человечность. Что мы, по сути дела, прячем ее за нашей этикой, моралью, за нашими титулами, статусом и властью.

Краснобай пошел торговать мечтами в местах, которые лучше всего знал, — в пивных и барах, где удовольствие получают за деньги. Он не раз попадал в неприятные положения. Некоторые завсегда и брызгали ему в лицо водкой, другие унижали, третьи осыпали нецензурной бранью, а четвертые просто прогоняли: «Пошел сам знаешь куда, алкаш. Пять раз он терял терпение. Двум пьянчужкам обещал дать по морде. Тогда же он начал понимать, насколько трудна

работа, которую он задавал в свое время другим. Напарником его был Димас.

Несмотря на все неприятности, ему удавалось поднимать пьяных, вести интересные беседы, утешать, помогать, поддерживать. Многие сообщали ему, что пьют, чтобы не думать о своих потерях, о предательствах, финансовых кризисах, умерших родственниках. У него не было чудодейственных решений, но он был способен выслушать человека. В конце первого дня он увидел мужчину средних лет, сидевшего за столиком в одиночестве, подошел к нему и как хорошо воспитанный человек спросил:

— Уважаемый, не хотелось бы вас беспокоить, но я желаю знать, чем я могу быть вам полезен.

Ответ последовал незамедлительно:

— Купите мне еще одну порцию виски.

Краснобай ответил, что у него нет денег, за что пьяница оскорбил его действием, а потом и словом.

— Тогда мотай отсюда, иначе я позову полицейского!

Бартоломеу был парнем крепким. Он схватил пьянчугу за шиворот, но, когда уже был готов наподдать ему как следует, вспомнил указания учителя.

— Эх, были бы сейчас другие времена! — воскликнул раздраженно Бартоломеу.

Димас тоже был возмущен.

Пьяный закрыл голову руками, потом сменил тон. Даже будучи нетрезвым и не очень хорошо соображая, он понял, что поступил невежливо, попросил прощения и пригласил их за свой столик. После этого он секунд двадцать проплакал, не говоря о причине своей грусти. Алкоголики вообще легко ударяются в слезы.

Потом он представился. Сказал, что зовут его Лукас и что он потерпевший крах хирург, совершивший врачебную ошибку. Она не стоила пациенту жизни, однако адвокат пациента превратил эту небольшую оплошность в серьезный проступок. Состоявшееся судебное разбирательство Лукас проиграл и, не имея страховки, потерял все, что накопил за двадцать лет работы по специальности. Погрязнув в долгах, он не мог заплатить аренду за дом, и его должны были вот-вот выселить. Не мог он также выплатить и крупные взносы

за купленный в рассрочку новый автомобиль, который по этой причине должны были конфисковать.

— Не плачьте, дружок. Вы можете поселиться под виадуками, — сообщил Бартоломеу, чем еще больше расстроил убитого горем человека.

Потом вступил в дело Димас. Пытаясь как-то успокоить доктора, он поведал ему об одной стороне своей жизни, которая Бартоломеу не была известна. Димас рассказал, что его отца посадили на двадцать пять лет за вооруженное нападение. Вслед за этим его мать связалась с другим мужчиной и бросила пятилетнего Димаса и его двухлетнюю сестру. Их направили в разные сиротские приюты. Девочку удочерили, и они больше никогда не виделись. Димаса не усыновляли, поскольку никому не хотелось усыновлять пятилетнего мальчика, да еще и заику. Он рос без отца, без матери, без сестры, без любви, без учебы, без друзей.

Бартоломеу растрогал рассказ друга, и он попытался утешить его:

— My friend, я всегда думал, что ты мошенник, ворюга, каналья и плут по призванию. Я тебя просто не знал. Ты нормальнее всех придурков, вошедших в нашу группу!

Эта история нашла путь к сердцу доктора Лукаса. Он даже слегка протрезвел, заинтересовавшись беседой. Они подружились, проговорили три часа и вышли на улицу, обнявшись и напевая: «О, Лукас! Хороший парень! О, Лукас! Хороший парень!» Дружба без претензий и обязательств пришлась Бартоломеу и Димасу по душе. Они понимали, что у жизни вне кокона были, безусловно, свои отрицательные стороны, но и наличие привлекательных сторон тоже нельзя было отрицать.

На ночлег они в этот раз устроились в комнате на нижнем этаже дома доктора. Жена доктора слышала об общественном движении «Человек без границ». Она приготовила им ароматные спагетти с томатным соусом. На следующий день она поблагодарила друзей, поскольку вот уже шесть месяцев не видела, чтобы муж в таком приподнятом настроении принимал обрушившиеся на них удары судьбы.

Димас и Бартоломеу продолжили поход. К вечеру второго дня они встретили еще одного алкоголика, пребывавшего в отчаянии, который сидел, склонившись над прилавком. Бартоломеу показалось, что он его

знает. Когда же он увидел его лицо, то сразу вспомнил. Это был Барнабе, его лучший собутыльник в ночных кутежах. Рост Барнабе был 175 сантиметров, вес — 110 килограммов. Редко кто видел его трезвым и не жуящим что-нибудь. Алкоголь еще не вызвал у него потери аппетита. Барнабе прозвали Мэром, поскольку он обожал произносить речи, обсуждать политические вопросы и предлагать чудодейственные способы решения социальных проблем. Они с Бартоломеу были яростными спорщиками и никогда не выбирали выражений.

— Крас, ты где?! — воскликнул Барнабе на едва понятном языке, потому что ему стоило большого труда произносить слова полностью.

— Мэр, какая радость видеть тебя!

И приятели обнялись.

Димас и Бартоломеу отвели Барнабе на площадь, находившуюся в пятидесяти метрах от пивной. Там они пробыли вместе с ним несколько долгих часов, ожидая, когда его мозг очистится от алкоголя. Когда голова Барнабе слегка просветлела, он обратился к Бартоломеу:

— Я видел тебя в газетах. Ты теперь знаменитость. Торгуешь спиртным. Нет, нет, извини, работаешь Санта-Клаусом, раздаешь бесплатные подарки, — произнес он, растягивая слова, и закончил: — Теперь ты щеголь. Команду бродяг бросил.

Бартоломеу ответил, что он остался прежним, только слегка изменил свое отношение к происходящему вокруг. Потом, воспользовавшись тем, что находится среди друзей, рассказал кое-что из своей биографии, как это сделал в свое время доктор Лукас. Как и Димас, он тоже попал в сиротский приют, только по другой причине.

— Мой отец умер, когда мне было семь лет, а два года спустя умерла от рака и мать. Меня отправили в сиротский приют на окраине города. Там я пробыл до шестнадцати лет, а потом убежал.

Димас взглянул на Бартоломеу.

— Уж не собираешься ли ты сказать, что ты и есть Золотая Нога?

Так звали Бартоломеу в сиротском приюте, поскольку он там прославился как хороший футболист. Взволнованный Бартоломеу посмотрел на Димаса и тоже узнал его. Им обоим все время казалось, что они когда-то были знакомы. Но дружили они недолго, всего год, и лишь теперь снова встретились. Двадцать лет спустя.

— Какая радость! Семья опять вместе. Только вот у меня нет никого, — произнес Барнабе.

У него закружилась голова, он поставил локти на колени и оперся подбородком о кулаки.

Бартоломеу стало жалко приятеля. Взглянув на часы, он увидел, что они с Димасом уже опаздывают на встречу с учителем, и попросил Димаса отправиться туда, а сам решил остаться и продолжить разговор с Барнабе о новой семье.

Мы с Журемой пошли к студентам университета, расположенного напротив моего. Я пытался стимулировать их желание мыслить. Подталкивал их к тому, чтобы они овладели методикой Сократа для создания экзистенциалистских проектов и расширения мира идей. Журема заговорила громче, призывая студентов подойти ближе. Красноречие старушки произвело на всех большое впечатление. Она была бодрее и проворнее их — уставших, подавленных, унылых.

Вдруг, когда я меньше всего этого ожидал, появилось несколько преподавателей, показывавших на меня пальцами. Я покраснел. Это были мои коллеги по университету, читавшие здесь свои курсы лекций. Они подошли поближе, улыбаясь. Я мог разобрать, что они говорят друг другу, будто деспотичный координатор курса социологии потерял рассудок.

— Дайте им отпор. Это вызов, брошенный тому, кто вышел из кокона, — сказала мне профессор Журема.

Иными словами, это была цена, которую я должен был заплатить за то, что мне в свое время не хватало терпимости. Преподаватель, который не совершенствовался, который не умел проводить занятий и который считал, что я его притесняю, недолго думая, спросил:

— Как вам нравится жизнь придурка?

Я предпочел отвернуться и отойти в сторону. Но профессор Журема взяла меня за руки и попыталась успокоить.

И я успокоился, посмотрел преподавателю прямо в глаза и ответил:

— Я стараюсь разобраться в своем сумасшествии. Когда я прятался под маской интеллектуала, мне казалось, что я вполне здоров, но теперь, когда я брожу в поисках самого себя, понимаю, что я гораздо безумнее, чем думал раньше.

Преподаватели были ошеломлены, они поняли, что я не потерял способности быстро соображать, но никогда раньше не замечали, что я способен признавать свои ошибки. Они никогда не видели меня смиренным и начали складывать оружие.

Я воспользовался этим, чтобы показать работу своего ума, не надеясь, однако, на то, что меня поймут.

— Кто вы такие по сути? Как у вас обстоят дела с удовольствием? У вас есть время на то, чтобы расслабиться? Сделали ли вы вклад в собственные проекты или похоронили их? Вели вы себя как интеллектуальные гиганты или же были человеческими существами без границ, знающими, как разделить свою боль с другими? Знакомы ли вы с арифметическим действием вычитания в общественных отношениях? Кто вы? Обучающие машины или агенты, формирующие мыслителей?

Преподаватели почувствовали, что придурок, пытавшийся покончить с собой, находится теперь в лучшей форме, чем тогда, когда вел с ними дискуссии в университетах. Один из них, Марко Антонио, преподаватель логики в ее прикладном значении по отношению к социологии, наиболее образованный из всех преподавателей кафедры, дидактику которого я тем не менее всегда критиковал, похвалил меня:

— Я следил за вашими передвижениями, Жулио, по газетам и по рассказам студентов. На меня произвело по-настоящему большое впечатление ваше мужество, которое потребовалось на то, чтобы прервать ваши занятия и перестроиться. Все люди рано или поздно должны сделать подобный перерыв в своих занятиях, чтобы найти самих себя и еще раз продумать свою жизнь.

Я поведал им о проекте грез. Подчеркнул, что это не проект мотиваций, собственного роста или самопомощи, а проект формирования мыслителей-гуманистов. Это проект формирования «человеческого существа без границ».

Задумчивый и восхищенный профессор Марко Антонио признался, что ему наскучил конформизм и чрезвычайно надоел вреднейший парадокс «физической изоляции versus массированного потребления». Я попросил его рассказать поподробнее об этом парадоксе, поскольку не совсем понимал, куда он клонит, на что он ответил:

— Человеческие существа живут на островах в областях, которые должны бы быть континентами, а также на континентах в таких областях, которые должны быть островами. Иными словами, им следует быть вместе в таких сферах, как диалог, обмен опытом, преодоление отчаяния, и быть островами в таких областях, как вкус, образ жизни, искусство, культура. Однако телевидение, фаст-фуд, индустрия моды придали нашим вкусам и стилям жизни массовый характер. Мы потеряли индивидуальность и обрели индивидуализм.

Я подумал про себя: «Мысли этого профессора очень похожи на мысли учителя». Вслед за этим профессор сказал, что после того как Маркс опубликовал свой «Капитал», новые общественные движения — идеалистические, утопические, с интересными предложениями — не возникали. Потом он спросил нас, как он мог бы получить социологический опыт, будучи человеческим существом без границ. Я был счастлив снабдить его этой информацией.

Все пары вернулись в приподнятом настроении. Все столкнулись с непредвиденными трудностями, но все получили прекрасный жизненный опыт. Опыт, который не увеличил наш банковский счет, не поднял уровень нашего социального статуса, но дал возможность познакомиться с нашими истоками.

Некоторые пары привели с собой друзей и подруг, с которыми сблизилась на пути. С Моникой пришли пять подружек-манекенщиц. Их заинтересовала возможность выступать на неизвестных им ранее подиумах. Мы с Журемой привели двух преподавателей и двух студентов. Димас — доктора Лукаса и его жену. Соломон взял с собой своего прежнего психиатра, специалиста по расстройствам, связанным с тревожным состоянием, который, однако, сам жил в состоянии постоянной депрессии. Пациент заразил врача-психиатра своей веселостью, и тот решил принять несколько доз этого удивительного социального антидепрессанта.

Все вернувшиеся не умолкая говорили об опыте, полученном ими. Возбужденно рассказывали о радости, которую им дало проникновение в потайные уголки душ незнакомых людей. Им открылась необъяснимая радость соучастия в жизни других, восторг, который дает анонимная солидарность.

Всего в группу влилось тридцать восемь новичков. Среди них два правоверных иудея, два мусульманина — это помимо тех, кто уже был

в команде. Вдруг мы заметили отсутствие самого неугомонного из нас, Бартоломеу. Димас сообщил, что тот встретился со своим другом и скоро придет.

Атмосфера была такой волнующей, что мы устроили первый импровизированный праздник, первый из многих, которые затем последовали. На этих праздниках богатые и бедные, интеллектуалы и безграмотные, христиане, мусульмане, иудеи, буддисты и аскеты ели, танцевали и без каких-либо предрассудков перемешивали свои миры. Правило заключалось в том, чтобы каждый участник привнес в праздник частичку себя.

Робеспьер даже в философическом бреде представить себе не мог, что три принципа Французской революции — свобода, равенство и братство — будут однажды воплощены с таким клокочущим весельем самыми разными людьми. Учитель, заметив наше оживление, сказал:

— Мы никогда не будем равными по сути в том, что составляет неотъемлемую часть нашей индивидуальности, в наших мыслях, в наших реакциях, в нашей оценке явлений жизни. Мечта о равенстве возникает лишь на почве уважения различий.

Однако не всем парам повезло. Мой друг Эдсон столкнулся с серьезным затруднением. У него под обоими глазами были синяки. То ли он два раза упал, то ли два раза получил по физиономии. Всем было интересно узнать, что случилось. Эдсон рассказал, что после того, как он успешно поделился с двумя людьми своим альтруизмом и дружелюбием, некто оскорбил его при всем честном народе.

— Один мужчина лет пятидесяти, — рассказывал он, — спросил, знаю ли я Нагорную проповедь. Я ответил, что знаю. — Эдсон сделал паузу. Ему было немного стыдно. Я попытался утешить его и спросил:

— Чего же в этом плохого?

— Ничего, но проблема в том, что он попросил меня процитировать несколько отрывков из этой проповеди, что я с удовольствием и сделал, так как знал проповедь наизусть. — Он снова умолк и начал краснеть. Его молчание побудило Димаса задать еще один вопрос:

— Но разве это не прекрасно?

— Да, но когда я дошел до того места, где говорится о том, что ударившему тебя по одной щеке следует подставить другую щеку, он

спросил меня, верю ли я в это. Я не моргнув глазом ответил, что верю. — Эдсон сделал очередную паузу. Ему явно было неудобно.

Учитель внимательно его слушал, а Моника, воспользовавшись тем, что он молчал, спросила:

— Но не чудесно ли это, Эдсон?

Эдсон изменил голос:

— Да, точнее, нет. В этот момент мужчина ладонью правой руки ударил меня по левой щеке. Я никогда раньше не чувствовал такой боли, никогда не был так зол. У меня дрожали губы, мне хотелось тут же придушить этого типа. Но я стерпел.

Учитель оценил его героизм.

— Мои поздравления, — сказала профессор Журема. — Это настоящее чудо. Это чудо естественности. Но наш друг в рваной одежде, а лицо исцарапано.

— А почему и под вторым глазом синяк? — поинтересовался Соломон.

И тогда Эдсон объяснил уже все.

— Потом этот тип попросил меня подставить ему правую щеку. Подставлять правую щеку мне не хотелось, но не успел я как следует поразмышлять над этим, как он нанес мне новый удар. Мне хотелось схватить его за шиворот, но я вспомнил о том, что мы пережили вместе. Я вспомнил о смиренном учителе из Назарета, о проекте продажи грез и стерпел. Не знаю, как, но стерпел, а он смеялся надо мной. Он слышал о нашем проекте и называл меня продавцом глупостей.

Люди одобрили его поведение аплодисментами. Но Эдсон попросил внимания и сказал, что допустил оплошность. Как это случилось? Эдсон объяснил:

— Потом он снова попросил меня подставить правую щеку. Я задыхался от ярости. Я знал, что Иисус предлагал подставлять другую щеку, но никогда не предлагал делать это два раза. Тогда я поглядел на небо, попросил прощения и врезал ему как следует. Поскольку я был слабее его, то и мне досталось.

Момент был такой, что смеяться вроде и не над чем. Но было невозможно без смеха смотреть на лицо нашего друга. Учитель сдержанно улыбался. Он не оправдывал жестокости, но сразу же после рассказа Эдсона он прочитал нам незабываемую лекцию.

— Быть человеческим существом — не значит быть простодушным и без нужды подвергать себя опасности. Помните, что я позвал вас не для того, чтобы вы стали героями. Не провоцируйте и тем более не конфликтуйте с обидчиками. Подставлять другую щеку — это синоним не слабости, но силы. Это не синоним глупости, но ясности ума.

Затем он сделал паузу, чтобы мы могли понять его мысль, и продолжал:

— Подставить другую щеку — это символ зрелости и внутренней силы. Речь идет о щеке не в физическом смысле слова, а в духовном. Подставить другую щеку — это означает попытаться ответить добром тем, кто обманывает наши ожидания, и проявить своего рода элегантность, похвалив того, кто нас поносит, проявить альтруистическое благородство по отношению к тому, кто доставляет нам неприятности. А также молча и без шума уйти из-под удара тех, кто нам угрожает. Подставить другую щеку — значит предотвратить убийство, не допустить появления травм и ненужных шрамов. Слабые мстят, сильные защищаются.

Эдсон впитал в себя эти идеи, словно сухая земля, впитывающая влагу. После этого эпизода он совершил своего рода эмоциональный скачок, отшлифовал свои знания, расширил возможности своего ума и многое сделал для нашего движения. Слова учителя про никли в наши души, как проникает луч, прогоняющий мрак. Мы начали проявлять такое нетерпение, что подвигли двух правоверных иудеев на то, что те обнялись с присутствующими мусульманами. Я искал глазами своего друга Марко Антонио. Вспомнилось, как я сильно досаждал своим коллегам в университете. Я и не знал, что те, которые подставляют другую щеку, значительно счастливее, спокойнее и гораздо лучше спят.

Журема шептала мне на ухо:

— Я вела занятия более тридцати лет. Но должна признаться, что выпустила много студентов, отличавшихся агрессивностью, раздражительностью, мстительностью, не ведающих о солидарности и совершенно незащищенных.

Я же подумал: «А я еще больше. В учреждениях, в которых мы меньше всего сомневались, мы подготовили настоящих диктаторов. Единственное, чего им не хватало, так это власти».

Пока я размышлял над этим, возникла суматоха. Появились Бартоломеу и Барнабе. Оба были навеселе. Бартоломеу был так рад встрече с другом, что потерял бдительность. Он хватил лишнего в ознаменование встречи и снова напился.

Оба шли в обнимку. У них заплетались ноги, и, чтобы не упасть, они поддерживали друг друга. Явились они, напевая песню Нельсона Гонсалвеса:

— Богемия, я вернулся и умоляю снова занести меня в список. Я вернулся, чтобы снова увидеть друзей, которых однажды оставил, а теперь вернулся, чтобы увидеть их плачущими от радости.

Пьяный Бартоломеу взволнованно произнес свою самую любимую фразу:

— Ах! Как же мне нравится эта жизнь!

— Закрой рот, Бартоломеу! — прокричали мы в один голос и разразились хохотом.

Но он не стал закрывать рот. Едва держась на ногах, он посмел критиковать проект учителя. Он оглядел приглашенных, покраснел и сказал, что это движение — не новость для него.

— Дело вот в чем, шеф. Насчет того, чтобы быть человечным без границ. Это старо. Очень старо, а вы не знали? — проговорил Бартоломеу и попытался показать, насколько старо это дело, на пальцах. — Алкоголики были такими с давних пор. Ни один пропойца не главнее другого. Все целуются, все обнимаются друг с другом. Нет у нас никаких границ. Понимаете?

Я внимательно посмотрел на продавца идей. Он потратил на наше обучение свое время. Был с нами крайне терпелив, и теперь, когда его мечта была ближе всего к воплощению, произошло такое вот крушение надежд. Учитель подошел к двум друзьям, обнял их и шутливым тоном сказал:

— Кое-кто может жить вне кокона всю свою жизнь, другим периодически нужно возвращаться в свой дом.

И, не показывая своего разочарования, подтвердил правоту Краснобая, что было просто невероятно!

— Алкоголики по сути дела являются человеческими существами без границ, в особенности если они не агрессивны. Почему? Потому что в определенных случаях алкоголь блокирует в голове те архивы памяти, которые содержат предвзятость, предрассудки, барьеры

социального, национального и культурного порядка. Но лучше, если это достигается в трезвом виде с опорой на нелегкое искусство думать и выбирать.

После этого учитель, не выказав никакой скованности, пустился в пляс прямо среди собравшихся. Он был в полном восторге. Он знал, что никто и никого не может изменить, кроме себя самого, разумеется. Ему было лучше, чем кому-либо из нас, известно, что вне кокона мы непременно столкнемся с непредвиденными обстоятельствами.

Наблюдая за братским отношением учителя к ученикам, поведение которых никак не соответствовало хотя бы посредственной оценке, я убедился в том, что величие любого учителя проверяется на тех, кто взбунтовался или имеет затруднения с усвоением материала, а не на первых учениках в классе. Сколько же преступлений я совершил! Ведь я ни разу не обнял бунтаря и ни разу не сделал ставку на отстающего.

Подозвав к себе Журему, я сказал ей:

— Я хоронил студентов в подземельях общеобразовательной системы.

У Журемы, заглянувшей в зеркало своего жизненного пути, тоже хватило смелости признаться:

— К сожалению, я тоже. Вместо того чтобы поощрять творческое бунтарство, интуицию, способность абстрактно мыслить при ответах, я требовала точных данных. Мы формировали молодых людей, находящихся под постоянным стрессом, напряжением, людей с инстинктом хищника, стремящихся быть всегда первыми, а не терпимых миротворцев, считающих себя исполненными достоинства, занимая девятое или десятое место.

У нас появилось чувство, что после этого урока мы в социологическом отношении вышли из детства и вошли в отрочество. Праздник продолжался до самого рассвета. Мы были пьяны от веселья. Барнабе получил приглашение вступить в группу грез. Они с Бартоломеу стали самой эксцентричной парой, при носящей наибольшие затруднения и опасности. Мы сомневались, смогут ли они измениться и не превратят ли они нас в еще более помешанных, чем мы являлись на самом деле. Но это не имело значения, ибо я тоже начинал восхищаться этой жизнью.

Продавец грез в храме финансов

Известность учителя росла изо дня в день. Предприниматели и администраторы прослышали об этом необычном человеке и, будучи заинтересованными в новых методах руководства и в новых формах творчества, прислали мне письмо с просьбой уговорить учителя прочитать лекцию. Им хотелось познакомиться с умом, будоражащим общество.

С моей точки зрения как теоретика марксизма, эту элиту в первую очередь интересуют деньги, во вторую- их банковские счета и в третью — их капитал. Я уж чуть было не ответил, что продавец идей приглашений не принимает. Но, чтобы не препятствовать ему принять решение лично, я все-таки сообщил о приглашении.

И был удивлен. Подумав, учитель сказал, что поговорит с ними, но в такой аудитории, которую выберет сам, и дал мне адрес. Это было место, о котором я никогда не слышал. Я не знал ни размеров зрительного зала, ни того, оборудован ли он системой кондиционирования воздуха и удобными креслами. А мы знали, что эти люди привыкли к максимальному комфорту.

Мне сказали, что предпринимателей и администраторов соберется сто человек, среди них — всего четыре женщины. Среди слушателей будут промышленники, банкиры, владельцы крупных строительных компаний, руководители сетей супермаркетов и магазинов, а также других отраслей производства. Они представляют большую часть богатств мегаполиса и штата.

Финансовую элиту привело в возбуждение согласие учителя, но, как всегда в таких случаях, в моем лице нашелся критик, который вылил на их головы ушат холодной воды. Я сказал им, что человек, которого они будут слушать, не привык останавливаться ни перед чем и способен заставить даже таких коммунистов, как Ленин, недовольно забрюзжать. Мой укол поубавил участникам встречи энтузиазма. Потом я совсем уж скверно пошутил: сказал, что продавец грез может назвать их гадюками капиталистического общества, кастой буржуев-эксплуататоров. Шутка им не понравилась. Она их насторожила. Но

все равно им хотелось покопаться непосредственно в первоисточнике удивительных идей.

Они получили адрес и определили время встречи. Некоторые лидеры высказали удивление по поводу того, что не знают, что это за место, поскольку привыкли организовывать различного рода мероприятия в лучших помещениях города. В тот вечер, на который была назначена встреча, учитель ушел раньше нас. Казалось, что он отделился, чтобы предаться медитации. «Наверное, проверяет надежность своей артиллерии? — подумал я. — А может быть, просит своего Бога вразумить его, дабы он смог выбить почву из-под ног правящего класса? Ему предоставляется прекрасный шанс переломить становой хребет финансовой элите», — продолжал я размышлять. Но мне так и не удалось предугадать, что произойдет. Я потерял дар речи, мои друзья были ошеломлены.

Поскольку мы не знали точного месторасположения объекта с таким адресом, то начали спрашивать дорогу к нему. Мы стояли уже на указанной улице у дома с таким номером, но здания, в котором могли бы проводиться массовые мероприятия, нигде не видели. Местность вообще была необычная и плохо освещенная. Позднее мы увидели еще одну группу людей, не знавших, куда идти. Это оказались предприниматели и администраторы. Они думали, что адрес, который дал им я, был неправильным. Но я подтвердил, что получил именно этот адрес. Тем не менее мне и самому показалось, что они правы. Учитель, не будучи человеком привилегированной касты, мог и не знать, где в этом городе находятся аудитории большого размера, и дал нам неверные сведения.

Руководители предприятий были разочарованы. Мы решили идти дальше вместе по указанной в адресе улице. Неожиданно перед нами появилось огромное и мрачное кладбище. Это был известный некрополь «Реколета». Смутившись, мы проверили и убедились, что номер дома на улице совпадает с номером на воротах кладбища. Я подумал: «Если учитель уже получил известность как сумасброд, то теперь она только укрепитя в умах этих людей». Сам он, возможно, находится где-то на другом конце города.

— Мне часто мерещатся привидения, но мне совсем не нравится бывать на кладбище, особенно ночью, пошли отсюда, — сказал Соломон.

Без особой уверенности я взял его за руку, пытаюсь успокоить. Начали съезжаться участники встречи в своих шикарных машинах и присоединяться к нам. Все были в недоумении. Я опозорился перед этими людьми и то и дело просил их извинить меня за неправильно названный адрес. Внезапно, когда мы решили уйти, ворота большого кладбища со скрипом открылись. Краснобай тут же обнял руку Ангела, и оба затряслись от страха.

— Я в таких местах появляюсь только после того, как хорошенько надерусь водки.

Едва Бартоломеу успел произнести эту фразу, как в воротах возникла странная пугающая фигура. Опознать ее было невозможно из-за плохого освещения ворот. Хорошо еще, что света внутри кладбища было больше. Фигура подавала знаки рукой, явно приглашая войти. Это был всего-навсего сегодняшней лектор, то есть учитель. Мы потеряли дар речи, убедившись, что данный нам адрес был правильным.

Все мы, и ученики, и предприниматели, с опаской двинулись в эту своеобразную аудиторию. Мы незаметно поглядывали друг на друга и, надо полагать, думали одно и то же: «Куда меня занесло!» Мне впервые пришлось узнать, что лекцию на тему о творчестве и управлении можно проводить и на кладбище. Впервые о скверном мире живых будут говорить на «подмостках» мертвых. Когда мы приближались к «лекционному залу», учитель мрачным и дрожащим голосом приветствовал слушателей самым странным образом:

— Добро пожаловать, самые богатые будущие постояльцы этого кладбища! Чувствуйте себя как дома.

Ноги у предпринимателей начали подкашиваться. Они привыкли к серьезным стычкам, к жестокой конкурентной борьбе, феноменальным рискам, но отнюдь не к дуэлям такого рода. Анонимный лектор нокаутировал их уже в первом раунде. Я не знал, что сказать, как реагировать. Окружавшие меня люди выглядели не менее ошалевшими. Кладбище «Реколета» — учреждение импозантное. Оно предназначено для людей с достатком. Его склепы роскошны — настоящие произведения искусства.

Видя, что мы погрузились в себя, учитель начал излагать свои идеи:

— Здесь обрели вечный покой выдающиеся мужчины и женщины нашего общества. Мечты, апатии, тайные помыслы, видимые свету эмоции, приступы мучительной тревоги, редкие моменты наслаждения составляли жизнь тех, кто здесь обрел вечный покой. Их жизненные истории спят. И редко кто проявит о них заботу, исключая ближайших родственников.

Мы не знали, куда клонит учитель. Не знали также, началась ли лекция или это только вступление. Единственное, что было понятно, так это то, что он приглашает нас совершить путешествие по страницам собственных жизненных историй. Прошлое усопших приподнимало завесу, скрывавшую наше собственное будущее. Голос учителя, который поначалу, казалось, пытался нагнать на нас страх, теперь начинал приобретать необъяснимую сладость. Вскоре он обратился к слушателям с просьбой:

— Почитайте в течение десяти минут добрые слова, начертанные над входом в склепы.

Такого социологического опыта я никогда не проводил. Несмотря на то что освещение было далеко не идеальным, мы пошли по аллеям кладбища и стали читать надписи, вырезанные в металле, в которых говорилось о славном жизненном пути тех, кто здесь похоронен. Как много печальных фраз! Сколько кладбищенских штампов! Сколько возвышенных слов! Были надписи и такого содержания: «Моему благородному и доброму мужу с грустью от любимой жены. Упокой его, Господи», «Дорогому папе. Время забрало тебя у нас, но оно никогда не отберет у нас любви, которую мы к тебе питаем», «Папа, ты забываем. Я буду любить тебя вечно», «Незаменимому другу. Спасибо за то, что ты жил и был с нами».

Не знаю, что случилось со мной по прочтении надписей на этих пластинах, но я почувствовал эмоциональный подъем и начал вспоминать людей, которых потерял. Сам я так и не сделал подобной надписи на могильной плите отца и даже не поблагодарил его за то, что он дал мне жизнь. Мои чувства были заблокированы его самоубийством. Даже на могиле моей смелой матери я не оставил слов сожаления, если не считать тех, которые держу в уме: «Я люблю тебя. Спасибо за поддержку моего бунтарства».

Я посмотрел по сторонам и увидел, что все мои друзья и предприниматели глубоко тронуты. Мы совершили путешествие во

времени. Мы открыли врата того, что находится вне сознания, и повстречались с самым жестоким проявлением недолговечности. Участники эксперимента были людьми, руководившими предприятиями с многотысячным персоналом, а сейчас ощутили себя простыми смертными.

В этот момент я почувствовал, что учитель сознательно формирует атмосферу встречи. Он отбирает у своих слушателей уверенность в своей безопасности, их средства защиты сохранения их финансового статуса, чтобы было проще торпедировать их своим словом. Он задал такой вопрос, который ни одному предпринимателю не хотелось бы услышать:

— Где они находятся и кто они теперь, нынешние пролетарии?

Я подумал: «Сейчас эта публика разбежится. Хотя они только что были ошеломлены путешествием в прошлое, эти люди не потерпят потока критики, который обрушит на них продавец идей». Ответ, который казался неизбежным, не прозвучал. Учитель, не производя никаких физических манипуляций с моим организмом, потряс его. Вывернув наизнанку марксистскую теорию, он сказал:

— Пролетариями на сегодняшний день являетесь вы, по крайней мере, составляете важную их часть.

«Что это за утверждение? — подумал я. — Неужели он не знает, что за люди собрались его послушать?» Мне хотелось бежать отсюда, потому что учитель, как мне казалось, не понимает, о чем говорит и с кем. Но он быстро заставил меня изменить ход мыслей и начал собственно лекцию.

Он сказал, что философ Карл Маркс (1818–1883) покинул свою родину и переехал в Париж, где познакомился с Фридрихом Энгельсом (1820–1895). Вместе они придали своим идеям более научный Вид, вошли в кружки социалистов и начали сотрудничество, которое продолжалось всю их жизнь. С их точки зрения, факторы экономического и технологического порядка, такие, как способ производства материальных благ, существующий в данный момент, распределение этих благ, являются силами, определяющими развитие истории, а также подводят фундамент под политику, законодательство, мораль и философию, то есть под всю культуру. Маркс полагал, что история человечества подчиняется законам науки, и отвергал любые объяснения явлений природы и истории с религиозных позиций. По

этим законам люди, в особенности рабочий класс, были свободны создавать свою собственную историю.

Однако свобода, о которой они мечтали, так и не стала реальностью. Когда социалисты брали власть в свои руки, они превращались в людей непреклонных, начинали уничтожать тысячи так называемых противников, отнимали у людей свободу слова, лишали их других прав, подавляли в конечном итоге свободу, о которой сами же и говорили. Рабочий класс не стал творцом собственной истории, а лишь истории, которую для него определяли сверху. На смену прежней религии пришел культ личности этих вождей.

— Их революция была внешней. В отличие от них, моя мечта состоит не в том, чтобы разрушить существующую политическую систему, а в том, чтобы перестроить ее. Я не верю в изменения, приходящие извне и действующие внутри. Я верю в мирные перемены, исходящие изнутри и идущие вовне. Верю в способность мыслить, смотреть и видеть, критиковать, интерпретировать социальные явления и в особенности — в способность получать удовольствие. Моя мечта — это мечта, внутренне присущая человеческому существу.

После этого краткого объяснения, которое показывало, что он понимает то, о чем говорит, учитель сказал, что в то время, когда Маркс выдвинул свои идеи, правящий класс своих доходов не распределял, он использовал политическую и финансовую власть для того, чтобы угнетать рабочий класс. Незначительное меньшинство людей купалось в роскоши на фоне нищенского существования подавляющего большинства. Классовые различия все еще существуют, социальная несправедливость еще не устранена, однако в третьем тысячелетии наступивший глобализм породит новый класс эксплуатируемых людей.

— Это будете вы! — воскликнул он.

Услышав это утверждение, я опять задумался: «Но разве не они являются людьми привилегированными? Не они ли живут в роскоши, отгородившись от мира мажордомами? Как можно считать их эксплуатируемым классом, пролетариями наступившего тысячелетия?» Однако, подводя фундамент под свои идеи, учитель начал манипулировать старой поговоркой, знакомой многим из нас.

— В прошлые века, до того как система развилась, одного состояния хватало на три поколения. Поэтому старая пословица была вполне обоснована: дед богат, сын родовит, внук бедный сидит. Но ныне эта мысль редко находит подтверждение. Солидное предприятие может исчезнуть в течение пяти лет. Некое важное производство в короткое время может оказаться вытесненным с рынка. Иными словами, периода жизни одного поколения может оказаться достаточно для того, чтобы рухнули три, четыре, пять, а то и больше состояний. И мой карточный домик начал рушиться. После первоначального испуга предприниматели задумались и начали соглашаться с этим таинственным подстрекателем.

— Для того чтобы ваши предприятия выжили, вам нужно беспрестанно конкурировать между собой. Для того чтобы ваши предприятия не сожрали конкуренты, вам необходимо ежегодно снова находить себя, ежемесячно превосходить себя и еженедельно менять самого себя.

Затем он задал главный вопрос, на который никто не ответил правильно:

— Уничтожает ли система малозначащие и малоэффективные предприятия?

Все в один голос ответили: «Да». Но он сказал: «Нет».

— Система уничтожает не предприятия, она уничтожает их руководителей.

Учитель сказал нам также, что врачи, адвокаты, инженеры, журналисты и представители многих других профессий находятся в том же процессе ликвидации. Денежные мешки начали понимать, что не являются такими богатыми, как им это казалось. Те, в чьих руках сосредоточена власть, начали понимать, что они не так сильны, как думали. Однако многие все еще были настроены скептически. Учителю скептики очень нравятся, так как он имеет возможность переубедить их благодаря изощренности своего мышления. Чтобы не оставалось никаких сомнений, он поставил диагноз и продемонстрировал результат.

— Господа, время рабства со страниц истории еще не стерто, рабство лишь изменилось по форме. Сейчас я задам вам несколько вопросов, прошу вас быть предельно откровенными. Знайте, что тот,

кто не откровенен, имеет неоплатный долг перед своим психическим здоровьем. Ответьте мне, у кого из вас бывают головные боли?

Люди почувствовали себя несколько смущенными, но потом один за другим начали поднимать руки. Было видно, что руки подняли почти все.

— У кого мышечные боли?

И опять большинство из них подняли руки. Это были наиболее откровенные люди. После чего учитель продолжил задавать вопросы:

— Кто ложится спать усталым? У кого выпадают волосы? Кому кажется, что его ум возбужден? Кто испытывает мучения от трудностей, которые еще не возникли? Кому кажется, что он висит на волоске? Кого раздражают самые мелкие проблемы? У кого эмоции носят переменчивый характер — то человек спокоен, то, когда что-то происходит вопреки его ожиданиям, он взрывается? Кого страшит будущее?

Большинство присутствующих даже не давали себе труда опускать руки. У всех были названные симптомы. Я не верил своим глазам, тер их обеими руками и спрашивал себя: «Неужели это элита общества? Почему у них такая отвратительная жизнь? Не они ли пьют лучшие вина? Не они ли посещают лучшие рестораны? Почему же они находятся в таком стрессе?. Я был потрясен.

Мое сознание все время возвращалось к проблеме основ социализма. Их нужно было откорректировать. Буржуи разъезжали в роскошных автомобилях, но были парализованы стрессами, под давлением которых постоянно пребывали. Они возвращались домой с пляжа, а их эмоции не покачивались на волнах удовольствия. Они спали на мягких матрасах, но не испытывали физического комфорта, а сон тоже не приносил им радости. Они носили безупречные костюмы, но оставались по сути дела нагими, незащищенные от стрессов и тревог.

«Какое безумие! — думал я. — Где то счастье, которое система обещала тем, кто поднимется на верхнюю ступеньку капиталистического общества? Где спокойствие тех, кто накопил богатства? Где то благо, которое приносит конкуренция? Они страхуют дома, жизнь, предприятия, организуют социальное обеспечение, даже страхуют себя от похищения, но почему же у них такая богатая

симптоматика, свидетельствующая об отсутствии какой бы то ни было безопасности?» Система давит своих вождей.

Расшатывая некоторые устои марксистской теории

Вопросы, которые учитель задавал на кладбище «Реколета», привели нашу нервную систему в состояние шока. Я нападал на предпринимательскую элиту в лекционном зале в течение многих лет, но некоторые свои взгляды пришлось пересматривать. Я начал понимать, что система обманывала надежды всех, в особенности тех, кто больше всего способствовал ее укреплению. Она затрагивала интересы даже знаменитостей, и не только вторжением в их частную жизнь и понижением восприимчивости, но и тем, что их успех зачастую оказывался мимолетным.

Борьба за конкурентоспособность высасывала из них мозговую энергию до последней капли. Они тратили больше энергии, чем многие работники физического труда, были постоянно утомлены из-за чрезмерных переживаний. Они были победителями, но без трофеев, по крайней мере, духовного порядка.

В промышленном производстве стресс был наибольшим, поскольку шла настоящая война за низкие цены, усугубляемая государственными субсидиями, негативно влияющими на себестоимость продукции, что, в свою очередь, способно поставить предприятия где-то на другом конце света на грань разорения. К этому следует добавить отличия систем налогообложения производимых товаров и отличия в оплате труда работников в разных странах, равно как и так называемый демпинг (понижение некоторыми предприятиями цен на свои товары ниже уровня их себестоимости). Искусство выживания становится поистине омерзительным.

Состояние здоровья участников встречи было катастрофическим. Тридцать пять процентов из них страдали либо от болезней сердца, либо от гипертонии. Пятнадцать процентов болели раком, и кое-кому из них жить оставалось не более года. У тридцати процентов наблюдались депрессивные кризисы, а у десяти — синдром паники. У шестидесяти процентов случались семейные конфликты. Девяносто пять процентов имели по три и более симптомов чисто психического

или психосоматического характера; пять процентов из этой последней категории имели по десять симптомов.

В некоторых странах пролетариев все еще эксплуатируют. Однако же в развитых сообществах и в тех, которые находятся в процессе становления, где законы о труде справедливы, права человека соблюдаются. Наиболее эксплуатируемыми там являются работники умственного труда: управляющие, директора, предприниматели, лица свободных профессий, преподаватели, журналисты. Система, как трамбовочная машина, подминает под себя людей настолько, что многие ответственные работники уходят со своими проблемами домой и даже в отпуска. Работники с удовлетворительным жалованьем, не служащие на руководящих должностях, имеют время для друзей, на то, чтобы почувствовать аромат съестного, на то, чтобы расслабиться в конце недели, спать и просыпаться, не задыхаясь от навалившихся забот. Что касается руководителей предприятий, то для этой категории людей все перечисленное является недоступной роскошью. В прямом смысле слова «вассалы впервые жили лучше феодала».

Именно тогда я в полной мере осознал, почему учитель настойчиво повторял, что успех труднее пережить, чем провал. Успешный человек рискует превратиться в рабочую машину. Маркс и Энгельс перевернулись бы в гробах, если бы узнали, что окончательное развитие капитализма приведет к реализации социалистической мечты: предпринимательская элита погрязнет в хаосе, а рабочие обретут райские кущи. Впрочем, были и исключения. Проблемами рабочего класса стали потребительство, давление кредитов и расходы, превышающие доходы. Если исключить эти явления, то наивысшее развитие капитализма породило господство работников физического труда и эксплуатацию большей части тех, кто занимает руководящие должности.

Странная вещь: никто не интересуется статистикой, относящейся к этой новой группе эксплуатируемого населения. Казалось, что в эту группу входят люди сильные, самодостаточные полубоги, которые не нуждаются в поддержке, а еще меньше в мечтах. Они не были человеческими существами без границ, они были человеческими существами, укрывшимися в траншеях: Если не считать отдельных краткосрочных курсов лечения или периодических консультаций у специалистов-медиков, для них ничего не делалось. После лекции

стало очевидным, что учитель очень хорошо знал то, что говорил, и то, с кем говорил. Единственное, чего мы не знали, — откуда это все ему известно. Как может какой-то оборванец хранить в памяти столько данных? Что это за человек, который чувствует себя одинаково непринужденно в кругу нищих и в кругу миллионеров? Откуда он?

Бартоломеу, увидев, как участники этой необыкновенной встречи признаются в том, что испытывают те или иные недуги, не сдержался. Он поднял руку и задал учителю вопрос:

— Шеф, эти бедолаги вот-вот протянут ноги! Давайте устроим складчину и поможем им.

Он, вероятно, подумал, что слушатели одеты так хорошо потому, что собрались на какой-то бал-маскарад. Впервые в истории современной цивилизации нищий назвал представителей финансовой элиты бедняками. Впервые пролетарий почувствовал себя богаче миллионеров того общества, в котором жил. В словах Бартоломеу было столько неподдельной доброты, что развеселились даже те, кто был печален. Слушатели переглядывались, улыбаясь. Они не проявляли неуважения к покойникам взрывами смеха, они тихо смеялись над собственным бедственным положением. Им нужно было купить множество грез, чтобы свести к минимуму проблемы со своей психикой.

Мало нам было ночных сюрпризов, но случился еще один, от которого у нас волосы встали дыбом. Из склепа, расположенного в четырех метрах от первого ряда собравшихся, вдруг вышла страшная фигура, голова которой была покрыта старым белым пиджаком, и жутким голосом прокричала:

— Я смерть! Пришла, чтобы забрать вас!

Это явление сценарием учителя предусмотрено не было, и он тоже испугался. Возникшая сумятица была так велика, что я впервые поверил в существование привидений. Мое сердце и, думаю, сердца других присутствующих бились так, словно хотели вырваться из груди. Что же это было?

Мы вышли из области разумного и попали в область ирреального страха. Кое-кто побежал прочь, но привидение одарило нас улыбкой и успокоило:

— Спокойно, ребята. Спокойно! Зачем впадать в отчаяние? Вскоре мы все заснем в месте, подобном этому. Фигура сняла пиджак с

головы. Это был Барнабе, черт бы его побрал! Бартоломеу и Барнабе, эта совершенно неуправляемая парочка, просто не могли не поставить собственный спектакль где бы то ни было. Горбатого исправит только могила.

Каждый раз, когда мы приближались к апогею воздержанности, нас непременно швыряло на самый негостеприимный уровень безумства. Они все портили. Если бы в прошлом они были моими студентами, я непременно добился бы их исключения: Однако, к сожалению, они нашли себе другого учителя, который ставил все, что у него было, на того, у кого почти ничего нет. Я никак не мог понять, как ему удастся любить этих неисправимых кутил-весельчаков.

Заметив, что «аудитория» все еще напряжена, Барнабе извлек из кармана шоколадку и начал есть, обратившись к собравшимся со словами, которые тронули всех:

— Я много раз приходил на это кладбище пьяный и подавленный, чтобы подлечиться. Ведь живые люди редко разговаривали со мной, с презрением относясь ко мне как к чокнутому и безответственному алкоголику, а те немногие, кто снисходил до разговора, очень быстро переходили на ругань и дешевые поучения. Я удалялся вглубь этого кладбища и разговаривал с мертвыми. Здесь я оплакивал свою неправильную жизнь, говорил, что я несчастлив, что хотел бы начать все снова, но каждый раз терпел неудачу. Здесь я признавался в том, что являюсь отбросом человеческого общества. Здесь я просил прощения у Бога за свои пьянки, за свои недостойные выходки, из-за которых приходилось ночевать на городских площадях, потому что я бросил семью. И ни один мертвец ни разу не попрекнул меня за мои дурацкие выходки.

Предпринимателей взволновали откровенность Барнабе и та легкость, с которой он поделился тем, что чувствовал, что для их круга было большой редкостью. Необходимость открыться у них была, а вот возможности сделать это не было: нельзя показывать свою уязвимость, нельзя проявлять человечность.

Увидев, как Барнабе изливает боль своей души, Бартоломеу вновь появился на сцене. Он обнял его и попытался утешить в самой что ни есть непринужденной манере:

— Не плачь, Мэр. Мои грехи еще серьезнее. Я аморален.

— Нет, мои еще серьезнее. Я извращенец! — еще громче воскликнул Барнабе.

— Нет, мои ошибки неисчислимы. Я распутник, — возражал ему Бартоломеу.

— Нет, ты меня совсем не знаешь. Я безнравственный развратник!

И к вящему удивлению публики, они начали спорить, кто из них хуже. Предприниматели такого еще не видели. Они часто принимали участие в жарких спорах о том, кто из оппонентов лучше. Мы хотели прекратить эту эксцентричную перепалку, но боялись еще большего скандала. А Бартоломеу, желая показать, насколько он хуже, нетерпеливо заявил:

— Я испорчен, нечестен, лжив, не выполняю своих обещаний, не плачу по счетам, желаю жену ближнего своего. И, помимо всего этого, я украл у тебя деньги, когда ты был пьян...

Прервав колоссальный список проступков Бартоломеу, Барнабе с огорчением признал:

— Стой, стой, стой! Я согласен с тем, что ты самый крупный негодяй, которого когда-либо носила земля.

— Но, но, не раздувай, Барнабе! — огрызнулся Бартоломеу, которому новый титул не понравился.

Послушав эту перебранку, я, человек, который не помнил ни одной молитвы, не зная, как остановить их, посмотрел на небо и тихим голосом взмолился: «Боже, помилуй этих несчастных. Заткни им рот». Между тем предприниматели были в восторге. Им хотелось обладать такими же чистосердечием и раскованностью, какие эти два человека столь откровенно демонстрировали. Они годами и десятилетиями работали рядом со своими коллегами, но оставались закрытыми могилами, похожими на те, рядом с которыми они сейчас стояли. В профессиональном мире они жили вне коконов, в мире человеческой психики они были закрытыми сундуками, недоступными островами. Они даже не умели подставить плечо для того, чтобы кто-то мог на нем поплакать, скрывали свои чувства.

Учитель, к нашему удивлению, вместо того чтобы как следует отчитать спорщиков, похвалил их:

— Мои поздравления. Вы напомнили мне о моих собственных недостатках.

— Можете на меня рассчитывать, шеф, — отреагировал на поздравление Краснобай, поглядывая при этом на меня и пытаясь спровоцировать: — Эй, Суперэго! Учись у меня!

Я возмутился — здесь, на кладбище, где возмущение совершенно неуместно. «Ах, — подумал я, — как же я еще, в самом деле, несовершенен!»

Вслед за этим человек, за которым мы шли, рассказал очередную притчу. Он отметил, что многие животные имеют больше физических преимуществ и органов чувств, чем человек. Они лучше видят, слышат с невероятной остротой, лучше бегают, прыгают дальше и выше, ощущают более тонкие и далекие запахи, сильнее кусаются. Однако, несмотря на это, человеческий вид имеет более утонченный мозг, состоящий из ста миллиардов клеток. Такой мозг должен предоставить нам привилегию независимости, подвел итог учитель, спросив:

— Почему же наш мозг сделал нас такими зависимыми, особенно в младенчестве? Редко когда четырехлетний ребенок может выжить в одиночестве, в то время как многие млекопитающие и рептилии в таком возрасте уже не имеют никаких связей с родителями. Некоторые находятся на наиболее продуктивной стадии воспроизводства, а другие уже начинают стареть. Почему мы более зависимы, чем прочие виды, вопреки тому, что нам очень нравится независимость и влечет к себе индивидуализм? — вопрошал он, собираясь просветить своих учеников и предпринимательскую элиту.

Присутствующие затруднились с ответом. Они не понимали, к чему клонит учитель, но и не зная этого, они проникали на рынок его идей, на склад его грез. Один престарелый предприниматель старше семидесяти лет, как мне показалось, самый богатый из присутствующих, отеснил меня в сторону и негромко сказал:

— Я знаю этого человека. Где он живет?

— Вы и представить себе не можете, — ответил я и добавил: — Думаю, что вы ошибаетесь.

— Нет! Я где-то уже встречался с этим человеком выдающегося ума.

Тут же другой предприниматель, лет пятидесяти, который три раза становился банкротом и всегда вкладывал деньги в акционерные общества, ответил на вопрос учителя одним словом:

— Обучение.

Учитель похвалил его.

— Превосходно. Обучение — ключ ко всему! Мозг сделал нас полностью зависимыми в младенчестве в связи с насущной необходимостью усвоения опыта, накопленного в течение жизни многих поколений. Этот опыт должен быть усвоен и ассимилирован через обучение. Он не передается генетическим путем. Образование незаменимо.

После этого учитель потряс участников собрания, предупредив их о последствиях ментальной эксплуатации, которой подвергаются они и которую, возможно, переносят на своих детей.

Он рассказал о том, что многие родители оказывают на своих детей давление, требуя, чтобы они соревновались, занимались до истощения, ходили на курсы, готовились к тому, чтобы выжить в будущем. При этом родители не понимают, что чрезмерное давление лишает детей простодушия, принижает значение ценностей человеческой жизни, блокирует изучение опыта, разрушает то гуманное, что в них есть. Сделав небольшую паузу, чтобы отдышаться, учитель открыл по слушателям пулеметный огонь вопросами, как делал это со мной, когда мы только познакомились.

— Знают ли ваши дети о ДТП, в которых вы участвовали? Знают ли, как вы вышли из этих затруднений? Знают ли они о ваших страхах и алогичных поступках? Известно ли им что-нибудь о вашей храбрости? Интересовались ли они вашими наиболее важными планами? Знакомы ли они с вашей житейской философией, с вашей способностью интуитивно чувствовать, анализировать, размышлять? А видели ли они когда-нибудь ваши слезы? Прошу прощения, но если они ничего этого не знают, то это значит, что вы готовите машины, которые будут использованы системой, а не человеческие существа, призванные изменить эту систему. Если они не знают, то это значит, что вы пренебрегаете фундаментальными мотивами, по которым наш мозг сделал их такими зависимыми.

Затем последовала фраза, которая некоторых участников лишила сна:

— Поставьте себя на тридцать секунд на место ваших детей и подумайте, какие надписи они сделают на табличках, которые однажды появятся на ваших собственных склепах.

Это предложение вызвало вихрь эмоций в душах собравшихся. Я не хотел бы увидеть, что на моей могильной плите напишет мой сын. Он меня так и не узнал. Я всегда от него прятался. «Как может некто, живущий на самом краю общества, оценивать образование? Чем он руководствуется? Какие тайны хранит?» — думал я.

Вслед за этими рассуждениями учитель, взяв их за основу, перенес огонь на главный объект своей критики.

Капиталистическая система принесла обществу невообразимые завоевания, но серьезно рискует взорваться изнутри менее чем через сто лет или даже через несколько десятилетий. Хотя и не по причине классовых противоречий, предсказанных Марксом, но по причине, которая кроется в ней самой, в ее сердцевине: она дает свободу владеть и выражаться, но не дает свободы быть самим собой. Развитие капитализма зависит от мучительной жажды получить желаемое, но не необходимое. Оно зависит от хронической неудовлетворенности ростом потребления. Если в какой-то определенный период человечество состояло бы только из поэтов, философов, скульпторов, наставников, духовных вождей, то произошел бы мировой коллапс ВВП (валового внутреннего продукта), поскольку в целом эти люди являются наиболее удовлетворенными и больше потребляют необходимого. Возможно, ВВП сразу же упал бы на тридцать-сорок процентов. Появились бы сотни миллионов безработных. Произошел бы самый большой в истории спад производства, возникли бы бесконечные войны и споры.

Эти аргументы привели слушателей в изумление. Деловые люди над этим никогда не задумывались. Но учителю не хотелось углубляться в детали триединой проблемы: образование, потребительство и неудовлетворенность. Он предпочел не распространяться на эту тему и сразу же превратил обстановку из напряженной в доставляющую удовольствие. Он начал продавать мечты о снятии напряженности:

— Возвратимся к симптомам, о которых я спрашивал. Я хочу задать еще один вопрос, и если вы ответите все вместе, я приглашу вас на открытие психиатрической лечебницы.

Слушатели тут же по-настоящему расслабились.

— Кто проявляет рассеянность? У кого проблемы с памятью?

Невероятно, но руки подняли почти все. Люди забывали свои обещания, элементарные сведения, номера телефонов, места, в которых что-то оставляли, имена знакомых.

— Некоторые настолько забывчивы, — продолжал учитель раскованно, — что кладут ключи от машины в холодильник, а потом ищут их по всему дому. — Слушатели засмеялись. — Самые забавные ищут очки, находящиеся у них на носу. Другие забывают имена коллег, с которыми работали многие годы. Некоторым из-за боязни ошибиться приходится постоянно переспрашивать их: «Как вас зовут?» При чем речь идет об имени, а не о фамилии.

Некоторые предприниматели подтвердили это. Думаю, что и мой учитель тоже знал об этом не понаслышке.

— Сеньоры, ваш элементарный дефицит памяти не служит поводом обратиться за врачебной помощью. Почему?

— Потому что у врача тоже дефицит памяти, — ответил господин в синем костюме и пепельно-сером галстуке в кремовую полоску.

Все слушатели посмеивались над тем, что существуют под постоянным стрессом. Они начали понимать, что дефицит памяти в большинстве случаев есть не что иное, как отчаянная попытка мозга оградить себя от лавинообразного потока тревожных опасений.

Бартоломеу поднял обе руки, показывая этим, что о нем позабыли.

— Шеф, почему я никогда не помнил имена моих тещ?

Группа не могла больше терпеть его бесцеремонности. Барнабе, который уже давно знал его, на этот раз ничтоже сумняшеся изложил собственное мнение:

— Краснобай был женат трижды, кроме того, еще имел сношения с семью женщинами. Времени на запоминание имен тещ у него просто не было.

Краснобай оглядел присутствующих и раскинул руки, прося понимания. Ему хотелось сказать: «Я никогда не говорил, что являюсь святым!» Да, на прекрасный цветок он не был похож. Ему, вопреки всем стараниям, так и не удалось притвориться нормальным.

Учитель попытался подбодрить его:

— Я выбрал тебя не за твои ошибки или успехи, а за то, кто ты есть, за твое сердце. Не за сердце в физическом смысле, а в духовном.

Потом учитель переключил внимание собравшихся на другое.

— Я тоже забывчив, Бартоломеу. Некоторые говорят мне: «Учитель, с моей памятью творится что-то ужасное». Я отвечаю: «Не переживайте, с моей творится нечто еще более ужасное».

Слова и дела, которым я стал свидетелем, снова сняли завесу с моих глаз. Я тоже был забывчив, но никогда не допускал, чтобы мои студенты проявляли забывчивость. Я был жестоким экзаменатором. Мне вспомнился Жонатас, блестящий полемист, который, тем не менее, не умел конспектировать то, что говорилось на лекциях. За это ему неоднократно делали выговор и я, и мои коллеги. Мы считали его человеком не в своем уме и безответственным, но, вероятно, на самом деле он был всего лишь непризнанным гением. Система исключила его из университета. Наше мнение было гласом системы. Мы выбрасывали в мусорный ящик образования перспективных мыслителей, не чувствуя за собой никакой вины. И только теперь, научившись покупать мечты свободного ума, я обнаружил, что если бы я расширил диапазон своих оценок интеллекта студентов, то смог бы ставить отличные оценки тем, кто путался во всяческих сведениях.

Этот анализ крайне расстроил меня. Я был нетерпим даже к собственному сыну. Жоао Маркос страдал легкой формой дислексии и отставал от своих товарищей. Я же требовал, давил, желая получить от него то, чего он дать не мог. Мне хотелось, чтобы он был выдающимся учеником, подчеркивая блеск моего собственного имиджа отца и профессора. В послании, которое оставят на моей могиле сын и мои ученики, наверняка не будет ни похвал, ни сожалений. Журема, похоже, поняла ход моих мыслей. Она тронула меня за плечо и тихо сказала:

— Как говорит Александр Грейам Белл, «если мы идем путями, уже пройденными другими, то придем туда, где они уже побывали». Если мы не продадим новых идей с тем, чтобы ученики пошли новыми путями, они, в лучшем случае, смогут прожить жизнь предпринимателей, вдребезги разбивших свои чаяния и мечты.

Предприниматели расходились по одному, внимательно рассматривая склепы, которые миновали. Некоторые вспомнили, что с шестнадцатого по девятнадцатый век бесчеловечная система покупала человеческие существа с черным цветом кожи, словно это были животные, бросала их в проклятые вонючие трюмы кораблей и везла их как рабов в разные места, как в Европе, так и в различных странах

американского континента. Позади оставались друзья, дети, жены, свобода. Впереди их ждали ужасное будущее, боль, принудительные работы и неподконтрольная память о прошлом.

Сейчас создается впечатление, что система произвела на свет новых рабов с единственной разницей, заключающейся в том, что этим рабам платят большие жалования и дают целый ряд привилегий. Позади у них остались дети, жены, друзья, мечты. Впереди ожидает сомнительное, непостоянное будущее в условиях конкуренции и вечной озабоченности, а также принудительный умственный труд. Как нам сказал продавец идей: история — это процесс циклический.

Дом ужаса

Стараниями основных СМИ последние лекции учителя, в особенности та, что была прочитана на кладбище «Реколета», принесли ему еще большую известность. Местное общество было взбудоражено разговорами о том, что даже предприниматели находились теперь под неизгладимым впечатлением от выступления этого загадочного человека. Вопросы, так встревожившие мое сознание, взволновали и горожан.

Некоторые говорили, что он самый хитрый из всех известных обманщиков, другие отзывались о нем, как о мыслителе, намного опередившем свое время. Были и такие, которые считали его главным возмутителем общественного спокойствия, другие, наоборот, полагали, что он — главный устроитель оногo. Кое-кто считал его великим атеистом, другие — носителем не поддающейся пониманию духовности. Некоторые были уверены, что он явился из иного мира, другие, наоборот, признавали в нем одного из немногих людей, еще не потерявших то, что в них было человеческого. А некоторые думали, что к этому человеку либо подходят все перечисленные характеристики, либо не подходит вообще ничего. Его личность, таким образом, стала одной из самых популярных тем дискуссий в барах, ресторанах, кафе и даже в школах. Дискуссии шли на самых повышенных тонах.

По мере роста его славы росли и трудности. Он не давал интервью и не сообщал заранее о своих планах на следующий день, но все равно о них становилось известно, поскольку все его выступления были публичными. Когда нас возмущали репортажи, извращавшие суть его идей, он успокаивал нас: «Свободного общества не существует без свободной прессы. В прессе бывают ошибки, но стоит заткнуть ей рот, как общество окажется в ночи без света, а его коллективный разум потеряет способность говорить».

«Социальная осада» привела к тому, что его фотографировали каждую секунду. Учителю не нравилось быть знаменитостью. Он думал о том, чтобы покинуть либо столицу, либо вообще страну.

Думал о торговле мечтами на Ближнем Востоке, в Азии или в любом другом месте, где люди видели бы в нем простого смертного.

Исчезла возможность вести дебаты на небольших площадках. Он был постоянно в центре внимания общественности. Сотни людей собирались, чтобы послушать его. Ему приходилось говорить громче, но все равно задние ряды образовавшейся толпы не всегда понимали, о чем идет речь. Его учение передавалось из уст в уста. Учителю не нравилось участвовать в дискуссиях в закрытых аудиториях или использовать различные средства информации; ему нравилось говорить на открытом воздухе. Одной из причин такого предпочтения было желание предоставить тем, кто не согласен с его мнением, возможность уйти с места встречи.

Наблюдая за ростом популярности учителя, некоторые предприятия захотели, чтобы его имидж ассоциировался с их имиджем, захотели показать перспективным клиентам, что у них инновационные планы, что они не боятся трудностей и вообще непостижимы. Но подобная перспектива бросала его в дрожь. После того как он отказался от многочисленных подарков и предложений взять деньги за использование его имиджа, случилось нечто необычное. Несколько очень хорошо одетых людей из могущественной группы «Мегасофт» встретились с нами без учителя и сделали нам весьма интересное предложение.

Первый контакт состоялся со мной, Соломоном и Димасом. Первым делом они пропели дифирамбы учителю за ту общественную работу, которую он проводит. После его появления в этих краях общество, по их словам, стало более солидарным, более восприимчивым и гуманным. Они добавили:

— Нам известно, что он организует свою жизнь как человек смиренный, что ему не нравится известность, но мы хотим преподнести ему большой сюрприз, устроить его чествование за то, что он сделал для общества. Это чествование не подразумевает вручения ему каких-то материальных ценностей, так как мы знаем, что он их не примет, но мы хотели бы продемонстрировать свою признательность, предоставив ему самый большой крытый стадион, принадлежащий нашей группе, чтобы он мог выступить там перед более чем пятьюдесятью тысячами слушателей. Эта встреча будет показана по телевидению, а затем передачи повторяют как специальную

программу в лучшее эфирное время на всю страну. Его услышат миллионы людей.

Эти слова нам понравились, хотя и вызвали некоторые сомнения. Однако же предложение руководителей предпринимательского сообщества казалось чистосердечным. А для того чтобы еще сильнее соблазнить нас, переговорщики сказали:

— Пожалуйста, не лишайте нас и общество этой привилегии. Все хотят и должны услышать этого ученого продавца грез. Бесчисленному множеству людей угнетенных, испытывающих беспокойство, замышляющих самоубийство, становящихся наркоманами слова учителя могли бы помочь. Мы настаиваем на этом чествовании, которое станет подарком для народа. Единственное, о чем мы просим, — чтобы он оставался в неведении относительно этих планов. И еще раз повторяем, что хотим преподнести ему большой сюрприз.

Поскольку дело оказалось весьма деликатного свойства, мы поговорили со всей группой. Изучив предложение и представив себе выгоды, которые оно принесет обществу, мы решили, что это было бы неплохо. В конце концов, учителя услышат миллионы. Мы также подумали о том, что настало время публичного чествования учителя. Краснобай и Барнабе восприняли предложение с немалым воодушевлением. Единственным человеком, которому эта идея не понравилась, была Журема, — именно она, держательница акций группы «Мегасофт». Но в конечном итоге она сдалась.

Нам пришлось разработать целую операцию по доставке учителя на стадион. В назначенный день мы проводили его в это грандиозное сооружение. Незадолго до нашего прибытия на место мы обратили внимание на образовавшуюся транспортную пробку и множество людей, проходящих через главные ворота. Когда же мы подошли к служебному входу, учитель что-то заподозрил.

— Зачем нам входить сюда? — спросил он, испытывая некоторое неудобство.

Рассказать ему о готовящемся чествовании мы не могли и попросили молча последовать за нами, мол, мы идем на некое шоу. Поскольку он продолжал задавать вопросы, мы приперли его к стене.

— Во всех наших походах вы неоднократно обращались к нам с просьбами, и мы вас слушались. А теперь просим вас сделать то, что просим мы.

Это было нечто вроде шантажа, так как учитель на самом деле много раз нас слушал и поддерживал в наших начинаниях. Он поддался и молча пошел за нами. Перед входом в ВИП-зал он остановился и спросил:

— Кто подготовил мероприятие?

— Люди, которым вы очень нравитесь. Подождите и увидите сами, — ответили мы, не давая никаких пояснений.

Ответственные работники группы «Мегасофт» находились в особом зале. Здесь был накрыт богатый стол. Стояли фрукты, холодные закуски и соки. Учитель ничего не ел. Он был замкнут, задумчив, углублен в собственные мысли. Мы же набросились на еду как голодные волки. Барнабе схватил огромную гроздь винограда без косточек и, направляя в рот сразу несколько ягод, почти неразборчиво пробормотал:

— Эта шайка — народ толковый.

Бартоломеу, забивший рот тремя кусками салями и двумя кусками ветчины, повторял:

— Мне эти предприниматели нравятся.

Высказавшись, он, страшно фальшивя, запел, чтобы подчеркнуть свою мысль.

Мы подали друзьям сигнал, чтобы они ели молча. Учитель понял: что-то витает в воздухе. Он обеспокоенно посмотрел вверх, словно для того, чтобы отключиться от окружающей обстановки и серьезно подумать. Через двадцать долгих минут пришло время начинать лекцию. Нарядные девушки проводили нас на сцену. Учитель шел по коридорам медленно, тогда как обычно его походка была стремительной.

Прежде чем провести нас на места, организаторы мероприятия, одетые в безупречные костюмы, подошли к группе, чтобы поприветствовать нас. Потом они приветствовали учителя. Их было пятеро. Один из них вел себя как лидер, возможно, это был генеральный директор фирмы, входящей в «Мегасофт». Поздоровавшись с учителем, он пожал ему руку и шутливым тоном сказал:

— Добро пожаловать на стадион. Спасибо за ваши бредовые идеи. У великих людей великие грезы.

Учитель, обычно пребывающий в хорошем настроении, никогда не обижался на то, что его мечты называют бредовыми, но в этот раз, явно испытывая неудобство в царящей здесь атмосфере, окинул взглядом администратора и, вместо того чтобы ответить словами благодарности на приветствие, внимательно посмотрел ему прямо в глаза. Администратор был в растерянности. До того момента учитель, вероятно, все еще верил, что его пригласили на какое-то шоу. После приветствий администраторы расселись в первом ряду партера справа, а нас посадили там же слева.

Над приподнятой частью сцены висел огромный экран восьми метров в высоту и шестнадцати в ширину. На стадионе было еще несколько экранов. Незаметно на подмостках появился церемониймейстер в черном костюме. Он не стал называть ни организаторов, ни корпорацию-спонсора, но взволнованным голосом представил продавца грез. Огромный амфитеатр затих.

— Сеньоры, нам выпала большая честь представить вам человека, самого неоднозначного и творческого из всех, которые появлялись в нашем обществе в последние несколько десятилетий. Человека, не имеющего ни кредитной карточки, ни службы маркетинга, ни денег, ничего не сообщившего о том, откуда он появился, какое у него образование и социальное положение, но тем не менее поразившего общество своим чувством реальности и альтруизмом. Он сумел завоевать признание, которого не могли завоевать многие политики со всем их влиянием на средства массовой информации. Он обрел славу, которой завидуют многие знаменитости. Этот человек — общественный феномен!

В этот момент слушатели прервали ведущего и разразились громом аплодисментов, приветствуя учителя. Мы посмотрели на него и поняли, что он отнюдь не счастлив. Его угнетали похвалы, его, человека, который всегда чувствовал себя уверенно в любых условиях, который обладал превосходной способностью адаптироваться к самым различным ситуациям. Однако то, что он является общественным феноменом, сомнений не вызвало. Мы шли за ним, потому что он был человеком исключительным. А ведущий тем временем продолжал:

— За ним идут и большие, и малые. Его слушают люди никому не известные и важные общественные деятели. Этот человек заставил замолчать левый фланг политики, а ее правый фланг — раскрыть рты

от удивления. Все мы вот уже несколько месяцев находимся в полной растерянности. Журналисты, власти и даже простые люди спрашивают: откуда он пришел? что он пережил? каковы наиболее важные страницы его биографии? почему он расшатывает устой общества? какую цель преследует? Ответов у нас нет. Он называет себя простым продавцом грез, разносчиком идей в обществе, переставшем мечтать.

Представив не поддающегося определению человека, за которым мы следовали, ведущий пригласил учителя на подмостки, произнеся некое подобие шутки, заставившей собравшихся улыбнуться:

— С вами продавец кошмаров!

Затем он сообщил, что мы собрались для того, чтобы чествовать его. Учитель, чувствуя себя скованно, поднялся и прошел на середину сцены. Именно тогда я начал понимать, что происходит. Это было так трогательно — продолжительные приветственные аплодисменты зрителей. Мы, его ученики, радостно аплодировали вместе со всеми. Учитель же шевелил губами, говоря: «Я этого не заслужил. Я этого не заслужил». Ему поспешно прикрепили к лацкану пиджака микрофон, а аплодисменты все еще продолжались...

Я не мог поверить, что люди так полюбили человека в старом черном пиджаке с двумя белыми заплатами — одной спереди и другой сзади, в желтой мятой рубашке, с длинными лохматыми волосами и с давно не бритой бородой; человека, который организовывал публичные дискуссии, оставаясь при этом безымянным. Закончив аплодировать, люди ждали, что он скажет.

Стоя на сцене, он посмотрел в сторону организаторов мероприятия, но благодарить их за проделанную работу не стал. Вскоре он сделал несколько шагов и, глядя на многочисленных слушателей, начал свою речь:

— Многие гнут спины перед королями из-за того, что те обладают властью. Другие кланяются миллионерам, потому что те имеют деньги. Есть и такие, которые падают ниц перед знаменитостями, потому что те стяжали славу, а я же с превеликим смирением кланяюсь всем вам. Такого чествования я не заслуживаю.

Аудитория обезумела. Люди снова вставали и аплодировали ему. Они никогда не видели, чтобы человек, которому оказываются почести, так торжественно оказывал бы почести собравшимся.

Учитель молча ждал, когда утихнут аплодисменты, чтобы продолжить свою речь. Когда же он начал говорить, ведущий прервал его. Мы не поняли, почему ведущий это сделал, поскольку представление, как нам казалось, уже закончилось, и были удивлены тем, что произошло дальше.

— Сеньоры, прежде чем этот таинственный и умный человек одарит нас своими волшебными словами, я хотел бы воздать ему должное за все, что он сделал для существующей социальной системы.

Тут ведущий вежливо попросил учителя прерваться, что-бы посмотреть необычный фильм, который будет показан на огромном экране стадиона. В этот момент учителю отключили микрофон.

Началась демонстрация фильма. Мы ожидали, что на экране в честь учителя появятся поля, цветы, долины и горы. Но картина была не о весне. С экрана повеяло суровой зимой, но не в прямом смысле этого слова: трагической зимой человеческой психики. На белом полотнище появился главный вход в большое и старое здание медицинского учреждения. Это была не больница общего профиля, а психиатрическая лечебница, одна из немногих, еще оставшихся в регионе. Стены с внешней стороны были окрашены в темно-коричневый цвет с поблекшими пятнами. В стене было много трещин в виде горизонтальных желобков. Здание было трехэтажным, прямолинейной архитектуры, как бы по контрасту с человеческой психикой, не прямой, непредсказуемой, нелогичной. Внешний вид здания отнюдь не радовал глаз.

Вскоре объектив проник внутрь лечебницы, и в его поле зрения попали некоторые ее обитатели. Кое-кто из них разговаривал сам с собой, у кого-то тряслись руки — эти были напичканы медикаментами. Камера продолжала двигаться вперед по коридорам. Показались пациенты, сидевшие на неудобных скамейках, устремив неподвижный взгляд куда-то далеко-далеко или упрятав голову между ног. Ни один из кадров фильма не сопровождался ни голосом, ни музыкальным фоном.

Это нам показалось чрезвычайно странным. Мы подумали, что это какой-то очень плохой художественный фильм.

Камера в руках оператора дрожала, и создавалось впечатление, что съемку ведет любитель. Время от времени показ прерывался, и на экране появлялось лицо учителя, снятое телекамерой стадиона. Он

покачивал головой и казался раздосадованным. Мы не знали, что у него сейчас на уме: был ли он больше сбит с толку, чем мы, или воспринимал чествование с какой-то иной точки зрения, которая нам не была доступна, или просто проникся сочувствием к пациентам, которых увидел. Возможно, позднее фильм продемонстрирует, как учитель облагораживает лечебницу своими мечтами, любовью и солидарностью.

Вдруг, подобно тому, как это бывает в фильмах ужасов, послышался крик. Весь стадион был напуган воплем, раздававшимся в лечебнице: «Нет! Нет! Уходи!»

Это был впавший в отчаяние душевнобольной. Сначала оператор показал дверь палаты. Потом эта дверь начала медленно открываться, и в кадре появился интерьер палаты, где находился переживающий мучительные страхи пациент. Он сидел на кровати, закрывал лицо ладонями и не переставая кричал: «Уходи! Уходи из моей жизни!». Пациент был крайне обеспокоен и находился в состоянии неконтролируемой тревоги, пытаясь изгнать монстров, внедрившихся в его сознание. Ладони все еще закрывали его лицо. Он постоянно раскачивался всем телом, как ребенок, играющий в шофера. Больной был одет в белую мятую рубашку с пуговицами, застегнутыми не на те петли. Волосы у него были растрепаны, свидетельствуя о том, что человек совершенно не следит за собой и находится в состоянии самозабвения.

Голос за кадром спросил:

— Что вас так угнетает?

Звук был слабый, но понять разговор было можно.

— Я боюсь! Я боюсь! Помогите! Мои дети сейчас умрут! Помогите мне убрать их отсюда! — кричал, задыхаясь от страха, пациент. Голос за кадром настойчиво требовал ответа.

— Я пришел, чтобы помочь вам. Успокойтесь. Что вас тревожит?

— Я нахожусь в доме, который рушится, — отвечал потрясенный человек. — В доме, который разрушает сам себя. — Вслед за этим больной заговорил с людьми, которых только он мог видеть и слышать. — Нет! Не умирайте! Меня сейчас засыплет! Не оставляйте меня без воздуха!

Люди, собравшиеся на стадионе, сидели молча. Некоторые стали чувствовать нехватку кислорода. Мы тоже сидели так, словно у нас

комков в горле застрял. Пациент пояснил, что отдельные детали конструкции начали отчаянно бороться друг с другом. Мы были в полном замешательстве. Никто ничего не понимал. Мы никогда не слышали, чтобы части дома вступали между собой в борьбу.

Это была высшая точка сумасшествия. Не понимали мы и цели, которую режиссер преследовал, показывая хаос в психике этого человека. Не знали мы также, был ли оператор профессиональным психиатром, собиравшимся позднее использовать отснятый материал для анализа заболевания и лечения больного. Может быть, сейчас появится учитель и вылечит этого пациента, думал я.

— Расскажите мне о ваших видениях, — попросил голос за кадром.

Пациент, не отнимая ладоней от лица, сообщил:

— Потолок кричит: «Я самая главная часть в доме! Я его защищаю, защищаю от солнца и бурь!»

Автор фильма, пытаюсь получить как можно больше информации о галлюцинациях пациента, продолжал настаивать:

— Расскажите еще. Чем больше вы говорите, тем лучше будете себя чувствовать.

Пациент, согнувшийся в три погибели от страха, воскликнул:

— Произведения искусства оглушают меня! Они протестуют, протестуют без конца!

— Что они говорят?

— «Мы — единственные в этом доме. Мы самые дорогие. Все, входящие через главную дверь, рассматривают нас и восхищаются нами в первую очередь». — Обливаясь холодным потом, пациент попытался изгнать голос, который его оглушал: — Уходи из моего сознания! Оставь меня в покое!

В этот момент я вспомнил самого себя на крыше здания «Сан-Пабло». Я не терял рассудок, меня не преследовали галлюцинации и я не чувствовал себя умирающим, погребенным в фантасмагории подземной тюрьмы вместе с моими детьми. Если я пережил неопишемую драму, то представьте себе скорбь этого человека, который пересек все границы безумия. Его скорбь заставила вздрогнуть и меня, и всех присутствующих на стадионе. Моника, также имевшая опыт спуска в глубокие ущелья духовной нищеты, заговорила испуганно и едва слышно:

— Как может человеческий ум опускаться до такого уровня отчаяния?

Страдание, показанное на экране, было так велико и так овладело нашим вниманием, что мы на какое-то время забыли о том, что делаем на этом стадионе. Учитель оставался посередине сцены, повернувшись к нам спиной. Он внимательно смотрел на экран. Чувства, которые он испытывал, было невозможно определить. Он, надо полагать, соболезнавал несчастьем, которое показывали на экране с чудовищным натурализмом.

А пациент, сидя лицом к стене, продолжал говорить:

— Никто меня не понимает! Только лекарства дают! — Потом он сообщил о том, что мебель хотела заняться каннибализмом, поедая другие части дома, и прокричал: — Мебель в порыве ярости хочет проглотить произведения искусства! Кричит им: «Я единственная часть обстановки, достойная этого дома! Я обеспечиваю комфорт! Я украшаю!».

Я бросил взгляд на администраторов группы «ищут» и заметил, что они улыбаются. Подумалось, что такая реакция на увиденное просто невозможна. Эти морды явно знают, что конец фильма будет счастливым и радостным. Не психопаты же они. Как кто-то может улыбаться, видя несчастье другого?

В финале фильма пациент испытывал настоящий ужас. Из подвала дома слышался самонадеянный, жуткий и властный голос. Оператор, заинтересованный в том, чтобы заснять самые мелкие проявления больной психики пациента, повторил вопрос:

— Кто вас беспокоит?

Пациент повернулся к камере спиной, убрал ладони с лица и оперся ими о стену. Он задыхался; грудь его тяжело вздымалась. Оператор безжалостно настаивал:

— Расскажите об этих привидениях. Это ваш единственный шанс избавиться от этих монстров.

Пациент вернулся к тому, с чего начал.

— Я боюсь! — кричал он. — Я боюсь! Сундук грозит разрушить все! Грозится сожрать всю постройку! Ревет трубным голосом: «Я все финансирую! Я купил вас всех, я дал вам жизнь. Склонитесь пред моим могуществом! Я бог этого дома!»

Дыхание пациента свидетельствовало о том, что он астматик. Я никогда не видел человека в таком плачевном состоянии. Никогда не видел человека, столь нуждающегося в помощи. У меня едва не остановилось сердце. В этот момент, пытаясь выйти из подземной тюрьмы, пациент повернулся лицом к камере и начал безысходно кричать:

— Мы все умрем, погребенные под землей. Я боюсь! Я боюсь! Спасите! Все рухнет.

Поскольку его лицо впервые не закрывали ладони, оператор показал его крупным планом. Лицо пациента, отражающее панический страх, увеличилось до размеров гигантского экрана. Когда мы увидели это лицо, рухнул не его дом, рухнул наш мир. Земля ушла у нас из-под ног. Мы дрожали. Онемели. Были парализованы. Сцена была невероятной, сюрреалистической. Пациентом в фильме оказался наш учитель...

Моя реакция внешних проявлений не имела, внутри же все бушевало. Поддавшись панике, мой внутренний голос вопил: «Этого не может быть! Мы шли за нервнобольным, за психопатом. Это невозможно!» Социологический проект рухнул. Нас провели. Революционный порыв оказался очевидным недугом. Я не понимал, охвачен ли я яростью по отношению к тому, за кем шел, или сочувствием к его беде. Было непонятно, то ли я ненавижу себя, то ли не знаю, куда деваться от стыда.

Аудитория молчала. Так же как и я, люди не могли поверить, что учитель и персонаж фильма — это один и тот же человек, поскольку, несмотря на внешнее сходство, у того, кого мы считали своим учителем, борода была чуть короче. Мои друзья взяли друг друга за руки, желая прервать сон, который им не хотелось видеть.

Ведущий, дабы не оставалось никаких сомнений, жестом велел включить микрофон продавца грез. И, словно председательствуя на суде инквизиторов, спросил:

— Можете подтвердить, что персонаж фильма — это вы?

На стадионе воцарилась тишина. Нам очень хотелось, ну просто очень хотелось, чтобы он сказал «нет». Что это обман, что это его двойник, или, кто знает, может быть, брат-близнец. Но, оставаясь верным своей совести, он повернулся лицом к аудитории, задержал

взгляд на группе своих друзей и, прослезившись, ответил без обиняков:

— Это я. Да, это я.

После чего ему сразу же отключили микрофон. В этом не было необходимости, поскольку защищаться он не собирался.

Изобразив на лице издевательскую гримасу, ведущий печальным голосом сказал:

— Сумасшедший.

Потом с удовлетворением покачал головой, повернулся лицом к телевизионной камере, снимавшей мероприятие, и заносчиво продолжил:

— Сеньоры, мы установили личность человека, будоражившего наш славный мегаполис. Установили, откуда взялся тот, кто проникал в сердца тысяч людей. Это ведь настоящий социальный феномен. — Тут он указал пальцем прямо на продавца грез и произнес с сарказмом: — Перед вами самый большой обманщик всех времен и народов. Самый ушлый пройдоха нашего общества. Величайший бунтарь, величайший иллюзионист и еретик нынешнего века. И чтобы продемонстрировать нашу благодарность, мы присваиваем ему почетное звание продавца безумия, кошмаров, мусора, лицемерия и глупостей, созданных нашим обществом.

В этот момент специально приглашенные фотокорреспонденты сделали множество снимков. Очень красивая манекенщица подошла к учителю и вручила диплом. Организаторы продумали все, даже мельчайшие детали. Это было невероятно, но диплом он принял. Принял очень вежливо. Ученики были смущены, зрители — парализованы. Многотысячная толпа молчала.

Мускулы моего лица оставались неподвижными, размышления зашли в тупик, рассудок извергал вопросы: «Идеи, которые мы слышали и которыми восхищались, были порождением больного ума. Как такое возможно? Что я сделал со своей жизнью? Бросился в море грез или кошмаров? Ушел от физического самоубийства и пришел к самоубийству интеллектуальному?»

Психопат или мыслитель?

После демонстрации доказательства того, что пациент из фильма и человек, за которым мы идем, одно лицо, организаторы мероприятия с удовольствием повернулись к нам, чтобы сообщить, что мы — всего-навсего шайка растяп, группа самых доверчивых болванов, каких когда-либо знало общество. Казалось, они пытались отомстить нам. Но за что? Что стояло за всей этой ловушкой? Зачем было публично поносить человека? Что за мотив стоит за яростью, проявленной по отношению к человеку, несомненно, безобидному?

Только позднее мы узнали, что по вине учителя, посвятившего одну из самых смелых своих лекций теме моды, произошло катастрофическое падение курса акций международного гиганта «Ля Фам», принадлежащего концерну «Мегасофт».

Обвал курса акций произошел вскоре после того, как учитель энергично рекомендовал в этом храме моды, что-бы на этикетках товаров и в магазинах одежды повесили объявления о том, что красота не может стандартизироваться, что любая женщина красива по-своему и что никогда не следует равняться на манекенщиц, являющихся генетическим исключением из рода человеческого.

Важно было то, что директор-президент гиганта моды, который был одним из организаторов мероприятия на стадионе, выступил в прессе, заявив, что подобное предложение абсурдно и выдвинуто безумцем. Мало того, он совершил оплошность, приведя в своей заметке неудачную фразу одного блестящего поэта, фразу, которая способствовала краху «синдрома Барби»: «Да простят меня дурнушки, но красота важнее всего». Эта статейка обошла весь мир не только через печать, но и через Интернет, вызывая жаркие дискуссии в СМИ и порождая цепную реакцию отторжения по отношению к этому предприятию. Группа «Ля Фам» получила тысячи писем от людей, противопоставляющих себя ее философии.

В результате курс акций предприятия за два месяца упал на тридцать процентов, что привело к потере более полутора миллиардов долларов. Это был несчастный случай экономического характера. Феномен отщепенца, который присущ только людям, показал свои

когти. Разоблачить человека, нанесшего такой ущерб, стало для руководителей предприятия делом чести, вопросом жизни и смерти. Чтобы восстановить доверие к себе, они решили, что разоблачение должно быть публичным.

Все еще сидя на стадионе, мы не знали, куда девать лица. Мы потеряли смелость, привлекательность и энтузиазм. Я научился боготворить этого человека, но моя энергия иссякла. Теперь я понял боль, звучащую в простенькой и бьющей прямо в цель фразе Джона Леннона, произнесенной им в день распада группы «Битлз»: «Мечте конец». «Наше движение тоже неизбежно распадется», — думал я. Но когда я допустил, что такое чувство владеет всей группой, меня удивили женщины, Моника и Журема. Были ли они сильнее мужчин? Не знаю. Знаю лишь то, что они проявили какой-то иррациональный романтизм, заявив:

— Неважно, был учитель сумасшедшим или остается таковым по сей день. Мы были с ним, когда в его честь звучали аплодисменты, и останемся с ним, когда его освистывают.

Двое мужчин тоже продемонстрировали аналогичную преданность.

— Я еще безумнее шефа. Куда мне идти? — сказал совершенно растерявшийся Бартоломеу.

Не захотел отставать от него и Барнабе.

— Сумасшедший он или нет, мне неизвестно, знаю только одно: он дал мне почувствовать, что я человек. И я его не покину. — Я тоже безумнее его, — сказал он и, желая уколоть Бартоломеу, добавил: — Но менее безумен, чем ты, Краснобайчик.

— Thank you, дружок, — ответил тот, решив, что его похвалили.

Учитель собрался уходить. Он повернулся к нам спиной и направился в сторону выхода. Толпа ликовала. Нам показалось, что его собираются линчевать. Потом мы услышали, как люди начали скандировать:

— Говорите! Говорите! Говорите!

Казалось, стадион вот-вот рухнет. Руководители предприятий, крайне обеспокоенные и не желающие спровоцировать серьезный инцидент с публичными беспорядками, сделали роковую ошибку. Они снова прикрепили к пиджаку учителя микрофон и попросили его вернуться и сказать что-нибудь. Они, конечно же, думали, что он

запачкает себя поверхностными объяснениями и ничем не обоснованными оправданиями. Таким образом они показали, что не боятся душевнобольного человека, которого только что опозорили. Просто они не знали его по-настоящему.

Внимательно осмотрев всю аудиторию и отдельно группу людей, следовавших за ним, он мягким голосом, не боясь ни себя, ни того имиджа, который ему создали, произвел публичное исследование собственной биографии, как специалист микрохирургии, производя вскрытие, исследует каждый нерв и каждый кровеносный сосуд.

Он деликатно рассказал нам историю, еще более драматичную, чем та, которую я уже слышал. Только теперь это было не иносказание, а реальная, жестокая, неприкрашенная история его жизни. Человек, за которым я шел, впервые познакомил нас с особенностями своей личности. Пришло осознание того, что я его тоже не знал по-настоящему.

— Да, я был душевнобольным, а может, и остаюсь таковым. Судить об этом должны психиатры и психологи, а также вы. Меня поместили в лечебницу, потому что у меня началась тяжелейшая депрессия, сопровождавшаяся спутанностью сознания и галлюцинациями. Мой депрессивный криз осложнялся сильнейшим чувством вины. Вины за ошибки, которые я совершил по отношению к людям, которых любил чрезвычайно.

В этот момент учитель сделал паузу, чтобы перевести дух. Казалось, ему хочется собрать воедино свое растерзанное существо, упорядочить мыслительный процесс, чтобы рассказать о своей полной страданий жизни. «Какие ошибки совершил продавец грез, что вывело его из равновесия? — рассуждал я. — Неужели он не был сильным и добрым? Разве он не жил, исповедуя солидарность и терпимость?» К нашему удивлению, он заявил:

— Я был человеком богатым, очень богатым, а также могущественным. Я превзошел всех людей моего поколения. Молодые и старые, все шли ко мне за советом. К чему бы я ни приложил руку, все процветало. Меня прозвали Мидасом. Я был изобретателен, смел, мечтателен, проницателен, не боялся вторгаться в неизведанные еще области. Моя способность адаптироваться к неблагоприятным условиям и жестко отвечать на удары судьбы повергала всех в глубокое изумление. Однако вскоре успех, который я всегда одерживал

и который всегда находился под моим контролем, начал контролировать меня самого, он отравил меня, проник в самые сокровенные уголки моего сознания. Так, не замечая того, я потерял свою простоту и превратился в бога, в бога фальшивого.

От его слов мы все пришли в оцепенение. А я раздумывал: «В самом ли деле он был богат? Каким могуществом он обладал? Не бредит ли он сейчас снова? Не ходил ли он в рванине? Не зависели ли мы от сострадания других?» Настроение у Бартоломеу, прослушавшего откровения учителя, резко изменилось.

— Вот это мой шеф! Попал прямо в цель. Я знал, что он миллионер, — проговорил он, но тут же пришел в себя, почесал затылок и недоверчиво спросил: — Тогда почему же мы жили в таких суровых условиях?

Ответа не последовало. «Вероятно, он разорился, как многие предприниматели, — думал я. — Но может ли финансовый крах вызвать такое серьезное психическое заболевание? Может ли он разрушить нормальную психику и ввергнуть ее в безумие?» Прервав мои размышления, учитель продолжал свой рассказ и осмелился сделать признание:

— Идти вперед, вести конкурентную борьбу, быть первым, быть лучшим, хотя и в этически дозволенных рамках, — такова была цель моей жизни. Я не хотел быть «еще одним», я хотел быть единственным. Я превратился в превосходную машину для производства денег. Проблема состоит не в том, чтобы владеть деньгами, хотя и большим их количеством, а в том, что рано или поздно деньги начинают владеть нами. Когда это случилось со мной, я понял, что деньги могут сделать человека нищим. Я превратился в наиболее беднейшего человека.

Слушая его, я удивлялся могущественному человеку, сбросившему маску и со всей правдивостью отдавшемуся самокритике. На память пришли имена известных политиков, но не было ни одного такого, который обладал бы подобной смелостью. Подумал я и о себе и понял, что у меня такого мужества тоже нет. Его смелая речь начала вдохновлять меня. Я снова начал восхищаться человеком, за которым мы шли. Затем он рассказал, что он, его жена, дети и еще две семьи его лучших друзей решили во время отпуска совершить экологический турпоход, волнующее путешествие по

одному из крупных лесных массивов планеты, который еще оставался нетронутым.

Однако ему никогда не хватало времени, говорил он. Поэтому он спланировал путешествие за много месяцев, записав эту дату в своем календаре. Все шло нормально, но, как всегда, неожиданно возникла необходимость срочно устроить международную видеоконференцию для вкладчиков. Речь шла об очень больших деньгах. Его семья и друзья отложили путешествие на один день, решив подождать его. На следующий день потребовалось срочно завершить одну сделку: купить еще одно крупное предприятие; в противном случае им завладели бы конкуренты. На кону стояли сотни миллионов долларов. Путешествие еще раз отложили. В день, когда путешествие должно было начаться, совет директоров его нефтяной компании доложил о вновь возникших проблемах. Следовало принять важнейшие решения. После этих слов учитель с горечью сообщил собравшимся:

— Чтобы еще раз не откладывать, я принес тысячу извинений и предложил детям, жене и друзьям отправляться в дорогу без меня, пообещав, что присоединюсь к ним позднее, воспользовавшись частным самолетом. Моя любимая жена была не согласна. Жульета, моя любимая дочка семи лет от роду, несмотря на то что была опечалена, поцеловала меня и сказала: «Ты лучший папа в мире». Мой любимый девятилетний сын Фернандо тоже поцеловал меня и сказал: «Ты лучший папа в мире, но и самый занятой». Я им ответил: «Спасибо, дети мои, но однажды у папы появится больше времени для лучших детей в мире». — В этот момент выражение лица учителя изменилось, он горестно вздохнул, сделал паузу и заплакал. Дальше, обращаясь к своим потрясенным слушателям, он заговорил срывающимся голосом:

— Когда я находился на служебном совещании, — это было через несколько часов после того, как они взлетели, — меня прервала секретарша. Она сообщила о падении большого самолета. У меня сильно забило сердце. Прослушав телевизионные новости, я потерял всякую надежду, так как в них говорилось о том, что самолет упал в густой лесной массив и известий о выживших нет. Это был тот самый самолет, на котором они вылетели. Меня оставили силы, я непрестанно плакал. Я потерял все, что имел. Воздух мне нужен был лишь для того, чтобы дышать, идти и жить. Испытывая сильные

душевные муки, я собрал поисково-спасательные группы, но тел так и не нашли; самолет сторел. Я даже не имел возможности попрощаться с самыми важными людьми в моей жизни, посмотреть им в глаза и прикоснуться к ним. Создавалось такое впечатление, что они вообще не уходили.

Человек, которому завидовали, в одночасье превратился в человека, которому соболезновали. Человек, не знавший поражений, превратился в самое слабое существо. А в довершение к постоянным душевным страданиям добавилось мучительное сознание вины.

— Психологи, которые меня лечили, намеревались устранить владевшее мной чувство вины. Пытались внушить мне, что я не могу нести ответственности за эту потерю. Напрямую — нет, косвенно — да. Они пытались защитить меня вместо того, чтобы позволить противостоять этому монстру вины, взять его на себя, поработать над ним, использовать его, приручить его. Я прошел так-же определенный курс психотерапии. Медикаменты проникали в мой мозг, но обходили стороной область вины. Они не облегчали моего самобичевания. Врачи были хорошими профессионалами, но я сопротивлялся; ушел в себя.

Затем он продолжил рассказывать о необычных событиях своей жизни и стал спрашивать себя:

— Что я построил? Почему не занимался в первую очередь тем, что больше всего любил? Почему у меня никогда не хватало смелости резко изменить свой образ жизни? Когда приходит время снизить скорость? Можно ли откладывать на потом собственную жизнь? Что побуждает человека к тому, чтобы обрести все золото мира и лишиться жизни?

Какие потери! Какая эмоциональная нагрузка! Какая невыносимая боль! Когда я его слушал, то начал понимать, что чем больше мы преуспеваем, тем больше теряем. Никто не улетает навсегда в постоянно безоблачное небо, и никто не плавает постоянно по вечно тихой заводи. Одни теряют больше, другие — меньше, одни несут потери, которых можно избежать, другие — такие, которых избежать нельзя. Одни теряют в сфере социальной, другие — в сфере духовной. И если кому-то удастся пройти через жизнь невредимым, то он все равно что-то потеряет, а именно — собственную молодость. Я был человеком теряющим и следовал за учителем теряющим. Однако

внезапно вспомнились последние месяцы наших совместных походов, И я оцепенел. Этот человек, стоящий перед целым стадионом слушателей, — инвалид. Но как ему удавалось плясать? Почему он был самым веселым человеком среди нас? Почему его настроение заражало нас? Как ему удавалось проявлять терпимость, если жизнь проявила к нему такую нетерпимость? Как ему удавалось спокойно жить, неся в своей душе тяжелейший груз страданий?

Задавая себе эти вопросы, я незаметно посмотрел на организаторов мероприятия и увидел, что они буквально потрясены. Похоже, они совершенно не догадывались, какого человека разоблачили. Они не знали, что за личность стоит перед ними, и кто этот человек, над которым они потешались. Я посмотрел на слушателей и увидел, как некоторые люди плачут, то ли сочувствуя учителю, то ли потому, что сами прошли путем таких же потерь. Журема между тем взяла меня за руки, сжала их и взволновала меня еще больше, сказав:

— Но я знаю эту историю. Это он!

Она замолкла, а мое сознание совершенно потеряло покой, и я спросил, наклонившись к ее уху:

— Что вы говорите, профессор?

— Это он! Какие-то ничтожные сержанты устроили ловушку собственному генералу. Как это стало возможным? — говорила она с возмущением. Журема была так встревожена, что не смогла сказать ничего более конкретного.

— Я не понимаю! Кто наш учитель? — спросил я опять.

Она посмотрела внимательно на руководителей, организовавших мероприятие, и сказала то, что окончательно поставило меня в тупик.

— Это невероятно. Он стоит на принадлежащей ему же сцене, — произнесла она и замолчала.

Мое сознание вошло в штопор, подобно тому, как входит в свободное падение воздушный змей, когда рвется нить, удерживающая его в воздухе. Повторив последнюю фразу — «Он стоит на принадлежащей ему же сцене», — я начал понимать, что имела в виду профессор. «Но это невероятно! Этот человек — владелец могущественной группы «Мегасофт»? Сержанты готовят ловушку собственному генералу, думая, что перед ними простой солдат? Ну не абсурдно ли это? Но ведь он мертв? Или где-то скрывался? — думал

я. — Однако учитель не подвергал резкой критике руководителя этой группы, когда мы ужинали в доме Журемы. Это невозможно! Мы просто бредим».

В моем сознании словно начала прокручиваться кинолента. Вспомнилось, что учитель участвовал во многих мероприятиях, связанных с этой корпорацией. Он спас меня на «Сан-Пабло» — здании, принадлежащем группе «Мегасофт». Его, по странному стечению обстоятельств, чуть не застрелили на этом же здании. Его избили в храме информатики явно по требованию ответственного работника этой группы, а он сохранял спокойствие. Его оклеветал журналист из СМИ, принадлежащих этой группе, а он промолчал. Сейчас над ним издевались руководители все той же корпорации, но он не возмущается. Что происходит? Что все это значит? Я глубоко дышал, пытаюсь привести в порядок ураган мыслей. Закрыв лицо руками, я сказал себе: «Это не может быть правдой! Или может? Нет, нет, не может! Мы великие специалисты изобретать факты, когда испытываем сильный стресс». Потом я взял профессора Журему за руку и спросил:

— Как может один из наиболее могущественных людей планеты ночевать под мостами? Как может миллиардер доедать за кем-то остатки пищи? Да это же наивысшее проявление алогичного!

Профессор покачала головой, показывая, что находится в такой же растерянности, что и я.

И до того как я отважился еще сильнее запутаться в своих вопросах, человек, за которым мы шли, заговорил именно о том, что нас сейчас волновало, сообщил нам, что в связи с трагическими утратами, которые он понес, его кризы стали настолько интенсивными, что он начал терять рассудок. Он сказал, что его мысли совершенно смешались. Он отказывался от еды, рисковал жизнью и наконец был помещен в психиатрическую лечебницу. Там он стал видеть фантасмагорические картины, запечатленные на киноленте. Его голова, казалось, должна была вот-вот расколоться.

Перейдя на более уверенный тон, он снова обратился к истории, которую устроители мероприятия использовали для того, чтобы публично «раздеть» его. Он рассказал вторую часть, которая, конечно же, была им неизвестна.

— После мебели, сундука и других предметов, споривших между собой за право быть главным, послышались звуки из другой части дома, но на этот раз голос был мягким, ласковым и звучал искренне. Это был голос, который пробивался из-под земли и нисколько не пугал меня.

И, посмотрев на собравшихся, учитель сообщил:

— Это был голос фундамента. В отличие от прочих частей этого большого дома, фундамент не претендовал на то, чтобы быть главным, лучшим или на то, чтобы играть наиболее важную роль. Он лишь хотел, чтобы его считали равноправной составной частью целого.

Я изо всех сил старался понять, что хотел сказать загадочный человек, за которым я следовал, но это было трудно. Поясняя свою мысль, учитель добавил:

— Однако, услышав голос фундамента, все остальные части дома и мебель начали отчаянно клеймить его позором. Первым был сундук. Преисполнившись спеси, он сказал: «Ты нас позоришь, потому что являешься самой грязной частью дома». Потолок, опьяневший от высокомерия, унизил его, сказав: «Никто и никогда, входя в дом, не спрашивает о фундаменте. Ты не заслуживаешь внимания». Произведения искусства с большим самомнением объявили: «Ты недостойн предъявлять права на какое-то значение, прими как должное свое положение в самом низу». Мебель была категорична: «Ты ничего не значишь. Посмотри, где ты находишься». Так фундамент был отвергнут всеми остальными частями дома. Униженный, оскорбленный и лишенный возможности быть равным среди других частей дома, он решил покинуть его. Каков результат? — спросил учитель собравшихся.

— Дом обрушился, — ответил хором стадион, включая и подростков, которые там оказались.

— Да, дом рухнул. Мой дом, который суть отражение моей личности, рухнул, потому что я недооценил роль фундамента. Когда он обрушился, я поссорился с Богом. Я крикнул ему: «Кто Ты такой, молчаливо наблюдающий, в какой хаос я попал? Ты не вмешиваешься, потому что не существуешь? Или существуешь, но не придаешь никакого значения человечеству?» «Я ссорился со своими психиатрами и психологами. Ссорился с психологическими теориями и с медикаментами. Ссорился с жизнью. Я находил, что она

несправедлива ко мне, являясь источником сомнений. Ссорился с моим имуществом. Ссорился со временем. Иначе говоря, ссорился со всем и со всеми. Но когда фундамент проявил себя, я многое понял, пришло великое прозрение, и я понял, что глубоко ошибался. Прежде всего я поссорился со своим фундаментом. Выбросил на свалку свои фундаментальные ценности, свои приоритеты.

С этим пояснением мы начали немного понимать некоторые тайны, окружавшие образ этого удивительного продавца грез. Учитель без обвиняков начал интерпретировать свои галлюцинации. Он сказал, что чрезвычайно ценил финансовое могущество, представленное сундуком. Придавал исключительное значение представленным потолком интеллектуальным способностям, обеспечивающим победы в конкурентной борьбе. Превозносил социальный престиж и славу, представленные произведениями искусства, жил в свое удовольствие, наслаждаясь жизненными удобствами, представленными мебелью.

— Но я предал и отверг свои основы. Поставил свои занятия и заботы выше любви детей и жены. Я дал им все. Забыл лишь дать то, что с моей точки зрения было мелочью, а с их точки зрения самым главным — самого себя. Мои друзья оставались на третьем плане, мои мечты — на последнем. Как можно быть хорошим отцом, хорошим любовником и хорошим другом, коль скоро люди, которых мы любим, не включены в перечень наших повседневных забот? Только ханжа мог поверить в это. И я был таким ханжой, известным лицемером, которым многие восхищались и в котором с радостью находили свои черты.

Учитель честно признался, что скрывал свои ошибки, промахи и глупости, которые представляли грязную часть его фундамента, но вместе с тем были важными составляющими его личности. Теперь мне ясно, что он хотел сказать, когда говорил: «Кто не признает темных пятен на своей репутации, тот имеет неоплатный долг перед самим собой, тот разрушает то человеческое, что в нем еще осталось».

Выслушав эти резкие слова, я начал понимать того, кто опутал меня чарами. Он не мог быть простым смертным. Ему следовало быть тем, кто выше мыслителя, выше человека блестящего ума и образования. Человек, обладающий такими качествами, мог быть объектом моего восхищения, но не мог бы захватить меня, не «выстругал» бы мое пораженное спесью «Я» по своей мерке. Он должен быть тем, кто побывал в полных препятствий долинах страха,

кто увязал в болоте психических и социальных конфликтов, кого разрывали на куски хищники, пожирающие человеческий ум, кто терялся в лабиринтах безумия. И после всего этого он восстановил свои силы и написал роман о своем существовании. Да, как раз таким и является человек, за которым я иду.

Его мысли проникали в сознание, как мысли философа, а мир его души завораживал. Его реакции на жизненные ситуации были парадоксальными и колебались между двумя крайностями. С ним искали встречи кумиры современного социума, но он не делал различия между проституткой И пуританином, между интеллектуалом и психически больным. Его способность чувствовать поражала нас.

Каждый раз, когда я видел, что полиция кого-то арестовывает и при этом работают телекамеры, я всегда закрывал лицо, желая избежать огласки. Человек, который сейчас стоял передо мной, своего лица не прятал. Я вспомнил, что он сказал психиатру на крыше здания, где мы познакомились. Тогда он сказал, что существуют два типа сумасшествия. И не побоялся добавить, что его сумасшествие было очевидным. Теперь, когда ему, не без нашей помощи, подготовили самую отвратительную ловушку, он, отнюдь не стесняясь своего прошлого, снова заявил о своих ранах перед более чем пятьюдесятью тысячами зрителей. Его честность была кристальной.

Когда он признавался в том, что предал свой фундамент, мой ум был переполнен мыслями о социологических феноменах. А кто не предатель? Какой пуританин в определенные моменты не является развратником по отношению к себе самому? Какой религиозный человек не предаст своего Бога собственным высокомерием и низменными намерениями? Какой идеалист не наносит ущерб своим политическим взглядам во имя подпольных интересов? Какое человеческое существо не предаст свое здоровье, работая сверх положенного времени? Кто не предаст своих грез, превращая свою постель в ложе стрессов? Кто не предаст детей в угоду собственным амбициям, утверждая при этом, что он работает на них? Кто не предаст любовь единственной в его жизни женщины своими предубеждениями или нехваткой желания вести диалог, нехваткой терпимости?

Мы предаем науку своими абсолютными истинами, предаем своих учеников нашей неспособностью слушать их, предаем природу своим развитием. Как говорил нам учитель, мы предаем человечество,

размахивая знаменами, свидетельствующими о том, что мы евреи, палестинцы, американцы, европейцы, китайцы, белые, черные, христиане, мусульмане. Все мы предатели, которым просто необходимо приобретать мечты. У всех нас где-то в глубине души сидит Иуда, мастерски прячущий свой фундамент под ковром активности, этики, морали и социальной справедливости.

Похоже, учитель читал мои мысли. Поняв, о чем я думал, он сначала внимательно посмотрел мне в глаза, потом перевел взгляд на первые ряды слушателей и продолжал.

— Интерпретация видений, пусть кто-то назовет их галлюцинациями, позволила мне признаться себе в том, что мой психический недуг предшествовал моим потерям, — сказал учитель и, демонстрируя, что является существом человеческим, возродившимся из пепла, настроился на веселый лад и шутливо обратился к аудитории: — Осторожно, сеньоры, с вами разговаривает душевнобольной с большим стажем.

Первые ряды вышли из шокового состояния и заулыбались. Эту сцену трудно описать словами.

— Когда я понял, что предал фундамент, мне нужно было найти основы собственной жизни. Именно тогда я покинул лечебницу и надолго изолировал себя от общества для того, чтобы найти самого себя. Это был долгий путь. Я много раз сбивался с него. Но со временем я вышел из своего кокона и превратился в маленькую ласточку, парящую над улицами и проспектами, побуждая людей к поиску самих себя, — проговорил учитель и, снова повеселев, добавил: — Осторожно, друзья, это сумасшествие инфекционное!

Люди опять заулыбались и разразились аплодисментами, словно давно жаждали заразиться — такие люди, как я, Бартоломеу, Барнабе, Журема, Моника, Димас и многие другие. Я вспоминаю тот день, будто это случилось только сегодня, день, когда меня, желающего отказаться от всего, учитель ошеломил поэзией, прочитанным с чувством стихотворением, содержание которого заставило меня примириться с моими основами. Отдельные мысли, заложенные в этом стихотворении, до сих пор находят отклик в моем сознании.

Пусть будет вычеркнут из анналов истории день,
когда родился этот человек!

Пусть утром того дня высохнет роса,
что окропляет траву!
Пусть затуманится погожий день,
несущий радость путнику!
Пусть ночь, в которую был зачат этот человек,
будет беспокойной!
Пусть на небе этой ночью исчезнут звезды,
украшавшие его своим блеском!
Пусть забудутся улыбки и страхи его детских лет!
Пусть уйдут из его памяти все перипетии и происшествия!
Пусть будут вычеркнуты из летописи его зрелого возраста
мечты и ночные кошмары, обретения ума и глупости!

Мы заразились безумием одного продавца идей, научившего нас не отказываться оттого, чем мы в сущности являемся. До этого мы все были «нормальными», то есть — совершенно больными. Нам хотелось быть своего рода богами, но мы не понимали, что это влекло за собой лишь постоянные перегрузки и стресс: ведущие к неврозу обязанности заботиться о своем общественном лице, отдавать должное мнению других, собираться с духом, подвергать себя наказанию, быть требовательным к себе и другим. Мы потеряли легкость бытия. Мы были похожи на болванов, погруженных в собственные ограниченные мыслишки. Нас научили работать, делать карьеру и, к сожалению, равным образом быть специалистами в предательстве собственной сути в тот короткий промежуток времени, который отпущен нам на существование.

Если бы я мог повернуть время вспять

После описания и интерпретации истории огромного дома учитель с большим воодушевлением изложил свои последние идеи. И он снова не стал превозносить свое «я», а заговорил о своей незначительности. Опять обратился к поэзии, прозвучавшей как глас вопиющего в пустыне. Устремив взгляд в пустоту, словно находясь где-то далеко-далеко, он вновь привел нас в замешательство. Он установил неформальную связь с неизвестным мне Богом. Забыв о том, что находится на большом стадионе, заполненном людьми, он воскликнул:

— Бог, кто Ты такой? Почему Ты прячешь свое лицо под покровом времени и не порицаешь мои безумные поступки? Мне не хватает знаний, и Тебе это очень хорошо известно. Ногами я ступаю по поверхности земли, однако же умом я лишь касаюсь поверхности знаний. Я смертельно ранен высокомерием, полагая, будто что-то собой представляю. Даже до такой степени, что когда я говорю, что чего-то не знаю, я показываю свое высокомерие тем, что знаю хотя бы то, что ничего не знаю.

Сказав это, он опустил глаза, быстро посмотрел на руководителей, ненавидевших его, потом взглянул на первые ряды и произнес глубокомысленную речь, каким-то волшебством проникшую в самые дальние уголки наших душ.

— Жизнь чрезвычайно длинна для того, чтобы успеть совершить множество ошибок, но на удивление коротка для того, чтобы просто прожить ее. Осознание краткости жизни приводит в замешательство мои нейроны и показывает мне, что я являюсь путником, мерцающим на поворотах судьбы и рассыпающимся в прах с первыми лучами времени. В этот короткий промежуток между мерцанием и разрушением я иду, чтобы понять, кто я такой. Я искал себя во многих местах, но нашел в одном безымянном месте, в месте, где освистывания и аплодисменты — суть одно и то же, в единственном месте, куда нельзя попасть без нашего позволения, в том числе и нам самим. Ах! Если бы я мог повернуть время вспять! Я захватывал бы меньше власти, и у меня оставалось бы больше сил на то, чтобы одерживать победы. Я принял бы несколько доз безответственности,

перестал бы быть автоматом для решения проблем и превратился бы в человека, позволяющего себе расслабляться, думать об абстрактном и размышлять над тайнами, которых так много вокруг. Если бы я мог повернуть время вспять, я отыскал бы друзей молодости. Где они? Кто из них еще жив? Я нашел бы их и пережил бы вновь моменты искренней дружбы в саду простоты, свободном от искусов финансового могущества. Если бы я мог вернуться, то звонил бы чаще самой любимой на свете женщине в периоды расставаний. Я стал бы самым глупым профессионалом и самым знающим любовником. Я стал бы более веселым и менее прагматичным, менее логичным и более романтичным. Я писал бы до безумия нежные стихи. Говорил бы чаще: «Я тебя люблю!» Признавался бы без страха: «Прости меня за то, что я иногда ухожу от тебя на служебные совещания! Не отвергай меня». Ах, если бы я мог вернуться на крыльях времени! Я бы чаще целовал своих детей, играл бы с ними еще больше, с любовью растил бы их в младенческие годы, как рачительный садовник заботится о цветах на засушливой земле. Гулял бы с ними в дождь, ходил бы босиком по земле, лазил бы с ними на деревья. Меньше беспокоился бы о том, чтобы они не поранились, не простудились, и больше беспокоился бы о том, чтобы они не подхватили заразу, исходящую от общественной системы. Был бы более свободным в настоящее время и менее зависимым от будущего. Работал бы меньше для того, чтобы преподнести им мир, и уделял бы больше внимания тому, чтобы подарить им мир своей собственной души.

Сказав это, учитель внимательно оглядел прекрасный стадион, его колонны, потолок, места для сидения и взволнованно продолжал:

— Если бы я мог повернуть время вспять, то отдал бы все свои деньги за то, чтобы провести еще один день с ними и превратил бы этот день в застывшее навечно мгновение. Но они ушли. Единственные голоса, которые я слышу, это те, что сохранились где-то в дальних уголках моей памяти: «Папа, ты самый лучший в мире, но и самый занятой притом».

После этих фраз, прозвучавших как стихи, учитель залился слезами, показывая, что и великие люди тоже плачут.

— Прошное, — продолжал учитель, — это мой Аргус, не позволяющий мне вернуться, однако настоящее, проявляя добросердечие, поднимает меня, упавшего духом, и дает понять, что

хотя я и не могу изменить то, чем был, но могу сам построить то, чем я буду. Можете называть меня сумасшедшим, психопатом, дураком — неважно. Важно то, что я, как любой смертный, однажды оборву этот спектакль, называемый жизнью, на небольшой сцене, называемой могилой, перед партером плачущих зрителей.

Эта последняя мысль проникла в глубину моего сознания, а учитель закончил свою речь следующими словами:

— Сегодня я не хочу, чтобы было сказано: «В этой могиле лежит богатый, известный и могущественный человек, чьи дела вошли в анналы истории». Не хочу также, чтобы написали: «Здесь покоится справедливый и высоконравственный человек» поскольку это чистая формальность. Однако надеюсь, что напишут: «В этой могиле лежит простой путник, который кое-что понял из того, что значит быть человеком, который немножко научился любить людей и которому удалось продать некоторое количество грез другим прохожим...»

В этот момент он повернулся спиной к аудитории и, не прощаясь, пошел к выходу. У становившуюся на стадионе тишину взорвал гром нескончаемых аплодисментов. Его ученики заплакали. Мы тоже научились не скрывать своих слез на людях. Его предполагаемые враги поднялись. Двое из них аплодировали ему. Директор-президент не знал, что делать и куда спрятать глаза.

Вдруг какой-то мальчишка прорвал систему ограждения, поднялся на сцену и пошел вслед за учителем. Догнав, он радостно обнял его и долго не отпускал. Это был Антонио, двенадцатилетний мальчик, который когда-то в зале для траурных церемоний в отчаянии простался с отцом — в том самом зале, где учитель превратил бдение у гроба в торжественное чествование. Разомкнув объятия, мальчик сказал:

— Я потерял отца, но вы научили меня не терять веры в жизнь. Большое вам спасибо.

Учитель взволнованно посмотрел на ребенка и ошеломил его, сказав:

— Я потерял своих детей, но ты тоже научил меня не терять веры в жизнь. Большое тебе спасибо.

— Позвольте мне следовать за вами, — попросил мальчик.

— Сколько времени в тебе сидит школа?

— Я в шестом классе.

— Ты не понял вопроса. Я не спросил, сколько лет ты ходишь в школу, а сколько времени школа сидит в тебе.

Я, профессор, научившийся искусству обучать людей своего мира, никогда не сталкивался с тем, чтобы кто-то задавал подобные вопросы, тем более мальчику. Мальчишка совсем растерялся.

— Я не понимаю вас.

Вздыхнув и снова внимательно посмотрев на мальчика, торговец идеями сказал:

— В день, когда ты поймешь, ты превратишься в продавца грез, такого как я, и в свободное время сможешь следовать за мной.

Со сцены мальчик уходил в задумчивости и смущении. Но произошло нечто необычное. Его вдруг осенило. На него была направлена камера, и она уловила некую перемену в его лице. Вместо того чтобы идти на свое место, он присоединился к нам. Всем нам хотелось понять, что произошло, но в тот момент этого никто не знал.

Учитель продолжал идти к выходу. Он шел, не имея определенного маршрута, не имея почасового плана. Он жил не торопясь, без карты, подобно ветру, который дует, и никто не знает, откуда и куда. На этот раз он вышел, не пригласив нас следовать за ним. Мы были потрясены до глубины души.

Неужели мы расстанемся навсегда? Неужели мечта торговать мечтами не сбылась? Что же нам теперь делать? Куда идти? Напишу ли я еще несколько рассказов? Этого мы не знали. А знали только, что мы — дети, играющие в театре времени и мало что смыслящие в загадках существования.

Кто такой учитель? Откуда он? В какой школе сформировался? Является ли он самым могущественным на свете человеком или жалким бедняком с неординарными умственными способностями? Этого мы до настоящего момента тоже не знали. Но это неважно! Важно то, что мы вырвались из застенков рутины, вышли из кокона и превратились в маленьких путников. Бартоломеу и Барнабе коснулись моих плеч. Не уверен, поняли ли они все, что произошло на стадионе, возможно, вообще ничего не поняли. Но они честно признались мне:

— Не идите за нами. Мы окончательно потерялись.

Я тепло обнял их, научившись любить людей так, как не предусмотрено ни в каких учебниках психологии и социологии.

Несмотря на неясности относительно нашего будущего, мы посмотрели друг на друга и произнесли:

— Ах! Как мне нравится эта жизнь!

Остальные члены группы тоже заключили друг друга в объятия. Возможно, мы прощались навсегда. Однако, еще не сделав последнего шага к выходу, учитель повернулся и посмотрел на нас. Мы внимательно посмотрели на него. Наши глаза с восхищением воспринимали этот образ. И наша мечта снова вспыхнула! Мы поднялись на сцену и пошли следом за учителем, зная, что впереди нас ждут непредвиденные приключения, равно как и неожиданные продажи. Вышли мы, с большим энтузиазмом напевая нашу песню:

Я всего лишь простой путник,
Потерявший страх потеряться.
Я уверен, что далек от совершенства.
Можете назвать меня безумцем,
Можете смеяться над моими идеями,
Неважно!
Важно то, что я просто путник.
Мечты продаю всем встречным.
Нет у меня ни компаса, ни плана,
Нет ничего, и есть все.
Я всего лишь простой путник —
В поисках самого себя.

Выражение благодарности и признательности

Я встречал многочисленных продавцов грез на своем пути. Умом и добрыми делами они вдохновили меня и позволили увидеть собственную незначительность. Каждый из них в определенный период своего существования начал думать не о себе, но о других, отдавать себя людям, не требуя ничего взамен. Они превратили свои мечты в жизнеспособные проекты, а не в мимолетные желания, сгорающие в огненных смерчах.

Посвящаю эту книгу моему дорогому Жеральдо Перейре, сыну Жозе Олимпио, известного издателя. Не так давно Жеральдо ушел из жизни. Он был поэтом человеческой души, превосходным продавцом грез в мире литературы и социального театра. Он был моим другом и советчиком, и я выражаю ему свою самую большую признательность.

Посвящаю эту книгу глубокоуважаемой подруге и читательнице Марии де Лурдес Абадия, бывшему губернатору Бразилиа. Она продала много грез в бразильской столице, из которых отмечу мечты для людей униженных, живущих среди отбросов города и потребляющих эти отбросы. Она вернула им нечто фундаментально важное для психического здоровья — чувство собственного достоинства.

Моему уважаемому другу Гильерме Аннуду, предпринимателю, обладающему даром благородной восприимчивости и насущной потребностью помогать другим. Своими социальными проектами он предоставил работу сотням бывших заключенных, дав им возможность покинуть касту отверженных и завоевать, вопреки душевным ранам прошлого, неотъемлемый статус существа человеческого.

Дорогому другу Энрике Прату и бригаде врачей известной больницы Пия XII, в особенности доктору Силас и доктору Пауло Прату (ныне покойному), а также моему другу доктору Эдмундо Мауаде. Как и продавец неотступных грез, этот коллектив медиков превратил небольшую онкологическую лечебницу, что в городе Барретус, в одну из самых больших и лучших в обеих Америках. Лечебница теперь бесплатно и на самом высоком уровне обслуживает

пациентов-бедняков, которые в противном случае никогда не смогли бы получить такое лечение. Они доказали, что мечты продлевают жизнь и снимают боль.

Дорогой читательнице Марине Сильве, которая в раннем детстве пострадала от жизненных невзгод. Тем не менее ее мечты переделать мир подарили ей бесстрашие и ум, превратили ее в сенатора, а позднее — в превосходного министра окружающей среды. Марина всей душой желает сохранить природу для будущих поколений. И я хотел бы через нее посвятить этот труд всем ученым Межправительственной комиссии по изменению климата, ведущим неустанную борьбу за то, чтобы убедить политических деятелей немедленно принять меры к предотвращению катастрофы, которую несет парниковый эффект. К сожалению, многие из этих деятелей спокойно улеглись на ложе эгоцентризма и отказываются «покупать мечты».

Дорогим друзьям и руководителям католической церкви, из которых я назвал бы в первую очередь отцов Жонаса Абибе, Оскара Клементе и Сальвадора Ренну, для них любовь к ближнему и терпимость перестали быть теорией и превратились в ежедневную практику. Со своей прославленной любовью они посеяли мечты об обществе, насквозь пропитанном братством и альтруизмом. Дорогим друзьям и руководителям протестантской церкви, из которых я назвал бы Марсело Гуалберто, Агилара Валвасору и Марсио Валадона. Радость самоотречения нашла в них благодатную почву. Где бы они ни проходили, они везде создают атмосферу любви и величия души. Моим бесчисленным друзьям — буддистам, мусульманам, приверженцам спиритизма. Они очаровали меня своими мечтами. Моим друзьям — атеистам и агностикам. Я сам принадлежал к этой группе и знаю, что многие из них замечательные люди, любимые мной мечтатели.

Но в первую очередь я посвящаю этот роман самым главным продавцам грез — учителям. Несмотря на ничтожные жалования, они настойчиво продают мечты в микрокосме учебных помещений для того, чтобы ученики могли расширить пределы своего интеллекта и превратиться в посланцев-преобразователей мира, по крайней мере, их собственного мира. У меня много друзей среди преподавателей самых различных дисциплин. Хотелось бы упомянуть Силаса Барбозу Диаса, профессора Жозе Фернандо Маседо, председателя медицинской

ассоциации Параны, являющегося не только превосходным профессором сосудистой хирургии, но и продавцом гуманности в медицине, а также доктора Пауло Францишини. Доктор Пауло применял, и с прекрасными результатами, мои программы управления намерением и защиты эмоций в своих курсах подготовки кандидатов и докторов, имеющих целью воспитать мыслителей.

Луису Баденесу, Лауре Фалько и Франсиско Соле, блестящим сотрудникам одного из крупнейших издательств мира — «Планета Бразил». Они не просто издают книги, а продают мечты для стимулирования творческих способностей и искусства мыслить у своих читателей. Любимым друзьям Сезару, Денису, Деборе и всем членам коллектива «Планета Бразил». Они были так увлечены книгой «Продавец грез», что предложили мне написать ее продолжение. Выражаю особую благодарность своему другу и издателю Паскоалю Сото за его ум и выдержку. Его советы относительно этой книги бесценны.

Моему «подстрекателю», отцу Соломону, который, как я помню еще с детских лет, всегда продавал мечты, отводил нуждающихся в больницы исключительно из-за удовольствия помогать ближним. Он был прекрасным рассказчиком и выдающимся человеком. Моему просвещенному тестю Георгу Фархейту. Каким бы невероятным это ни казалось, но среди многочисленных грез, которые он продал, была и та, которая гласила, что стоит верить в жизнь всегда: он выдвинул свою кандидатуру в очередной предвыборной кампании демократов, когда ему было уже девяносто лет. А между тем многие молодые люди двадцати-тридцати лет от роду чувствуют себя постаревшими и ни на что не годными. Дорогим Дирсе и Аурее Кабрераза за их бережное отношение к моим работам.

Моей любимой жене Сулейме и моим дочерям Камилле, Каролине и Клаудии. Они очаровывают меня своими хитростями, умом и добротой. Надеюсь, что они никогда не станут приверженцами культа знаменитостей, будут жить, исповедуя искусство познания истины, и поймут, что самые красивые мечты прорастают на почве смирения, а растут и развиваются на почве отказа от конформизма. Я страстно желаю, чтобы они не просто были в школе, а чтобы школа была в них, и чтобы они стали продавцами грез до конца своих дней.

Моим дорогим пациентам. Я не только научил их, но и сам многому у них научился. Их бред, депрессивные кризы, приступы паники и навязчивые состояния научили меня большему, чем ограниченный в объеме универсум научных трактатов. Всем им — моя вечная признательность. Я обнаружил россыпи блестящих идей в душах страдающих людей. Кто не признает реальность их психических конфликтов, тот никогда не станет стоящим врачом, а кто не перестанет поучать других, построив свои теории на основании этих конфликтов, никогда не станет мыслителем.

Вот уже около двадцати лет я живу в лесу, неподалеку от маленького и красивого городка, в котором нет книжного магазина. Именно в этой необычной обстановке сформировались философские, социологические и психологические идеи, изложенные в моих книгах. Я никогда не надеялся на то, что мои книги будут читать миллионы людей, что они будут опубликованы во многих странах и что их будут изучать в различных университетах. Мои мечты завели меня в места невообразимые.